Восточный архив
№1 (51), 2025

«Восточный архив» *издаётся Институтом востоковедения РАН с 1998 г.*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
А.Д. Васильев

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
Ю.Н. Тихонов

Вёрстка

Д.В. Татнинов

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал «**Восточный архив**» обязательна.

Журнал на сайте Института востоковедения РАН: https://ivran.ru/vostochnyj-arhiv

Адрес редакции:
103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 139.
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

© Авторы, 2025
© Институт востоковедения РАН, 2025

Подписано в печать 15.03.2025
Объем 15,0 п.л. Тираж 80 экз.

Отпечатано в изд-ве «Пробел-2000»
109544. Москва, Рабочая ул., 91
Цена в розницу договорная

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора 3

Владимиру Владимировичу Белякову – 75 лет! 4

Гоков О.А. Библиотека Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (1852–1915) 6

Тахнаева П.И., Бадем Д. Фирман султана Абдул-Меджида имаму Шамилю от 1853 года: новое прочтение 21

Рыженков М.Р. Военный дипломат и востоковед генерал В.А. Франкини 28

Шмидт В. Переселенческое движение немецкого крестьянства в Казахстан 39

Бушмакин В.А., Зайцев В.П. Дело о пароходе «Апен» 47

Кадырбаев А.Ш. События Первой мировой войны в Китае 60

Куланов А.Е., Молодяков В.З. «Японский фашизм»: к истории создания идеологемы (окончание) 67

Мелентьев Д.В. Русское крестьянство в раннесоветском Узбекистане 73

Норик Б.В. Миграция из СССР в Иран в 30-е годы XX века 83

Бухерт В.П. К биографии академика В.С. Мясникова 93

Локшин А.Е. Шестидневная война (1967 г.) на Ближнем Востоке 97

Беляков В.В. Записка Е.М. Примакова 108

Прожогина С.В. Ассия Джабар. «Непогребённая» 111

Наши авторы 120

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-3

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Число выпусков «Восточного архива» уже перевалило за 50. А вроде начинали мы с В.И. Шереметом только что! Менялась обложка, количество страниц, менялись авторы… С годами сотрудники Института востоковедения стали уступать место другим исследователям, в том числе и живущим за рубежом. Как и в нынешнем номере.

Например, О.А. Гоков продолжает исследовать библиотеку Кавказского отдела Русского географического общества. Основана она была в середине XIX века и существовала до Первой мировой войны. Автор живёт в Харькове и уже несколько лет пишет нам запрещённым на Украине русским языком. По-русски пишет и живущий в германском городе Регенсбург В. Шмидт. Он родился и жил в юности в Казахстане, для него русский язык – такой же родной, как и немецкий. Статья В. Шмидта посвящена переселенческому движению немецкого крестьянства в Казахстан. А вот и ещё два автора, живущих за границей – Д. Бадем (София, Болгария) и В.А. Бушмакин (Канадзава, Япония). Первый совместно с П.И. Тахнаевой – автор статьи о фирмане султана Абдул-Меджида имаму Шамилю, второй вместе с В.П. Зайцевым описал «Дело о пароходе “Апен”».

Словом, «Восточный архив» – далеко уже не журнал лишь сотрудников Института востоковедения. Его знают и любят все, для кого русский язык родной, где бы они ни жили.

Хочу обратить ваше внимание ещё на ряд материалов. М.Р. Рыженков рассказывает о судьбе работавшего в Османской империи русского офицера В.А. Франкини. Он до Крымской войны восемь лет жил в Константинополе, так что его назначение на пост военного агента при русской миссии в Константинополе было логичным. На этом месте штабс-капитан Франкини проработал много лет.

А.Ш. Кадырбаев описывает период Первой мировой войны в Китае. В основном военные действия шли на северо-востоке страны, их вели японцы против немцев. Японцев поддерживала Великобритания. А русские внимательно наблюдали за происходящим.

Б.В. Норик посвятил статью миграции из СССР в Иран в 1930-е годы. Перемещения через границу были многочисленны и в основном нелегальны. В этом номере вы прочитаете первую часть обширной публикации.

На этом пока всё. Хочу в заключение поблагодарить всех, кто поздравил меня с 75-летием.

В.В. Беляков

Владимиру Владимировичу Белякову – 75 лет!

6 февраля 2025 года исполнилось 75 лет известному российскому востоковеду-арабисту, доктору исторических наук, профессору Владимиру Владимировичу Белякову, чьи труды знают не только в России, но и в дальнем зарубежье, в первую очередь, в странах арабского мира – Египте, Сирии, Палестине, Ираке.

Многие годы юбиляр посвятил труду на журналистском, научном и педагогическом поприще, заслужив уважение и любовь коллег, ценящих его многогранный талант исследователя истории и культуры стран арабского Востока, признанного знатока и открывателя новых страниц древней и современной жизни государств Ближнего Востока. Его книги и научные публикации снискали не только заслуженный авторитет в профессиональном сообществе, но и интерес массового читателя.

В.В. Беляков относится к числу учёных, наряду с прекрасным знанием арабского языка, обладающих талантом внимательного исследования источников и документов. Будучи историком и политологом, он свободно ориентируется в современной арабоязычной исторической литературе, его отличает прекрасное знание материалов архивоведческого характера, серьёзный академический подход к исследуемым им проблемам.

Окончив в 1972 году с отличием арабское отделение факультета международных отношений МГИМО, Владимир Владимирович проявил незаурядные способности и упорство в овладении сложной специальностью востоковеда-арабиста. Свой путь в большую науку он начал на поприще международной журналистики в сердце арабского мира – Каире. А последние 20 с лишним лет жизни юбиляра – это годы вдохновенного научного поиска и основательного осмысления материала, накопленного за время длительного пребывания во многих странах Ближнего Востока, годы кропотливой работы в отечественных и зарубежных архивах.

Отрадно, что возглавляемый В.В. Беляковым коллектив редколлегии научного журнала «Восточный архив» успешно продолжает лучшие традиции отечественного востоковедения, стремясь привить интерес российской общественности к истории и современному развитию этого важнейшего региона, а также передать свою любовь к дружественному России арабскому миру нашей учащейся молодежи – будущему Института востоковедения.

Нет сомнения, что огромный творческий потенциал В.В. Белякова будет воплощён в новых блестящих работах для всех, кто уже оценил его великолепные труды учёного-египтолога: «Российский некрополь в Египте» (Гуманитарий, 2001), «Сокровища Синая» (Вече, 2004), «Египет вдоль и поперёк. Путеводитель» (Вече, 2005), «Каир. Биография города» (М., 2006) «Русский Египет» (Вече, 2008), «Билибин в Египте. 1920-1925. Письма, документы и материалы (М., 2009), «Гуманитарные связи России с Египтом (конец XIX – середина XX века) (Саарбрюкен, Германия, 2011), «Египет. Путеводитель» (Вокруг света, 2012), «Страноведение. История

и культура Египта. Учебное пособие» (М., 2014), «Сфинксы над Невой. Египет в русской культуре» (ИВ РАН, 2015), «Русские у святынь Синая» (Каир, 2015), «Египет глазами россиян XV–XVIII веков» (Каир, 2015), «Путешествие к берегам священным Нила. Русские в Египте» (Каир, 2016), «Между Волгой и Нилом (Каир, 2016), «Русские солдаты в Северной Африке (1940-1945)» (Алетейя, 2017), «Хрущёв и Насер. Из истории советско-египетских отношений. Документы и материалы. 1958-1964. (СПб., 2017), «Русская эмиграция в Египте 1920-е гг. – 1980-е гг. История. Документы. Некрополь» (Алетейя, 2018)», «Насер и Брежнев. Из истории египетско-советских отношений. Документы и материалы. 1965-1970.(СПб., 2021), «Русские на Синае в XV – середине XIX века. Сборник хожений» (М., 2022), «Октябрьская война 1973 года. Сборник доступных документов» (ИВ РАН, 2023) и другие.

Желаем Вам, дорогой Владимир Владимирович, новых уникальных архивных находок, ярких публикаций и выступлений. И пусть никогда в Вашей жизни не угасает радость творчества.

Редколлегия журнала «Восточный архив»

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-6-20

О.А. Гоков

БИБЛИОТЕКА КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (1852–1915 гг.)

Кавказский отдел Императорского Русского географического общества (далее – КОИРГО или Отдел) был создан в 1850 году, когда император утвердил «Положение о КОИРГО», а открыт 10 марта 1851 года в Тифлисе. Согласно «Положению», при нём, помимо библиотеки, должны были быть сформированы Депо местных карт, Статистический архив и Этнографический музеум. Однако из-за недостатка средств были созданы только Музеум и библиотека.

История библиотеки Отдела практически не освещена в научной литературе. Есть только две статьи Е.А. Базылёвой. При всей их ценности, работы эти носят обзорный и неполный характер. В нашей статье мы сделаем попытку реконструировать историю библиотеки КОИРГО на основе опубликованных материалов как самого Отдела, так и Императорского Русского географического общества (далее – ИРГО или Общество).

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы обрываются на 1915 годе. О состоянии библиотеки после 1915 года нам почти ничего не известно, кроме того, что она существовала вплоть до Великой Октябрьской революции 1917 года. В рассматриваемом периоде также есть документальные лакуны по отдельным годам, однако они не мешают составить представление о развитии библиотеки Отдела.

Начало библиотеке было положено присылкой из Общества по пять экземпляров каждого из его изданий, а также дарением книг членами КОИРГО и другими лицами. На 1 мая 1852 года её состав насчитывал 116 наименований книг, журналов, газет, официальных документов, брошюр, карт, планов и пр. на русском, английском, французском, немецком, китайском языках. На общем собрании Отдела 3 апреля 1851 года библиотекарем был избран старший помощник директора Гражданской канцелярии наместника коллежский асессор Гавриил Алексеевич Токарев. В 1846–1848 гг. при Канцелярии кавказского наместника была открыта первая на Кавказе публичная библиотека, а в 1852 году создана Тифлисская публичная библиотека. Обе возглавлял Г.А. Токарев. Поэтому выбор библиотекаря Отдела был профессионально обоснован. После смерти Г.А. Токарева библиотекарем в 1850-х гг. был А.П. Берже, который совмещал эту должность с должностями правителя дел КОИРГО и секретаря Дирекции Музеума. Избран он был 15 февраля 1855 года. В начале 1860-х гг. его на таких же условиях сменил П.Ф. Рисс, а после его смерти – Д.И. Коваленский. С 1864 года должность библиотекаря была ликвидирована окончательно, а его функции переданы правителю дел Отдела.

Библиотека постоянно пополнялась в результате дарения, обмена и покупок. Причём в этом участвовали не только члены КОИРГО и ИРГО, но и учёные из разных уголков России, в том числе из университетов Харькова, Киева, Казани, редакции «Журнала Министерства народного просвещения», Гидрографического департамента Морского министерства, Императорского Московского общества испытателей природы, редакции журнала Министерства государственных имуществ. Например, за период с 1857 по 1860 год книги были получены: в дар от Императорского Русского географического общества, Московского общества испытателей природы, Императорской академии наук, Комитета акклиматизации животных и растений при Московском обществе сельского хозяйства, Императорской публичной библиотеки, Императорского Казанского университета, Университета Святого Владимира, Сибирского отдела Общества,

Медицинского департамента Военного министерства, Министерства государственных имуществ, Императорского Казанского экономического общества, от академиков Г.В. Абиха и М.И. Броссе, от профессора В.И. Лапшина, академика К.М. Бэра, действительных членов КОИРГО И.А. Бартоломея, И.О. Ходзько, А.П. Берже, Н.К. Зейдлица, от подполковника И.Д. Попки. Две книги были пожертвованы без указания пожертвователей. Книги также и покупались. В 1854–1855 гг. у книгопродавца Я. Исакова было приобретено книг для библиотеки на 291 руб. 65 коп.. В 1855 году общее собрание Отдела решило учредить комиссию для закупки необходимых книг, ассигновав на это до 200 рублей серебром ежегодно. Комиссию составили действительные члены КОИРГО барон А.К. Мейендорф, Д.И. Кипиани, И.А. Бартоломей и А.П. Берже. В 1857–1860 гг. куплено было 17 книг. В целом, из-за недостатка средств книги Отдел покупал нечасто.

За период с 1859 по 1864 год было приобретено:

	Книг и брошюр		Периодических изданий	
	Названий	Томов, брошюр и листов	Названий	Томов и брошюр
По географии	27	57	5	138
По статистике	14	16	1	7
По естественным наукам	16	17	3	71
По истории и археологии	13	16	5	26
По разным наукам	7	45	2	46
Смесь	4	11	–	–
Атласов, карт, рисунков	6	29	–	–
Рукописей	1	2	–	–
Всего	88	193	16	288

В 1862 году Распорядительный комитет принял решение приобретать для библиотеки все сочинения о Кавказе или связанные с его географией, выходящие в России и за рубежом. Было решено также выписывать постоянно журналы «Nouvelles annales des voyages» и «Journal asiatique». Тем не менее, далеко не всегда получалось выполнять это решение.

В 1855 году по просьбе Отдела ему стали бесплатно высылать свои издания отдельные организации и общества. В частности, это были «Журнал Министерства народного просвещения», «Журнал Министерства государственных имуществ», «Военно-медицинский журнал», «Записки Московского общества испытателей природы», «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», «Труды Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа», издания Университета Святого Владимира и Казанского университета.

Были и другие способы пополнения библиотечного фонда. Например, в конце 1851 года французский учёный Татбу де Мариньи написал кавказскому наместнику письмо, в котором сообщал о том, что подготовил к печати книгу по гидрографии Чёрного и Азовского морей от античности до средних веков. Француз просил помочь в издании своего труда. На заседании Распорядительного комитета Отдела было решено подписаться на один экземпляр книги и предложить членам Отдела по желанию сделать то же.

В декабре 1857 года на заседании Распорядительного комитета было решено приобрести в книжной лавке Г.В. Беренштама шесть книг на 102 рубля. В свою очередь, книготорговец обратился к Отделу с просьбой продать ему 50 экземпляров 4-й книжки «Записок» со скидкой с каждой по 15%. Эта операция состоялась.

В 1859 году действительный член Отдела И.А. Бартоломей, за которым числился долг по членским взносам с 1849 по 1860 год, предложил Отделу в качестве его погашения сочинения Фирдоуси и Олеария из своей библиотеки, «но с тем, чтобы по принятии от него этих изданий к нему был применён 26 параграф Устава Общества, по смыслу которого он и на будущее время был бы освобождён от определённых по званию члена Общества ежегодных денежных взносов». Заседание Комитета от 14 февраля постановило, что поскольку И.А. Бартоломей являлся действительным членом Общества и был включён в состав Отдела, так как находился на Кавказе, передать вопрос о нём на общее собрание. Совет Общества определил дать ответ на предложение И.А. Бартоломея КОИРГО. Заседание распорядительного комитета 5 января 1860 года постановило принять от него книги в качестве погашения долга по членским взносам. Одна из них являлась текстом и французским переводом персидской поэмы Фирдоуси «Шах-наме». В результате персидскую рукопись из библиотеки Отдела, которую подарил старшина русского купечества в Тегеране Карапет Саррафов, было решено заменить этой книгой, а саму рукопись подарить Императорской Санкт-петербургской публичной библиотеке, прося прислать в обмен какие-либо книги по тематике КОИРГО. В ответ в Отдел был прислан список того, что Петербургская библиотека может предложить взамен рукописи. Выбрано было семь работ, которые и были высланы из Петербурга в Тифлис в 1860 году.

С 1859 по 1864 год в библитеку поступили книги от: ИРГО, Московского общества испытателей природы, Императорской академии наук, Комитета акклиматизации животных и растений, Императорской публичной библиотеки, Императорского Казанского университета, Университета Святого Владимира, Сибирского отдела ИРГО, Медицинского департамента Военного министерства, Императорского археологического общества, Кавказского общества сельского хозяйства, от академиков Г.В. Абиха, К.М. Бэра, Б.А. Дорна и М.И. Броссе, от профессора В.И. Лапшина, И.А. Бартоломея, И.И. Ходзько, А.П. Берже, Н.К. Зейдлица, капитана 1-го ранга Н.А. Ивашинцова, подполковника И.Д. Попки, П.И. Иоселиани. Три книги были пожертвованы без указания жертводателей. Куплено было 21 наименование.

В 1860 году библиотека пополнилась восемью сочинениями, пожертвованными Императорской публичной библиотекой, пятью сочинениями и одной географической картой, подаренными действительным членом КОИРГО Н.К. фон Зейдлицем; на суммы Отдела были приобретены старинный атлас и 14 научных сочинений. К этому следовало прибавить периодические издания, которые получал Отдел.

К 1864 году в библитеке имелось:

	Книг и брошюр		Периодических изданий	
	Названий	Томов, брошюр и листов	Названий	Томов и брошюр
По географии	97	190	11	350
По статистике	21	25	1	7
По естественным наукам	20	42	4	92
По истории и археологии	94	167	7	74
По разным наукам	29	52	2	85
смесь	62	94	10	206
Атласов, карт, рисунков	37	51	–	–
Рукописей	22	24	–	–
Всего	382	645	35	811

Динамику развития библиотечного фонда КОИРГО с 1855 по 1865 год можно проследить по следующим цифрам. К 1 января 1855 года в библиотеке имелось: 291 отдельное сочинение, атласы и карты, которые состояли из 579 томов книг и 29 карт. К ним были составлены общий систематический и два алфавитных каталога. На 1 июля 1855 года библиотечный фонд включал, помимо периодических изданий, 277 сочинений в 581 томе и до 34 географических атласов и карт. К 1856 году в библиотеке было отдельных сочинений, атласов и карт – 318, в том числе всех книг 647. К 1 октября 1856 года она насчитывала 305 сочинений в 631 томе, до 32 географических карт и атласов. К 1857 году – 305 отдельных сочинений в 631 томе и до 32 географических карт и атласов; на 1 октября 1858 года – 358 сочинений и около 745 томов, до 33 географических карт и атласов; к 1 октября 1859 года – 373 сочинения и около 787 томов, а также до 34-х географических карт и атласов; на 1861 год – 311 названий книг и брошюр в числе 508 отдельных книг, 33 названия периодических изданий в 523 книгах, 9 атласов, географических карт и рисунков 64 и 21 рукопись; на 1863 год – 3 187 названий книг и брошюр в числе 521 отдельных книг, 36 периодических изданий, в числе 774 книг и брошюр, 9 атласов, 68 отдельных географических карт и рисунков и 22 рукописи. В 1864 году в библиотеке было: 311 названий книг и брошюр в составе 508 отдельных книг, 33 названия периодических изданий в 523 книгах, 9 атласов, отдельных географических карт и рисунков – 64, рукописей – 21. В 1865 году в библиотеке имелось книг и брошюр в числе 508 отдельных книг, 33 названия периодических изданий в 523 книгах, 9 атласов, 64 отдельных географических карт и рисунков и 21 рукопись. Таким образом, количество изданий библиотеки КОИРГО возрастало год от года.

Помимо приобретения, библиотека делилась изданиями КОИРГО с другими организациями и обществами, в частности, путём обмена своих «Записок» и «Известий» на им подобные периодические издания. В 1860 году, в связи с созданием при Главном штабе Кавказской армии библиотеки, действительный член Отдела начальник Главного штаба Кавказской армии генерал-адъютант Д.А. Милютин просил у Отдела уступить для неё по одному экземпляру всех изданий ИРГО. В результате библиотеке было уступлено по одному экземпляру не только изданий ИРГО, но и «Записок КОИРГО».

В 1870 году, помимо подписных изданий, в библиотеку поступили книги и журналы из Императорской академии наук, Московского общества испытателей природы, Университета Святого Владимира, ИРГО, от кавказских обществ: Сельского хозяйства, Медицинского; от Венского антропологического общества, от Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, от Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете, от Русского бальнеологического общества в Пятигорске, от Сибирского и Оренбургского отделов ИРГО, от Ставропольского губернского статистического комитета, от Тифлисской метеорологической обсерватории. Было договорено об обмене изданиями с Комиссией для статистики города Праги в Богемии.

В начале 1890-х гг. обмен изданиями производился с Финляндским географическим обществом. Таким образом, география получаемой библиотекой Отдела литературы со временем расширялась. Этому способствовал рост популярности его изданий – «Записок» (издавались с 1852 г.) и «Известий» (издавались с 1872 г.). КОИРГО наладил широкий обмен периодическими изданиями с другими обществами и организациями.

В целом, на пополнение библиотеки выделялось немного средств. Причиной всегда назывались «скудные средства Отдела». В результате, основным способом пополнения был обмен. Обмен производился, главным образом, периодическими изданиями, издававшимися Отделом и теми институтами, с которыми вёлся обмен. Обмен книгами был нечастым явлением. Количество организаций для обмена постепенно возрастало и в 1915 году составило около 250 русских научных обществ и учреждений. До Первой мировой войны активный обмен шёл и с иностранными обществами и учреждениями,

но с её началом он почти прервался. Тем не менее, даже во время войны в 1915 году фонд библиотеки увеличился на 1 039 номеров книг и журналов. Из них пожертвована авторами была 21 книга, а куплено 40.

Большой проблемой было и месторасположение библиотечного фонда. По началу библиотека размещалась вместе с Музеумом в одном помещении. 14 апреля 1864 года на общем собрании было заслушано решение Распорядительного комитета о необходимости экономии средств. Было решено ликвидировать Музеум. С упразднением Музеума, по мнению Комитета, отпадала необходимость иметь помещение, поскольку библиотеку можно было передать в Публичную библиотеку и «просить распоряжения управления оной устроить особое отделение для сочинений по географии. Отдел будет по-прежнему приобретать какие признает нужным сочинения на свой счёт и передавать их на хранение в Публичную библиотеку. Вместе с тем, будут передаваться правителем дел в библиотеку и все издания, получаемые Отделом в дар или в обмен на "Записки". Само собой разумеется, что пользование географическими сочинениями Публичной библиотеки должно быть совершенно свободно для членов Отдела».

С августа 1864 года своего помещения Отдел лишился. Книги КОИРГО планировалось переместить в Тифлисскую публичную библиотеку, «в залах которой могут происходить и общие собрания Отдела». Однако, благодаря содействию председательствующего генерал-лейтенанта Генерального штаба А.П. Карцова, который занимал должность начальника Главного штаба Кавказской армии, и нового помощника председательствующего в Отделе – И.И. Стебницкого по ходатайству действительного члена Отдела Н.И. Воронова библиотека и склад КОИРГО временно перебрались не в Публичную библиотеку, а в здание штаба Кавказского военного округа. Библиотека КОИРГО составила особый отдел в библиотеке Главного штаба Кавказской армии, из которого члены КОИРГО могли их получать беспрепятственно по запискам правителя дел или прямо от библиотекаря штаба, если «они ему лично известны».

Несмотря на проблемы с размещением книг и журналов, библиотека продолжала пополняться материалом. Так, в 1867 году выписывались журналы: «Mittheilungen», «Nouvelles Annales des voyages», «Journal asiatique», «Mélanges asiatique». Бесплатно библиотека получала: от Императорской академии наук – «Mémoires», «Bulletin» и «Записки»; от Московского общества испытателей природы – «Bulletin des naturalistes de Moscou», от Университета Святого Владимира – «Известия», от ИРГО – почти все его издания, от Кавказского общества сельского хозяйства – «Записки», от Кавказского медицинского общества – «Протоколы» и «Сборник». В дар от петербургского купца Неустроева получено было 71 сочинение. В 1868 году от него же было получено в дар ещё около 200 сочинений. К выписываемым изданиям добавился «Всемирный путешественник». В 1870 году выписывались журналы: «Mittheilungen», «Nouvelles Annales des voyages». Бесплатно получали: от Императорской академии наук – «Mémoires», «Bulletin» и «Записки»; от Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском московском университете – «Протоколы»; от ИРГО – «Известия» и «Записки»; от Венского антропологического общества «Mittheilungen»; от Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете – «Протоколы»; от Русского Бальнеологического общества в Пятигорске – «Записки»; от Сибирского и Оренбургского отделов ИРГО – «Записки», а от Сибирского ещё и «Известия»; от Ставропольского губернского комитета – «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии»; от Кавказского общества сельского хозяйства – «Записки»; из Тифлисской метеорологической обсерватории – «Кавказские эфемериды» и «Материалы для климатологии Кавказа». По заявлению Комиссии для статистики города Праги (в Богемии), Отдел вошёл с ней в сношения для обмена изданиями.

Тем не менее, «библиотека Отдела находилась в беспорядке, не было даже цельного каталога; издания Отдела за прежние годы, вследствие частой их переноски, растрепа-

лись; оказалось немало и разрозненных изданий». Поскольку библиотека находилась в здании штаба вместе со штабной библиотекой, это вызывало неудобства, в том числе и из-за того, что для размещения всех книг по правилам не хватало места. На заседании Распорядительного комитета 13 мая 1875 года было решено искать для неё отдельное помещение и с этой целью обратиться к правительственным организациям на Кавказе. И вновь на помощь пришёл штаб округа и связи помощника председательствующего в КОИРГО и начальника Кавказского военно-топографического отдела И.И. Стебницкого. С разрешения его начальника в здании окружного штаба для библиотеки было выделено отдельное помещение с кабинетом для чтения при нём. С конца 1870-х гг. постепенно всё стало приводиться в порядок. Были сделаны шкафы, систематизирован библиотечный фонд. После смерти И.И. Ходзько за 100 рублей серебром была приобретена его библиотека.

В 1882 году по предложению члена Распорядительного комитета А.В. Комарова в Межевом отделе Кавказского военно-народного управления было нанято помещение сроком на пять лет по 500 рублей в год. В помещении имелась отдельная комната для канцелярии и склада изданий. В зале и комнатах Межевого отдела было разрешено разместить шкафы Отдела. Всё это было перенесено из здания штаба округа. Часть членов Отдела в зачёт долгов по взносам приняла участие в «приведении в порядок библиотеки».

По не выясненным нами причинам в 1883 году благодаря председательствовавшему в Отделе начальнику штаба округа В.Н. Троцкому библиотека была вновь перемещена в помещение Кавказского штаба. По ходатайству председательствовавшего в Отделе и начальника штаба Кавказского военного округа В.Н. Троцкого Отделу было отведено две комнаты для помещения его библиотеки и склада изданий, «с тем, чтобы этими комнатами могли пользоваться и члены Кавказского общества истории и археологии». Однако по контракту Отдел мог оставить помещение в Межевом отделе только 8 апреля 1887 года и вынужден был заплатить 500 рублей за наём, хотя помещением уже не пользовался. На заседании Распорядительного комитета 11 июня 1886 года А.А. Шепелев заявил, «что Межевой отдел, которому Кавказский отдел Географического общества предоставил возможность занимать около 4½ лет приличное помещение, может из означенной суммы принять на себя уплату 200 рублей; ими можно покрыть расходы по переноске книг и размещении их в новом помещении». В результате было сэкономлено 200 руб., которые и были пущены КОИРГО на расходы по переноске книг и размещению их в новом помещении. Оставшиеся после этого деньги были израсходованы на составление каталогов и списков на картонной бумаге книг для каждой полки.

Впрочем, перемещение книг и журналов из здания в здание заняло несколько лет. В это время происходил пересмотр и упорядочивание библиотечного фонда. Начало этому положил Н.И. Воронов. В 1884 году Отдел получил 200 рублей на приведение библиотеки в порядок. Но после ухода Н.И. Воронова этот процесс шёл медленно, поскольку трудно было найти человека, согласного возиться с книгами за малое вознаграждение. В феврале 1885 года действительный член П.П. Кульберг порекомендовал на должность библиотекаря австрийского подданного чеха Фабиана. Он основывался на отзыве И.Е. Мильберга, по приглашению которого Фабиан привёл в порядок библиотеку Тифлисской физической обсерватории. В конце февраля Фабиан был временно, в виде опыта, допущен к занятиям в библиотеке Отдела и первоначально работал прилежно. Решением Распорядительного комитета 17 мая 1885 года Фабиан был принят библиотекарем КОИРГО с окладом в 200 рублей. Однако проработал он недолго. Во время болезни правителя дел в начале лета 1885 года Фабиан совершил хищение. По словам кореспондента газеты «Кавказ», «Фабиану никоим образом нельзя отказать в хитрости. Фабиан успел ввести в обман две многоуважаемые личности, которые открыли ему доступ в библиотеку Отдела; далее он приобрёл ими расположение у лиц, служащих в том учреждении, в котором помещается библиотека, – сторожам этого учреждения дано было строгое приказание

исполнять беспрекословно приказания личности, бывшей только наёмным работником. Правитель дел довольно часто наведывался, но никто из вышеуказанных личностей не проронил ни словечка, словно их заколдовал Фабиан. Языки развязались только тогда, когда хищение… перестало быть тайною». Как отмечалось на заседании Распорядительного комитета 10 октября 1885 года, «в это время сторожа Межевого отдела, в помещении которого находится библиотека, выносили, по приказанию Фабиана, по нескольку раз в день книги в мешках из помещения библиотеки».

Воровство обнаружилось после выздоровления Л.П. Загурского. 15 июня он объявил Фабиану, что с 16-го займётся окончательным приведением в порядок библиотеки. 16 июня Л.П. Загурский приобрёл у букиниста «связку книг и брошюр, принадлежащих Отделу». Букинист в присутствии полицейского и свидетелей сообщил, что приобрёл книги у Фабиана. 17 июня последний был уличён в тайной продаже книг, а Л.П. Загурский собрал комиссию из членов Отдела, где сообщил о случившемся. По её поручению правитель дел в тот же день сделал заявление в полицию, а 19 июня делом занялся следователь. В поисках книг участвовали не только члены Отдела, но и «интеллигентные лица», не состоявшие в нём, в частности, некий Ф.А. Иванов. Правитель дел предлагал Фабиану деньги за возврат книг, его уговаривали, взывая к его совести. Но Фабиан возвратил только небольшую часть похищенного. Кому он сбывал книги, сообщить отказался. Сначала он пообещал следователю вернуть книги, за что был оставлен на свободе. И действительно принёс несколько книг, брошюр и разрозненных газет. Но затем сказался больным, и целый месяц дело оставалось без движения. Тогда Отдел обратися за помощью к властям Края. Это стимулировало расследование дела полицией. Было найдено несколько сообщников Фабиана. В результате обысков было обнаружено «пять больших мешков, туго набитых книгами и брошюрами Отдела». Осмотр помощником полицейского пристава Свимоновым и следователем К.К. Шмидтом помещений букинистов, магазинов и лавок дал «массу разорванных книг, составлявших имущество Отдела». Букинисты, желая скрыть похищенное, сознательно разрывали издания, перепродавая их в качестве обёрточной бумаги в торговые лавки.

Выяснилось, что Фабиан продавал библиотечный фонд по 80 коп. за пуд, в то время как букинисты перепродавали по 8 коп. за фунт. Впрочем, продажа шла не только на пуды, но и поштучно. 26 июля 1885 года в газете «Кавказ» от имени Отдела было помещено объявление о краже с просьбой о помощи в возвращении украденного, причём за возвращённые издания было обещано вознаграждение. К 11 августа было найдено около 35 пудов книг, брошюр и журналов. Часть книг была выкуплена или возвращена. Так, Ф.А. Иванов купил одну книгу за 80 коп.; правителю дел возвратили целыми книги лица, служившие в Межевом отделе (на сумму около 150 руб.); пристав Кузьминский доставил цельных книг на сумму почти в 100 руб.; целые издания были найдены и при обысках.

Общая пропажа была оценена в 3 000 руб. Дело было передано прокурорскому надзору, а правитель дел за свой счёт стал пополнять расхищенное имущество. Комитет 10 октября 1885 года назначил комиссию для разработки мер по решению проблемы. Одновременно готовилось судебное разбирательство.

Отдел должен был представлять в суде присяжный поверенный, избранный в начале 1886 года в его действительные члены, А.В. Степанов. Из-за болезни последнего место защитника интересов КОИРГО в том же году занял И.Г. Хачатуров, также избранный действительным членом Отдела. В качестве гонорара он согласился довольствоваться квитанцией об уплате единовременного членского взноса.

14 ноября 1886 года на заседании Распорядительного комитета правитель дел сообщил, что нанятые им за свои деньги лица выяснили, что именно пропало в результате хищения. До указанного времени правитель дел сумел восполнить около половины стоимости похищенного имущества. Хотя по хищению было начато судебное разбирательство, Л.П. Загурский считал, что его результат не повлияет на восстановление библиотеки. К сожалению, о дальнейшей судьбе разбирательства нам узнать не удалось.

В 1888 году штаб Кавказского военного округа заявил, что нуждается в двух комнатах, выделенных Отделу на 3-м этаже. Но на 4-м этаже здания штаба имелась небольшая комната, в которой можно было поместить четыре шкафа и большой стол. Остальные шкафы предложено было поставить около стен в соседних комнатах. При содействии начальника штаба и председательствующего в Отделе В.Н. Троцкого вопрос был решён положительно. К декабрю 1888 года Отдел очистил две комнаты на 3-м этаже здания штаба. Ему была уступлена комната на 4-м этаже, в которой поместились четыре шкафа, стол, бумага для печатания. Остальные шкафы были размещены по соседству в других комнатах, а два – на 3-м этаже. На переноску библиотеки и покупку шкафа было израсходовано 100 рублей с небольшим.

Рост библиотечного фонда требовал постоянного обновления каталогов и систематизации. Однако из-за скачкообразного развития Отдела, а потом и из-за отсутствия помещения для библиотеки и штатного библиотекаря, должность которого была отменена, а функции переданы правителю дел в первой половине 1860-х годов, каталогизация сильно запаздывала. Периодически каталоги составлялись, а фонды старались привести в порядок. Но новый «провал» в работе Отдела приводил к очередному накапливанию нерассортированных и некатологизированных изданий, которое приходилось разбирать во время следующего подъёма Отдела. Так, в 1891 году, когда умер правитель дел Л.П. Загурский, библиотека была опечатана, кроме шкафов, находившихся в особой комнате, где хранились издания Отдела. Новый правитель сначала привёл в порядок неопечатанные шкафы, а затем в 1892 году попросил Распорядительный комитет создать комиссию для распечатания и приведения в порядок остальных шкафов. «Председательствующий в Отделе П.Т. Перлик, его помощник А.С. Зеленой и член Комитета П.П. Кульберг, как находящиеся в служебное время в здании штаба, предложили правителю дел свои услуги для этой цели по утрам. Прочие члены Комитета тоже изъявили согласие принять участие в разборе библиотеки, когда им о том будет заявлено».

В результате было составлено два новых каталога. Первый представлял простую инвентарную опись всех книг по порядку их размещения в шкафах и на полках, а второй был алфавитным, написанным на карточках, размещённых на дугах. Это облегчило пользование библиотечным фондом. Но сохранялась другая проблема: в распоряжении библиотеки имелась только одна комната, в которую помещалось лишь пять шкафов. В ней были полусгнившие оконные рамы. Остальные шесть шкафов книг были размещены частью на лестнице здания штаба округа, частью – в коридорах и в разных комнатах иных учреждений штаба. Поэтому нормальное пользование библиотекой было затруднено. На заседании Распорядительного комитета 7 марта 1893 года Е.И. Кондратенко поднял вопрос о необходимости приобретения ещё двух удобных комнат для размещения книжного фонда. Поскольку денег на наём не хватало, он обратился к представителям военной администрации штаба, тем более, что трое из неё – начальник штаба округа П.Т. Перлик, начальник Военно-топографического отдела П.П. Кульберг и начальник Отдела Генштаба А.С. Зеленой – были членами Комитета и присутствовали на заседании, с просьбой выделить в здании штаба две комнаты. П.Т. Перлик пообещал отдать часть помещения, которое занимал Исторический отдел, после его перевода в другое помещение. А.С. Зеленой и П.П. Кульберг пообещали, в случае необходимости, выделить в помещениях своих подразделений штаба места для шкафов с книгами. В результате вопрос был отложен, а Комитет поручил правителю дел составить систематический каталог по отделам.

В 1897 году «библиотека Отдела… была, под наблюдением правителя дел г. Кондратенко, приведена в порядок, и книгам её был составлен каталог; но пользоваться ею члены Отдела, по неудобству помещения, не могли». Проблемой оставалась и покупка новых изданий. Естественно, библиотека по-прежнему пополнялась путём обмена, дарения, при необходимости – покупки книг и журналов. Но характерным было решение Распорядительного комитета 21 января 1900 года: «Ввиду незначительности материальных средств,

находящихся в распоряжении Отдела, – говорилось в нём, – перепечатку тех или иных томов и книг отложить до более благоприятного времени; теперь же, если встретится в том надобность, перепечатывать из них лишь отдельные статьи, наиболее ценные, причём каждый раз вопрос о перепечатке какой-либо статьи подвергать обсуждению Распорядительного комитета».

Впрочем, пополнение библиотеки и без покупки проходило неплохо. Так, в течение января 1900 года в неё поступило книг, журналов, газет 44 наименования, 114 номеров и 131 экземпляр. Из них: газет – 6 наименований, 47 номеров; журналов, книг и брошюр – 38 названий, 67 номеров, 84 экземпляра. А в феврале 1900 года поступило в библиотеку 53 названия, 108 номеров и 110 экземпляров, что составило поступлений с начала года: 76 названий, 169 номеров, 194 экземпляра. В марте и апреле 1900 года поступления в библиотечный фонд составили 78 названий, 266 номеров и 278 экземпляров. Таким образом, с начала года поступило 134 названия, 435 номеров и 475 экземпляров. В мае 1900 года – 70 названий, 105 номеров и 141 экземпляр, что с начала года составило 187 названий, 538 номеров, 613 экземпляров. В июне – 69 названий, 126 номеров, 123 экземпляра. За июль-октябрь 1900 года – 114 названий, 276 номеров, 295 экземпляров, что с начала года составило 299 названий, 940 номеров,1 040 экземпляров.

В 1900 году член КОИРГО В.В. Радулович подарил Отделу три карты, каждой по два экземпляра. Изданы они были в 1894 году и были библиографической редкостью: план города Одессы, геологическая карта Одесского градоначальства и карта главнейших колодцев Одесского градоначальства. В.В. Радулович также подарил Отделу 63 фотографии разных местностей Кавказа и Закавказья.

В 1901 году из Восточного отделения Китайской восточной железной дороги от работавшего там члена Отдела Н.С. Свиягина была получена карта части Манчжурии. Карту было постановлено хранить в библиотеке Отдела. В 1901 году в библиотеку поступило 253 наименования. В 1902 году – 261 наименование. В 1903 году поступлений в библиотеку было 253 наименования. За 1904 и 1905 годы – 710 наименований. За 1906 год – 292 наименования. Как видно из приведённых цифр, фонд библиотеки постоянно пополнялся, но иностранная литература до 1913 года вообще не была каталогизирована и перебрана.

Что до помещения, то его отсутствие оставалось постоянной проблемой. Часть книг была вообще недоступна для пользования, поскольку лежала неперебранной. На общем собрании Отдела 22 февраля 1900 года И.Г. Хачатуров предложил внести в смету расходов пункт о найме помещения для библиотеки «ввиду того, что по неудобству помещения, занимаемого богатою библиотекой Отдела, члены Отдела не имеют возможности пользоваться книгами, которые между тем от времени портятся». Однако это предложение было отклонено. Председательствующий объяснил, что «вопрос о найме помещения для библиотеки был возбуждаем же неоднократно, но разрешить его в положительном смысле представится возможным лишь тогда, когда сумма ежегодных доходов Отдела будет равна приблизительно 3 500 руб. (в настоящее время ежегодно поступает в кассу Отдела в среднем 2 800 рублей)». Поэтому, как писалось в отчёте за 1900 год, «вследствие отсутствия помещения и в отчётном году члены Отдела не имели возможности пользоваться книгами богатой библиотеки Отдела, которые ныне сложены в одной из тёмных комнат в здании окружного штаба». Как отмечалось в отчёте за 1901 год, «библиотека, весьма богатая книгами, нашла, благодаря вниманию и любезности военного начальства, тихое пристанище в здании штаба Кавказского военного округа. Мы говорим “тихое” потому, что сложенные в этом здании книги почти не приносят никакой пользы членам Отдела. Комната темна, книги обильно заносятся пылью. За невозможностью иметь особого библиотекаря и отдалённостью квартиры правителя дел от здания окружного штаба, и правитель дел не в состоянии поддерживать в библиотеке порядок. Все поступающие в Отдел книги доставляются на кварти-

ру правителя дел, и, когда последней грозит опасность быть затопленной ими, перевозятся в штаб, где и складываются кучами на полу, так как в шкафах и на полках уже нет места. Вследствие же отсутствия собственного помещения у Отдела нет центра, где могли бы собираться для обмена мыслями проживающие в Тифлисе члены Отдела; нет возможности собирать материалы по картографии Кавказа и нет надобности заботиться об увеличении и развитии библиотеки, приобретая все выдающиеся новинки по кавказоведению».

На заседании Распорядительного комитета 19 марта 1902 года было постановлено ходатайствовать об увеличении государственной субсидии Отделу. В случае успеха дополнительные деньги решили использовать на найм помещения для библиотеки. Однако субсидия увеличена не была. На заседании Комитета 16 декабря 1902 года по предложению председательствующего, который одновременно состоял и председателем Закавказского статистического комитета, было постановлено ассигновать в виде опыта на 1 год от 150 до 200 руб. в пособие Статистическому комитету на наём помещения для его статистического отдела, «с тем, чтобы в помещении этом было отведено место и для канцелярии Отдела, которая ныне помещается на окраине города в квартире правителя дел».

С 15 февраля 1903 года канцелярия Отдела и часть его библиотеки переехали на Московскую улицу в дом Еникополова № 7 (третий этаж), в помещение канцелярии Закавказского статистического комитета. Здесь КОИРГО была предоставлена отдельная зала, для которой Отдел приобрёл обстановку. В этой зале члены Отдела получили возможность просматривать получаемые КОИРГО издания. Они также имели право брать их на дом. По свидетельству правителя дел, в результате получения помещения в 1903 году резко возросла выдача изданий членам КОИРГО в сравнении с прошлыми годами. Вдоль залы по стенам были развешаны портреты выдающихся членов КОИРГО, здесь же планировалось собирать коллекции фотографий видов и типов Кавказа. Начальник Кавказского военно-топографического отдела П.П. Кульберг снабдил КОИРГО картами Кавказского края и прилегавших стран. Обстановка помещения обошлась в 1903 году в 239 руб. 53 коп. Из них 124 руб. были потрачены на мебель, 31 руб. 85 коп. – на мелкие предметы для обстановки и письменного стола, 20 руб. за 2 вывески и 27 руб. 8 коп. «разных мелких расходов, сопряжённых с переходом в помещение и с устройством в нём». В 1904 году на обстановку помещения было потрачено ещё 17 руб. 25 коп..

В январе 1907 года на заседании Распорядительного комитета был поднят вопрос о необходимости покинуть помещение штаба округа. Представители штаба обратились в Отдел с такой просьбой, поскольку «штаб Кавказского военного округа вынужден использовать для собственных нужд помещение в здании штаба, в котором уже много лет хранится библиотека Отдела». С согласия старшего редактора Статистического отдела при Закавказском статистическом комитете Д.Д. Пагирева, который был одновременно и правителем дел КОИРГО, было решено перенести библиотеку полностью в помещение Статистического отдела и поручить правителю дел привести её в порядок, составить инвентарный карточный каталог и библиографический указатель к книгам и статьям, касающимся Кавказа и сопредельных стран. Для этого правителю было отпущено в счёт сметы 1907 года 340 руб. (в том числе 60 руб. вознаграждения лицу, которое будет вести библиотечные книги). В результате в конце 1907 года вся библиотека, до этого более 20 лет хранившаяся в здании штаба военного округа, была перенесена в помещение Отдела.

В 1910 году на заседании Распорядительного комитета 22 декабря было принято решение о необходимости строительства для Отдела собственного здания. Для этого был создан фонд имени А.А. Фрезе. В этот фонд постановили отчислять плату за помещение, причитавшуюся с Отдела Статистическому отделу Закавказского статистического комитета. В смете на 1911 год на помещение было заложено 200 руб. В дальнейшем в фонд ежегодно отчисляли по 200 руб.

Продолжалось расширение географии обмена изданиями. В 1913 году правитель дел Г.Ф. Чурсин установил обмен изданиями с научными сообществами и учреждениями, с которыми ранее Отдел таких отношений не поддерживал. Таковыми стали: Кавказское горное общество в Пятигорске, Общество исследователей Волыни в Житомире, Общество изучения Олонецкой губернии в Петрозаводске, Архангельское общество изучения русского Севера, Общество изучения Прикамского края в Сарапуле, Пермская, Саратовская и Черниговская учёные архивные комиссии, Харьковское общество любителей природы, журнал «Естествознание и география» и др.

Для пополнение библиотеки и для возможности вести библиографические обзоры работ по Кавказу Г.Ф. Чурсин отправил письма в редакции столичных и кавказских газет, в которых обратился к авторам и издателям трудов по кавказоведению присылать в КОИРГО печатные экземпляры своих работ. Ответ последовал к конце того же года: в Отдел стали поступать оттиски статей и брошюры по кавказоведению. Правитель дел также обратился к крупным издательским фирмам типа А.Ф. Девриена, Сабашниковых и др., с просьбой посылать в КОИРГО для рецензии книги по различным отраслям кавказоведения. В результате в том же 1913 году от А.Ф. Девриена было получено 10 томов географического описания России, издававшегося под редакцией П.П. Семёнова-Тянь-Шанского и В.И. Ламанского.

К концу 1913 года в составе библиотеки Отдела имелось по каталогу книг и брошюр на русском языке 14 137 томов. Произведённая Г.Ф. Чурсиным проверка показала, что налицо их было меньше, поскольку многие лица, бравшие книг на дом, не возвращали их по несколько лет. Издания на иностранных языках в течение ряда лет оставались неразобранными. Поэтому ни нормального каталога, ни возможности пользоваться ими не имелось. По инициативе Г.Ф. Чурсина были составлены инвентарный и карточный каталоги иностранных изданий библиотеки Отдела, а сами они размещены по шкафам и полкам. В итоге, к 1 января 1914 года иностранный отдел библиотеки насчитывал 5 068 томов: отдельных книг и брошюр – 484, периодических научных изданий: на французском языке – 1 234, на немецком – 1 000, на итальянском – 717, на английском и других языках – 1 633 тома. Для пополнения библиотеки иностранными изданиями был установлен более обширный обмен изданиями с иностранными научными обществами и учреждениями.

К 1914 году библиотека по-прежнему пополнялась в основном изданиями, полученными в обмен на издания КОИРГО. В 1914 году Отдел обменивался с 154 русскими научными обществами и учреждениями. Обмен с иностранными прервался из-за начала Первой мировой войны. За год библиотека увеличилась на 605 номеров книг и журналов. Из них 59 книг было пожертвовано, 20 куплено (в частности, «Армения» Х.Ф.Б. Линча, «Библиография Кавказа и Закавказья» М.М. Миансарова и др.). На дом за 1914 год было выдано 294 книги. Кроме того, члены КОИРГО и интересующиеся нечлены пользовались книгами и журналами в помещении Отдела. Последнее находилось в 1915 году по адресу: Тифлис, ул. Московская, дом 3.

Отдельно остановимся на финансирование библиотеки Отдела. Траты на неё, как правило, были незначительными. Только поначалу, когда формировался фонд, расходы были большими. Так, в 1853 году на библиотеку и Музеум было потрачено 700 р., в 1854 году – 160 р., в 1855 году было израсходовано 294 руб. 90 коп. В 1857-1860 гг. затраты составили 464 руб. 59 коп. (с покупкой древних монет), в 1859-1864 гг. – 794 руб. 86 коп., а в 1861-1862 гг. – 322 руб. 52 коп. В 1864 году на библиотеку потратили 81 руб. 87 коп. В дальнейшем расходы на неё стали сокращаться. К концу 1866 года за два с половиной года библиотека поглотила 163 руб. 94 коп. В 1867 году было потрачено на выписку книг и журналов 80 руб. 72 коп., в 1868 году – 38 руб. 28 коп., в 1870 году – всего 10 руб. 20 коп., в 1871 году – 33 руб. 38 коп., в 1872 году – 14 руб. 33 коп., а в 1873 году – 39 руб. 54 коп. Во второй половине 1870-х годов расходы несколько увеличились. В 1877 году на выписку книг и журналов было израсходовано

110 руб. 55 коп., в 1878 году – 58 руб. 47 коп., в 1879 году – 52 руб. 43 коп., в 1880 году – 81 руб. 90 коп.

В 1880-х годах траты на покупку книг и выписку изданий возросли существенно, что было связано с улучшением финансовых дел Отдела:

Год	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889
На библиотеку и склад изданий Отдела	219 р. 35 к.	170 р. 21 к.	65 р. 15 к.	98 р.	235 р. 33 к.	Нет данных	227 р. 56 к.	175 р.	100 р. 19 к.

Зато в 1890-х годах ситуация поменялась кардинально: с 31 мая 1891 по 1 января 1893 года – 49 руб. 80 коп., в 1893 году – 15 руб. 15 коп., в 1894 году – 37 руб. 15 коп.; за 1895-1896 и 1898-1899 годы данных нет, а в 1897 году потрачено было 185 руб. 54 коп. Сокращение расходов в очередной раз было связано с «провалом» в деятельности Отдела.

В начале XX века финансирование оставалось нестабильным:

Год	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906
Покупка книг	73 р. 75 к.	Трат не было	26 р. 80 к.	146 р. 30 к.	56 р. 30 к.	28 р. 50 к.	6 р.

В 1903 году расход был самым большим за указанный период – 146 руб. 30 коп. Но это было на 3 руб. 70 коп. меньше сметы. Из них на выписку книг было потрачено только 26 руб. 80 коп. 17 руб. стоила подписка на газету «Новое время», 97 руб. 50 коп. было уплачено за составление библиографических карточек и 5 руб. за разборку книг. В 1904 году на покупку книг потрачено было 36 руб. 30 коп., а 20 руб. – на составление библиографических карточек, всего – 56 руб. 30 коп.. В 1905 году – 28 руб. 50 коп., из которых 22 руб. 50 коп. израсходовано было на покупку книг, а 6 руб. – за переплёты.

Зато с 1907 года на пополнение библиотечного фонда снова стали выделять значительные средства:

	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
На библиотеку	315 р. 51 к.	197 р. 50 к.	104 р. 30 к.	71 р.	78 р.	69 р. 30 к.	148 р. 70 к.	224 р. 86 к.	300 р. 70 к.

В 1913 году в связи с очередной каталогизацией расходы на библиотеку составили 148 руб. 70 коп.. А затем их резкий рост был обусловлен действиями Отдела по реальному изменению своего статуса как центра кавказоведческих исследований. Последнее требовало сбора по возможности всех касавшихся Кавказа материалов, издававшихся в России и за рубежом.

Подводя итог, можно сказать, что библиотека КОИРГО развивалась скачкообразно, как и сам Отдел. Её развитие во многом зависело от финансового положения последнего, что видно из финансирования покупки книг и журналов. Тем не менее, рост библиотечного фонда на протяжении рассматриваемого периода никогда не прекращался. К сожалению, мы располагаем материалами только до 1915 года, однако бурная деятельность, развёрнутая Отделом с 1913 года с целью превращения его в действительный центр изучения Кавказа, позволяет с уверенностью утверждать, что и после 1915 года, вплоть до 1917 года, количество экземпляров различных изданий в библиотеке КОИРГО только прибывало. Пополнение фонда библиотеки происходило путём покупки, дарения, обмена, подписки. На первых порах главным способом было дарение, со временем основной объём литературы поступал в результате обмена и под-

писки. Отсутствие у КОИРГО собственного помещения негативно сказывалось на библиотеке. По задумке она была предназначена не только для пользования членов Отдела, но и для распространения знаний о Кавказе среди читающей публики. Однако были периоды, и довольно продолжительные, когда доступ ко всем материалам был почти невозможен даже для членов Отдела. Главными причинами этого были малый бюджет КОИРГО и отсутствие специального помещения для библиотеки. Из-за этого в первой половине 1860-х годов Отдел был вынужден отказаться от должности библиотекаря и передал его функции правителю дел. Последний, загруженный как служебной работой, так и другими обязанностями собственно по Отделу, не всегда успевал следить за библиотекой. По мере накопления фонда его становилось всё труднее разбирать и каталогизировать. Именно поэтому несколько созданных за время существования библиотеки каталогов обновлялись не в рабочем режиме, а когда для этого появлялась возможность, иностранный же каталог был создан только к началу Первой мировой войны. Ущерб библиотечному фонду нанесла история с хищением книг и журналов в 1885 году. Однако, несмотря ни на что, библиотека КОИРГО оставалась одной из лучших в Кавказском крае и, возможно, по кавказоведению. Помимо подписных и обменных изданий, в ней содержалось значительное количество работ исследователей Кавказа, часть из которых была уникальной. В разное время библиотечным фондом можно было пользоваться как в помещении библиотеки или Отдела (когда существовала такая возможность), так и вне его: члены КОИРГО имели право брать книги на дом, а со временем такая возможность была предоставлена и нечленам. Финансовые расходы на библиотеку были относительно небольшими. В среднем за 51 год с 1853 по 1915 год, за которые у нас есть данные, на библиотеку выделялось 128 руб. в год. Крупные по меркам бюджета КОИРГО средства тратились только в начале существования библиотеки, в 1880-х годах и во время Первой мировой войны. Они включали в себя не только деньги на покупку книг и выписку периодических изданий. Сюда входили: плата на переноску в случае переезда, плата сторожу и за отопление (когда это было), за разбор и каталогизацию, «на склад» (под складом Отдела подразумевалось в основном хранилище книг, которые часто из-за отсутствия достаточного количества шкафов хранились просто стопами).

Примечания

[1] *Базылева Е.А.* Библиотеки европейских отделов Императорского Русского географического общества // Научные и технические библиотеки. 2024, №5. С. 15–29; *Базылева Е.А.* Кавказский отдел Императорского Русского географического общества и его библиотека // Омский научный вестник. 2015, №5 (142). С. 12–15.

[2] Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества (далее – ЗКОИРГО). 1852. Кн. 1. С. 235–241.

[3] *Лучинский Ю.В.* Князь М.С. Воронцов на Кавказе: Векторы культурной политики // Свободная мысль. 2020, №6. С. 199.

[4] См., например: ЗКОИРГО. 1853. Кн. 2. С. 219–225.

[5] ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 257–258.

[6] Там же. С. 258.

[7] ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 87–91.

[8] ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 34.

[9] Там же. С. 29.

[10] ЗКОИРГО. 1852. Кн. 1. С. 213.

[11] ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 20.

[12] Там же. С. 58.

[13] ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 7.

[14] ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 39–40.

[15] Там же. С. 51.

[16] Там же. С. 63.

[17] ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 29–34.

[18] Кавказский календарь на 1861 г. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1862. С. 177.

[19] Отчёт ИРГО за 1854 год. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1855. С. 18. В дар принесли книги, карты и брошюры: А.А. Уманец, Ю.Ф. Ахвердов, протоиерей И. Романов, П.И. Иоселиани, граф В.А. Соллогуб, М.П. Щербинин, И.Ф. Золотарёв, Н.С. Славин, Н.П. Ваксмут, Н.И. Вольф, М.И. Кова-

ленский, Я.П. Гарелин, Н.Ф. Сафарин, князь Д.И. Долгоруков и А.Н. Бекетов.

[20] ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 294.

[21] Отчёт ИРГО за 1855 год. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1856. С. 13.

[22] Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1856. С. 204.

[23] ЗКОИРГО. 1857. Кн. 4. С. 256. В 1856 г. в обмен на «Записки КОИРГО» было получено несколько журналов: Министерства государственных имуществ, Министерства народного просвещения, Военно-медицинский журнал, записки Восточного отделения Императорского археологического общества, издания университетов: Казанского и Святого Владимира в Киеве и Московского общества испытателей природы [Отчёт ИРГО за 1857 год. СПб.: Тип. Морского министерства, 1858. С. 104].

[24] Кавказский календарь на 1859 г. С. 195.

[25] Кавказский календарь на 1860 г. С. 110.

[26] Кавказский календарь на 1862 г. С. 175.

[27] Кавказский календарь на 1864 г. С. 122.

[28] Кавказский календарь на 1866 г. С. 175–176.

[29] Там же.

[30] ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 74–75.

[31] Отчёт КОИРГО за 1870 год. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1871. С. 19.

[32] Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ИКОИРГО). 1889. Т. 10. №2. С. 31.

[33] Отчёт КОИРГО за 1915 год. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1916. С. 20.

[34] Записки Императорского Русского географического общества (далее – ЗИРГО). 1864. Кн. 3. С. 92.

[35] Кавказский календарь на 1867 г. С. 471.

[36] Кавказский календарь на 1865 г. С. 100.

[37] Отчёт о действиях КОИРГО в 1877–78 гг. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1880. С. 15; Отчёт о состоянии дел КОИРГО от 1878 г. до конца 1882 года / составлен правителем дел Отдела Л.П. Загурским. Тифлис: Типография Главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1883. С. 21.

[38] Кавказский календарь на 1866 г. С. 99; Кавказский календарь на 1867 г. С. 258. Отчёт КОИРГО за 1870 год. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1871. С. 19.

[39] Известия Императорского Русского географического общества (далее – ИИРГО). 1868 (издан в 1869). Т. 4. С. 123–124.

[40] ИИРГО. 1870. Т. 6. С. 67.

[41] ИИРГО. 1871. Т. 7. С. 234.

[42] Отчёт о состоянии дел КОИРГО от 1878 г. до конца 1882 года / составлен правителем дел Отдела Л.П. Загурским. С. 21.

[43] ИКОИРГО. 1878. Т. 5. №3. С. 181.

[44] Отчёт о состоянии дел КОИРГО от 1878 г. до конца 1882 года / составлен правителем дел Отдела Л.П. Загурским. С. 27.

[45] ИКОИРГО. 1883. Т. 8. №1. С. 22. По другим данням, Кавказский межевой отдел предоставил Отделу помещение за плату в 2 000 рублей серебром на 4 года [Отчёт о деятельности и состоянии КОИРГО в 1882 году. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1883. С. 18]. Учитывая, что по соглашению КОИРГО не имел право покинуть его до 8 апреля 1887 г., скорее всего, дата в 5 лет представляется более точной [Отчёт о состоянии дел КОИРГО от 1878 г. до конца 1882 года / составлен правителем дел Отдела Л.П. Загурским. С. 30].

[46] Отчёт о состоянии дел КОИРГО от 1878 г. до конца 1882 года / составлен правителем дел Отдела Л.П. Загурским. С. 28–29.

[47] Отчёт о деятельности и состоянии КОИРГО в 1886 году. Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего на Кавказе, 1887. С. 13.

[48] ИКОИРГО. 1887. Т. 9. №2. С. 242–-243.

[49] Там же. С. 244–245.

[50] ИКОИРГО. 1885. Т. 9. №1. С. 60. В газете «Кавказ» указывалось, что «Фабиан получал за занятия в библиотеке средним числом по 48 руб. в месяц; сверх того, ему было обещано приличное вознаграждение по приведении библиотеки в порядок» [Кавказ.1885. №212. С. 2].

[51] Там же. С. 2.

[52] Там же.

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] Кавказ. 1885. №197. С. 2.

[56] Кавказ. 1885. №212. С. 2.
[57] ИКОИРГО. 1885. Т. 9. №1. С. 62–63.
[58] ИКОИРГО. 1887. Т. 9. №2. С. 241.
[59] ИКОИРГО. 1889. Т. 10. №1. С. 112. ИКОИРГО. 1887. Т. 9. №2. С. 244.
[60] ИКОИРГО. 1889. Т. 10. №1. С. 27.
[61] Там же. С. 32.
[62] ИКОИРГО. 1889. Т. 10. №2. С. 30.
[63] Там же. С. 106.
[64] Кавказский календарь на 1895 год. С. 403.
[65] ИКОИРГО. 1889. Т. 10. №2. С. 107.
[66] ИКОИРГО. 1900. Т. 13. №1. С. 13.
[67] Там же. С. 23.
[68] Там же. С. 27–29.
[69] ИКОИРГО. 1900. Т. 13. №2. С. 45.
[70] ИКОИРГО. 1900. Т. 13. №3. С. 70.
[71] ИКОИРГО. 1900. Т. 13. №4. С. 98.
[72] ИКОИРГО. 1900. Т. 13. №5. С. 103.
[73] ИКОИРГО. 1900. Т. 13. №7. С. 186.
[74] ИКОИРГО. 1900. Т. 13. №2. С. 38.
[75] Там же. С. 40.
[76] ИКОИРГО. 1901. Т. 14. №2. С. 62.
[77] ИКОИРГО. 1902. Т. 15. №3. С. 149–162.
[78] ИКОИРГО. 1903. Т. 16. №2. С. 58–68.
[79] ИКОИРГО. 1904. Т. 17. №2. С. 116–129.
[80] ИКОИРГО. 1906. Т. 18. №4. С. 287–317.
[81] ИКОИРГО. 1907. Т. 19. №2. С. 152–165.
[82] ИКОИРГО. 1900. Т. 13. №2. С. 39.
[83] ИКОИРГО. 1901. Т. 14. №2. С. 56.
[84] ИКОИРГО. 1902. Т. 15. №3. С. 145–146.
[85] Там же. С. 164.
[86] ИКОИРГО. 1902. Т. 15. №5. С. 324.
[87] ИКОИРГО. 1903. Т. 16. №4. С. 84; ИКОИРГО. 1904. Т. 17. №2. С. 112–113.
[88] ИКОИРГО. 1904. Т. 17. №2. С. 113.
[89] Там же. С. 114.
[90] ИКОИРГО. 1906. Т. 18. №4. С. 284.
[91] ИКОИРГО. 1907. Т. 19. №1. С. 93.
[92] ИКОИРГО. 1909. Т. 20. №1. С. 106.
[93] ИКОИРГО. 1901–1912. Т. 21. №2. С. 80.
[94] Там же. С. 81.
[95] ИКОИРГО. 1913–1914. Т. 22. №2. С. 168–169.
[96] ИКОИРГО. 1914. Т. 22. №4. С. 415–416.
[97] ИКОИРГО. 1904. Т. 17. №2. С. 114.
[98] ИКОИРГО. 1906. Т. 18. №4. С. 284.
[99] Там же. С. 285.
[100] ИКОИРГО. 1913–1914. Т. 22. №2. С. 170.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-21-27

Джандан Бадем, Патимат Тахнаева

ФИРМАН СУЛТАНА АБДУЛ-МЕДЖИДА ИМАМУ ШАМИЛЮ ОТ 1853 ГОДА: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

На протяжении четверти века, в 1834-1859 гг., государство горцев Дагестана и Чечни, возникшее под лозунгами войны за веру, во главе с имамом Шамилем противостояло российской армии на Северном Кавказе. В переписке этого периода имам Шамиль называл Дагестан «областью войны» (араб. *дар ал-харб*) между мусульманами и «неверными». В исламской риторике это означало требование вести войну в защиту ислама против «неверных» русских и их союзников из местных мусульман[1]. Несомненно, будучи суннитом, Шамиль признавал турецкого султана халифом мусульман и надеялся на помощь халифа в борьбе против России. Однако султан Махмуд II (1808-1839) после поражения в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. заключил Адрианопольский мир (1829 г.) с Россией и в 1833 году даже получил военную поддержку от императора Николая I против своего непокорного вассала – египетского паши Мухаммада Али. В том же году султан подписал Ункяр-Искелесийский договор о мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Османской империей. Султан Махмуд II, а с 1839 года и его сын султан Абдул-Меджид I не желали новой войны с Россией и не оказывали помощи кавказским горцам в их борьбе против России. Однако ситуация изменилась в 1853 году, когда Россия оккупировала Дунайские княжества и Порта объявила Российской империи войну, известную как Крымская или Восточная война (1853-1856 гг.)[2].

Известно письмо турецкого султана Абдул-Меджида, отправленное имаму Шамилю через несколько дней после объявления войны России, в котором он извещал своего адресата о русской оккупации Молдавии и Валахии на Балканах и о своём решении объявить войну России. Копия письма сохранилась в османском архиве в Стамбуле[3]. Эта копия письма, точнее, высочайшего приказа (фирмана), сопровождается запиской великого визиря в секретариат султана. Великий визирь писал, что высочайший приказ к его превосходительству шейху Шамилю-эфенди направляется сераскиру для отправки адресату, и копия приказа представляется просмотру султана. Записка визиря датирована 5 мухаррем 1270 г.х., т. е. 8 октября 1853 года. По данным секретариата, султан одобрил приказ на следующий день, 9 октября 1853 года. Этот документ опубликовал турецкий историк Мустафа Будак в 1988 году[4]. Однако М. Будак не знал о существовании в России перевода этого письма на арабский язык, опубликованного в 1941 году А.Б. Закс[5]. В свою очередь, мимо российских востоковедов, в частности, Р.Ш. Шарафутдиновой (которая перевела это письмо в 2001 г.), прошла публикация М. Будака.

Письмо, условно датированное востоковедом Р.Ш. Шарафутдиновой «не ранее октября 1853 г. и не позднее 1856 г.», в переводе с арабского языка было опубликовано ею в 2001 году в сборнике документов «Арабоязычные документы эпохи Шамиля»[6]. Р.Ш. Шарафутдинова писала, что перевод документа был выполнен по факсимиле, опубликованному в 1941 годуА.Б. Закс в статье «Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936-1937 гг.». По настоящее время документ хранится в Отделе письменных источников ГИМ (ОПИ ГИМ. Ф. 437. Док. № 1. Л. 686). Сама А.Б. Закс относилась к этому документу, которое называла «Воззванием к Шамилю от имени турецкого султана», несколько осторожно и писала: «Действительное авторство этого документа установить трудно. Печать неразборчива и, возможно, поставлена позже. Язык и почерк не отличаются от других мест-

ных документов. Этот документ, возможно, является копией с воззвания, но вполне вероятно также, что это подделка, составленная и распространяемая сторонниками турецкого протектората»[7].

Этот же документ под названием «Письмо турецкого султана Абдул-Меджида к Шамилю» публиковался в 1959 году в сборнике документов «Движение горцев Северного Кавказа в 20-50 гг. XIX века» и был так же условно датирован «не ранее октября 1853 г.»[8]. В примечании указывалось важное – перевод документа был выполнен «с оригинала, написанного на турецком языке», а его местонахождением указан республиканский краеведческий музей Дагестанской АССР (ныне Национальный музей РД им. А. Тахо-Годи). Несомненно, Р.Ш. Шарафутдиновой был крайне интересен оригинал документа, поскольку ей стало известно, что «в этот период в канцелярии турецкого султана документы составлялись только на турецком языке», но оригинал документа, «чтобы провести сравнительный анализ», оказался ей не доступен. Она также отмечала, что документ, по всей видимости, является арабским переводом турецкого текста письма[9]. Как нам удалось выяснить, документ считается утерянным с 1984 года и в настоящее время в фондах музея не числится.

Таким образом, с 1941 года по настоящее время в распоряжении историков имелись два русских перевода одного документа – письма турецкого султана Абдул-Меджида I к имаму Шамилю: первое, выполненное в 1959 году с оригинала, с османского на русский, и второе, выполненное в 2001 году, с арабского языка на русский – в свою очередь, арабоязычный документ являлся переводом оригинала письма с османского на арабский. По всей видимости, в 1853 году оригинал письма был переведен с османского языка на арабский для имама Шамиля.

Ниже мы приводим полный и точный перевод документа с турецкого оригинала из османского архива.

Письмо/фирман султана Абдул-Меджида Шамилю (9 октября 1853 года)
Перевод с османского

Величайшему из благородных эмиров, славнейшему из почитаемых людей, стоящему на страже границ ислама, отмеченному среди правителей Дагестана шейху Шамилю фирман[10] (да продлится его значимость)[11].

Недавно российская держава сделала предложения, пагубные для прав моего правительства и для независимости моего великолепного султаната, и так как эти предложения были неприемлемы для нашей великой державы, они упорно и настойчиво в своих притязаниях против нас начали крупные военные приготовления и вторглись в Румелию, перейдя реку Прут, составляющую нашу границу, захватили княжества Валахию (Эфлак) и Молдову (Богдан), вероломно нарушив договор.

Поэтому и со стороны моей возвышенной державы, как следует по достоинству государства и халифата, мы, уповая на всепомогающего Аллаха и прибегая к духовной милости пророка, сейида посланников, для ответного возмездия начали военные подготовки, направили и направляем войска вдоль Дуная, в сторону Трапезунда, Эрзерума и других необходимых мест. И хвала Аллаху, всё мусульманское сообщество в союзе и единении решилось воевать до конца, жертвуя жизнью и имуществом в соответствии с аятом «Но есть среди людей такие, кто отдаёт всего себя угоде Бога»[12] и если будет угодно Аллаху, согласно божественному обетованию «Мы поддержали тех, которые уверовали»[13] исламское войско одержит победу благодаря милости Аллаха всевышнего, в соответствии с божьим чудом «Если среди вас будет сто терпеливых, то они одолеют две сотни»[14]. Поистине, по твоей природе и сути ты собрал в себе драгоценную руду страсти и благочестия и поступишь в соответствии с хадисом «Состояние верующего по отношению к верующим подобно зданию, одна часть которого крепко держит другую»[15].

Моё падишахское требование в том, чтобы с той стороны ты тоже начал военные действия с привлечением и подчинением ханов и эмиров Шеки, Куба, Ширван, Карабах, Дербент, Каракайтаг, Фехун [Акуша?], Шамхал и от местностей Эндери, Лиджай [Аксай?] и Илису, и чтобы вы нападали на российские войска с разных сторон вместе с твоими благородными подданными на Кавказе, оказав пользу и благосклонность в службе ясной религии Мухаммада и возвышенного вечного султаната, искренно и подлинно прилагая усилия к исполнению задач.

Данный приказ из моего государственного совета, подтверждающий моё полное доверие, мою веру и убежденность, и благосклонность к тебе, посылается тебе с помощью хваленных Халил и Ибрагим беков из Дагестанских эмиров, имеющих ранг управляющего придворно-конюшенной частью[16] и возвращающихся теперь в ту сторону (да превознесёт их Аллах)[17], а также лучших среди равных Хаджи Хусейн бека, имеющего чин старшего капитана в имперских регулярных войсках, и Касыма, имеющего чин лейтенанта (да превознесет их Аллах).

Как нет надобности описывать и объявлять твоей усердной особе, такие упрямство и настойчивость России по вышеуказанным предложениям являются по сути намерением покушения и оскорбления, и такой способ также имеет отношение к последователям ислама в тех (ваших) местах. Поэтому по прибытии моего великолепного имперского фирмана тебе следует собрать и соединить в союзе местных ханов, эмиров и других нужных лиц, и, приступая к переписке с нынешним муширом[18] моей имперской Анатолийской армии[19], его высокопревосходительством визирем Абди пашой (да превознесет его Аллах), в соответствии с истинным шариатом, проявить храбрость и рвение, жертвуя имуществом и жизнью для возвышения веры.

На тебя возлагается довести этот мой указ до сведения населения того края, объяснить им хорошо и подробно, что те из них, кто проявит храбрость и рвение, жертвуя имуществом и жизнью в этом деле, не забудутся в моём возвышенном султанате, и они будут удостоены монарших благ и милостей от меня, каждый в соответствии со своим статусом, честью и служением, не говоря уже о том неземном вознаграждении, которое они получат согласно хадису «чьи ноги в пыли на пути Божием, тот находит рай».

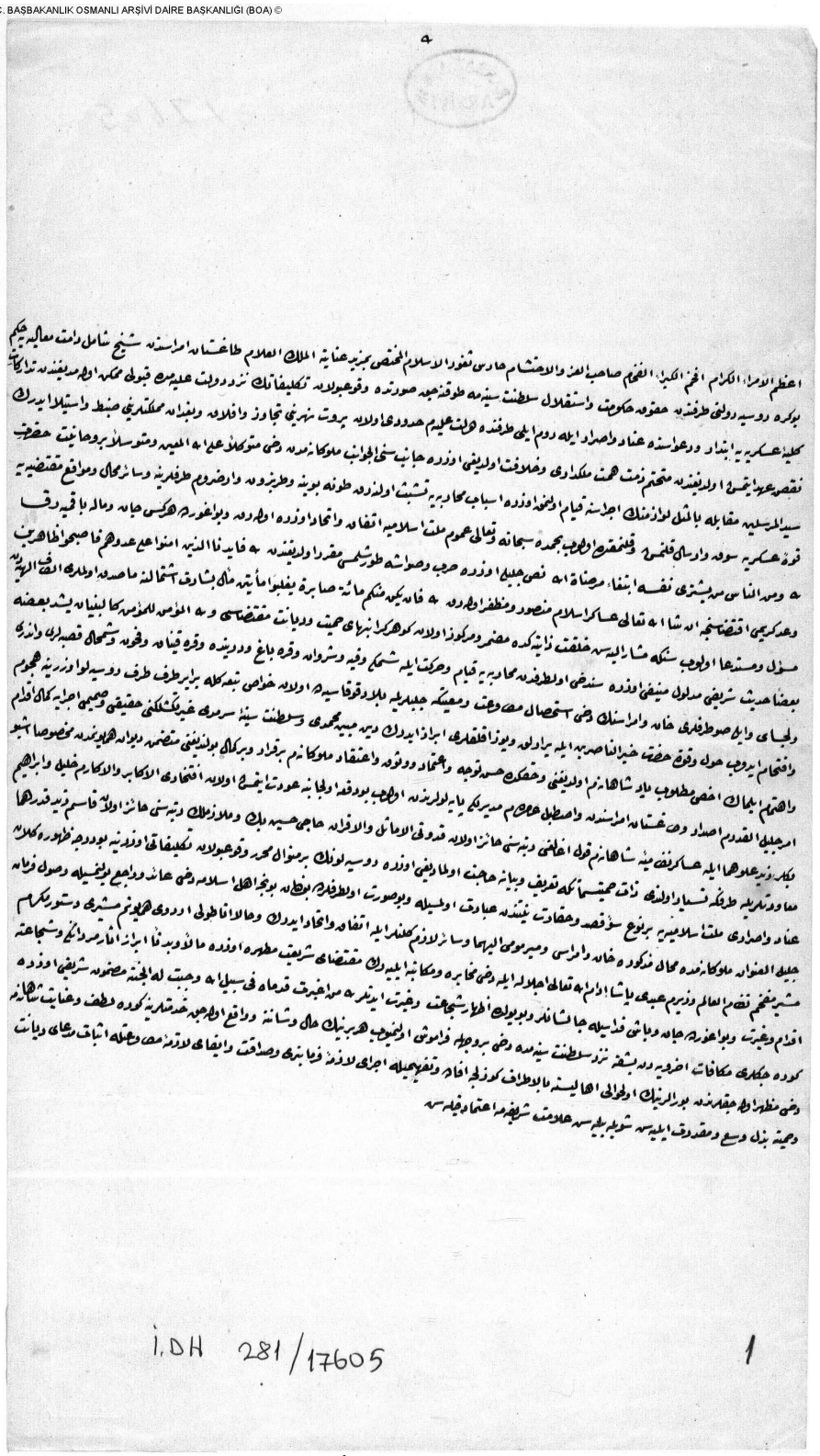
Так приложи усилия и всемерное рвение для исполнения фирмана и для доказательства приверженности вере и усердия. Так знай и доверься моему благородному знаку (тугре).

– – –

При сравнительном анализе перевода копии оригинала источника очевидно, что два известных перевода документа на русский язык (1959 г., 2001 г.) содержат значительные ошибки, упущения, дополнения и неточности, местами противоречат друг другу, содержат искажения и неправильное написание имен, званий, географических названий и исторических областей. В частности, слова султана об объявлении войны в переводе документа с османского на русский (1959 г.), по сравнению с переводом с арабоязычного на русский (2001 г.), переданы без перечисления географических названий, куда вторглась российская армия, а в переводе с арабоязычного на русский (который, напомним, в своё время был переведен с османского на арабский) были искажены.

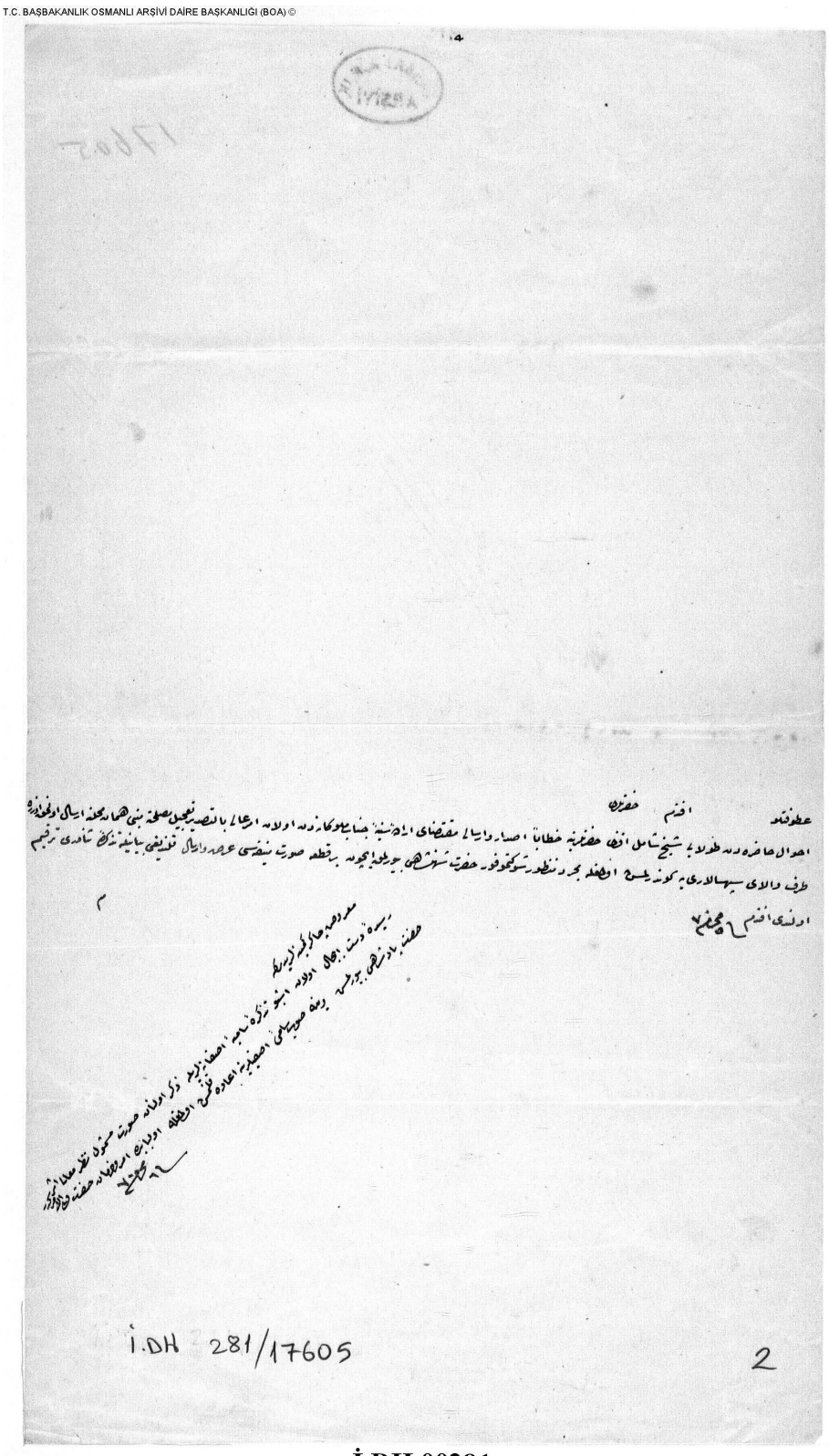
В известных переводах также встречаются смысловые разночтения. В частности, переводе с арабоязычного документа (2001 г.) султан обращается к адресату с требованием «…в соответствии с истинным шариатом проявить храбрость и рвение, [жертвуя] имуществом и жизнью для возвышения веры». В переводе османоязычного документа (1959 г.) султан обещает своему адресату, что «постарается также разнести великую славу о его храбрости, умении и способности жертвовать жизнью и имуществом ради Аллаха». Но самым существенным разночтением является требование султана к имаму Шамилю возглавить войско мусульман и идти на соединение с османской армией на Анатолийском фронте – якобы для этой цели султан передавал под начало имама Шамиля всех

T.C. BAŞBAKANLIK OSMANLI ARŞİVİ DAİRE BAŞKANLIĞI (BOA) ©



İ.DH.00281

Рис. 1 Копия фирмана султана Абдул-Меджида от 8 октября 1853 года



İ.DH.00281

Рис. 2 Оборот копии фирмана султана Абдул-Меджида от 8 октября 1853 года

мусульманских правителей русского Закавказья и Северного Кавказа.

В переводе документа 1959 года этот фрагмент выглядел следующим образом: «*…я привлеку к тебе приказом население из нижеследующих мест*, вместе с ханами и беками… *я представлю их в твое распоряжение вместе с войсками*: ты же должен будешь объединить их со своими дагестанскими силами и прогнать русских из наших селений, населенных людьми ислама; тем самым ты сделаешь дело, угодное Аллаху»[20].

В переводе 2001 года он выглядел так: «*Я объединю и привлеку для участия в войне ханов*, знающих людей и правителей тех владений, которые я называю… а также всех жителей Кавказских гор. *Я передам их*, если пожелает Аллах всевышний, *в твои руки* и под твою власть, по соизволению Аллаха всевышнего»[21]. Надо заметить, что владения и некоторые союзы горских общин, перечисленные в письме султана, так или иначе упомянутые в обоих переводах – являлись давно упразднёнными и включенными в состав Российской империи[22], таким образом, это заявление султана выглядело в фирмане свидетельством плохого владения османским двором внутриполитической обстановкой на русском Кавказе[23].

Однако в копии переведенного нами оригинала документа, выявленного в османском архиве, это заявление султана выглядело иначе. Султан писал: «Моё падишахское требование [заключается] в том, чтобы с той стороны ты тоже начал военные действия с *привлечением* и *подчинением* ханов и эмиров Шеки, Куба, Ширван, Карабах, Дербент, Каракайтаг, Фехун [Акуша?], Шамхал и от местностей Эндери, Лиджай [Аксай?] и Илису». То есть султан не заявляет о своей власти над этими историческими областями, а предлагает имаму «привлечь и подчинить» владетелей этих областей. Султан отчетливо писал: «Поэтому по прибытии моего великолепного имперского фирмана тебе следует собрать и соединить в союзе местных ханов, эмиров и других нужных лиц и, приступая к переписке с нынешним муширом[24] моей имперской Анатолийской армии…». Однако этот фрагмент письма отсутствует в переводах 1959 года и 2001 года.

Примечательно, что в фирмане не упоминается слово «джихад», хотя практически речь в нем идет о призыве на джихад. Возможно, Порта сознательно избегала этого слова, чтобы не вызвать опасения у европейских держав, своих союзников – Англии и Франции. Эти великие державы поддерживали Порту против России: в октябре 1953 года они отправили свой флот в Босфор в знак поддержки, а в апреле 1854 года они объявили войну России.

Таким образом, извлечённая из секретариата султана копия документа на османском языке, фирман султана, позволяет нам определить следующее: точную дату происхождения документа, правильное написание имён и чинов лиц, упомянутых в фирмане, точные названия местностей и исторических областей, переводы и ссылки на аяты из Корана, в своё время пропущенные дагестанскими переводчиками, а также выявить ряд внесенных переводчиками произвольных дополнений, отсутствующих в оригинале документа.

Примечания

[1] *Бобровников В.О.* Крымская война на русском Кавказе: идеология фронтира и дискурс мусульманского сопротивления // *The Crimean War 1853–1856*. Варшава, 2011. С. 299.

[2] О Крымской войне с точки зрения Османской империи, а также об отношениях Порты с Шамилем во время войны см.: *Candan Badem*. The Ottoman Crimean War (Brill 2010), chapter 3.

[3] Османский архив (далее BOA). İ. DH. 281/17605.

[4] *Mustafa Budak*. “1853-1856 Kırım Harbi Başlarında Doğu Anadolu-Kafkas Cephesi ve Şeyh Şamil”, *Kafkas Araştırmaları* I. Стамбул, 1988 С. 132–133.

[5] *Закс А.Б.* Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936-1937 гг. М.: ГИМ, 1941. С. 154.

[6] Арабоязычные документы эпохи Шамиля (пер. Р.Ш. Шарафутдиновой). М.: Восточная литература, 2001.

[7] *Закс А.Б.* Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция. С. 154.

[8] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е годы XIX в.: сборник документов. Махачкала: Дагкнигиздат, 1959. С. 627-628.

[9] Арабоязычные документы эпохи Шамиля. С. 126.

[10] Использовано арабское слово *хукм* вместо *фирман* (здесь и далее комментарии авторов статьи).

[11] Использована форма благопожелания на арабском языке, которая употреблялась в османской дипломатии по отношению к высокопоставленным администраторам, в частности, бывшим визирям; она отличалась от той, которую обычно применяли по отношению к представителям мусульманского духовенства. Форма благопожелания, обращенная к имаму Шамилю, демонстрирует отношение к нему османского двора как к государственному деятелю, а не *улему*.

[12] Коран, Бакара 207. На арабском яз.

[13] Коран, Сафф 14. На арабском яз.

[14] Коран, Энфаль 66. На арабском яз.

[15] На арабском яз.

[16] Этот гражданский чин равнялся военному чину подполковника и не имел прямого фактического отношения к конюшне.

[17] Здесь и далее используются специфические благопожелания для каждого человека в соответствии с его чином и статусом.

[18] *Мушир* – маршал или полный генерал, командующий армией в османских войсках.

[19] Османская Анатолийская армия базировалась в городе Эрзеруме и во время войны в крепости Карс; на Балканском театре войны действовала Румелийская армия.

[20] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. С. 628.

[21] Арабоязычные документы эпохи Шамиля. С. 126.

[22] Тифлисская губерния (1846 г. – Картли-Кахетия), Шемахинская губерния (1846 г. – Бакинское и Карабахское ханства, Гянджа, Казах, Талыш, Ленкорань, Сальяни, Шеки, Ширван), Эриванская губерния (1849 г. – Эриванское и Нахичеванское ханства), Джаро-Белоканский округ (Джар, Илисуйский султанат – до 1844 г.), Прикаспийский край (1847 г. – Кубинское ханство, Кайтаг, Табасаран, союзы общин Ахты, Кази-Кумух, Акуша, Цудахар, Эндирей, Аксай), город Дербент, подчиненный русским комендантам еще в 1818 г.

[23] *Бобровников В.О.* Крымская война на русском Кавказе. С. 313.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-28-38

М.Р. Рыженков

ВОЕННЫЙ ДИПЛОМАТ И ВОСТОКОВЕД ГЕНЕРАЛ В.А. ФРАНКИНИ

В апреле 1856 года завершил свою работу Парижский конгресс, в ходе которого 18 (30) марта был подписан мирный договор, положивший конец Крымской (Восточной) войне 1853–1856 годов. Мирному соглашению предшествовали почти двухмесячные сложные переговоры между дипломатами России, с одной стороны, и коалиции европейских держав – с другой. В коалицию союзников входили государства, принимавшие непосредственное участие в военных действиях (Англия, Франция, Турция и Пьемонт), и те, кто влиял на ход войны посредством ультиматумов и заявлений (Австрия и Пруссия).

Хотя союзники выступали в роли победителей, а Россия признавалась проигравшей стороной, Парижский мир не означал её безоговорочной капитуляции. Союзники возвращали России все захваченные территории в Крыму в обмен на возврат Османской империи земель, занятых русской армией на Кавказском театре военных действий. Наиболее болезненным пунктом договора был запрет России иметь военно-морской флот на Чёрном море, но этот запрет распространялся также и на Османскую империю. К тому же договор не предусматривал выплаты Россией какой-либо контрибуции. Компромиссный характер Парижского мира определил дальнейшее направление русской внешней политики, выраженное в циркуляре нового министра иностранных дел А.М. Горчакова от 21 августа (2 сентября) 1856 года: «Россия не сердится, она сосредотачивается» – так в переводе с французского формулировался её главный принцип. Он означал невмешательство в европейские дела и отказ от стремления к реваншу, что предполагало восстановление прерванных войной дипломатических отношений.

С Османской империей дипломатические отношения прекратились с отъездом из Константинополя посольства А.С. Меншикова в мае 1853 года, а разрыв с Англией и Францией произошёл в феврале 1854 года, незадолго до их вступления в войну против России. Берлин и даже Вену русские дипломаты не покидали в течение всей войны, хотя прусское и австрийское правительства занимали далеко не дружественную позицию, а последнее внесло весомый вклад в поражение России.

Как бы то ни было, после войны потребовалось существенное обновление русских дипломатических миссий в столицах бывших противников. Во Францию послом был назначен граф П.Д. Киселёв, старший брат Н.Д. Киселёва, занимавшего этот же пост до войны и в её начале, в 1851–1854 годах. Любопытно, что, вынужденно покидая Париж, Н.Д. Киселёв просил о прощальной аудиенции у Наполеона III, хотя при обстоятельствах разрыва протокол не предусматривал ничего подобного. Однако посланник полагал, что такой «приём вежливости» облегчит в дальнейшем восстановление отношений.

В Лондон отправился посланником М.И. Хрептович, зять прежнего главы МИД К.В. Нессельроде, в Вену – А.Ф. Будберг, бывший во время войны посланником в Берлине, где теперь его сменил Ф.И. Бруннов, до войны представлявший Россию в Лондоне. Очевидно, что новый министр иностранных дел А.М. Горчаков должен был на первых порах удовлетворяться кадрами, доставшимися ему от предшественника. То же можно сказать о назначении посланника в Константинополь. Им стал А.П. Бутенев, уже занимавший этот пост в течение более чем десяти лет – в 1829–1842 годах. Свою

роль тут могло сыграть то обстоятельство, что это были годы союзнических отношений России и Османской империи[1].

По примеру дипломатического ведомства, восстановлением своих международных связей озаботилось также Военное министерство. В докладе по Департаменту Генерального штаба от 3 мая 1856 года говорилось: «По восстановлении ныне мирных сношений наших с государствами Западной Европы оказывается полезным и даже необходимым иметь в главных пунктах, каковы Париж и Лондон, военных агентов, подобно как при посольствах наших в Берлине и Вене. Это нужно не только для того, дабы следить постоянно за всеми значительными передвижениями войск и военными приготовлениями Франции и Англии, но в особенности для того, чтобы Военное министерство своевременно получало верные сведения об усовершенствованиях, появляющихся в сих государствах по военной части. Сверх того, необходимо иметь, как то уже было до последней войны, военного агента и в Константинополе, для того чтобы знать достоверным образом, в каком положении находится турецкая армия и какие вводятся в оной усовершенствования и перемены»[2].

Собственно, в этой части доклад не содержал чего-либо принципиально нового. Практика взаимной аккредитации при посольствах основных европейских держав, включая Османскую империю, военных агентов (атташе), которых иногда именовали корреспондентами Военного министерства или военными корреспондентами, сложилась уже к 1830-м годам[3]. В данном случае речь шла о восстановлении этого военно-дипломатического института в рамках новых отношений со вчерашними противниками и с обновлением кадрового состава. В названном докладе генерал-квартирмейстер барон В.К. Ливен предлагал назначать на должности военных агентов «офицеров Генерального штаба, по военному образованию и по знанию иностранных языков совершенно способных к исполнению означенного поручения с успехом и пользой для службы».

Так, в частности, военным агентом в Константинополь предполагался полковник Генерального штаба Ф.Ф. Торнау, считавшийся специалистом по Востоку, особенно по Кавказу. Фёдор Фёдорович Торнау (1810–1890) ещё совсем молодым офицером участвовал в рекогносцировках Черноморского побережья и районов Западного Кавказа, тогда ещё неподконтрольных России, совершая рискованные путешествия инкогнито, под видом местного жителя. В ходе одной из таких экспедиций он был захвачен горцами и более двух лет провёл у них в плену. Позднее, в 1864 году он опубликовал книгу «Воспоминания кавказского офицера», получившую широкую известность, выдержавшую затем несколько изданий и внёсшую вклад в изучение этнографии народов Кавказа. Однако, как видно из нового доклада генерал-квартирмейстера Главного штаба от 5 июня 1856 года, Ф.Ф. Торнау получил другое назначение. В примечании к списку кандидатов на должности военных агентов говорилось: «В Вену предположено назначить Генерального штаба полковника Торнау, потому что он по степени своего специального образования опытен и способен следить за успехами военного искусства в Австрии, за всеми улучшениями и преобразованиями в войсках этого государства»[4].

Вместо Торнау на должность военного агента в столицу Османской империи предлагалось назначить штабс-капитана 20-й конно-артиллерийской батареи В.А. Франкини. «В Константинополь более других способен быть назначенным штабс-капитан Франкини. Офицер этот получил образование в Артиллерийском училище, где оказал большие успехи в науках и был выпущен в гвардейскую артиллерию, но болезнь принудила его оставить службу и искать излечения в Южной Европе. Он прожил около 8-ми лет в Константинополе, ко времени же открытия войны с турками г. Франкини поспешил возвратиться в Россию, чтобы немедленно вступить в службу. При обороне Севастополя офицер этот состоял при генерале Шейдемане. *(К.Ф. Шейдеман в 1855 году был начальником артиллерии Севастопольского гарнизона. – М.Р.)* В Турции нам нечему учиться, но необходимо только наблюдать, что тамошнее правительство предпринимает к улучшению

и преобразованию своей военной части и какие делает приготовления. Штабс-капитан Франкини как уроженец этого края, знающий местные языки и знакомый со страной, может принести существенную пользу, будучи назначен военным агентом в Константинополь»[5]. На полях доклада военный министр генерал от артиллерии Н.О. Сухозанет сделал карандашом помету: «Лично его знаю, молодец, храбрый, находчивый, умён, сведущ и в высшей степени предан России». В севастопольскую кампанию Сухозанет был начальником артиллерии действующей армии и, конечно, знал адъютантов начальника артиллерии гарнизона Севастополя.

Так в документах Департамента Генерального штаба впервые появляется имя Виктора Антоновича Франкини. В его послужном списке[6] обозначен год его рождения – 1823, а в графе «из какого звания происходит и какой губернии уроженец» записано лаконично – из дворян. В графе вероисповедания указана принадлежность к римско-католической церкви. Если сопоставить эти данные с тем, что в докладе генерал-квартирмейстера упоминается о его восьмилетнем пребывании в Константинополе и он назван уроженцем тех мест, знающим местные языки и страну, то можно предположить, что Франкини был потомком генуэзцев, которые с XIII века населяли Галату и в дальнейшем продолжали играть важную роль в Османской империи.

Послужной список не сообщает, когда В.А. Франкини или его родители переселились в Россию и где он получил начальное образование. В 1840 году в возрасте 17 лет он поступил в Артиллерийское училище, в котором он 8 августа 1842 года был произведён в прапорщики «с зачислением по артиллерии и с оставлением при том же училище для продолжения курса высших наук». Через год его производят в подпоручики «за отличие в науках», а затем прикомандировывают к лейб-гвардии конной артиллерии.

Успешное начало военной карьеры было прервано из-за серьёзного ухудшения состояния здоровья молодого офицера. С мая по декабрь 1845 года В.А. Франкини находился в отпуске по болезни, а 30 декабря того же года одновременно с производством в поручики он был вынужден уйти в отставку и «искать излечения в Южной Европе», т.е. в Константинополе. Есть основания предполагать, что его заболевание было связано с плохой переносимостью холодного северного климата. Забегая вперёд, скажем, что и в дальнейшем он жаловался на холодную сырую погоду, отмечая обострение своих болезней в такие дни.

Как уже было сказано, с началом Крымской войны В.А. Франкини возвращается в Россию, вновь поступает на военную службу поручиком в 20-ю конно-артиллерийскую батарею, а в августе 1855 года он прикомандировывается к начальнику артиллерии гарнизона Севастополя.

Пребывание в осаждённой крепости было недолгим, но совпало с наиболее драматическими событиями, включая последний штурм 27 августа. Как указано в послужном списке: «26 мая 1856 г. За отличное мужество и храбрость, оказанные при последнем бомбардировании Севастополя, награжден орденом Св. Станислава 3 степени с мечами»[7]. Ещё ранее он был произведён в штабс-капитаны, также за отличие в сражении. Наконец, 12 июня 1856 года последовал приказ о назначении штабс-капитана В.А. Франкини военным агентом при русской миссии в Константинополе.

7 июля 1856 года штабс-капитан Франкини получил за подписью военного министра следующую секретную инструкцию: «По высочайшему государя императора соизволению, ваше благородие назначаетесь состоять при миссии нашей в Константинополе корреспондентом Военного министерства для приобретения наивозможно точных и положительных сведений о нижеследующих предметах: 1) О числе, составе, устройстве и расположении как сухопутных, так и морских сил. 2) О способах правительства к пополнению и умножению вооружённых сил своих и к снабжению войск и флота оружием и другими военными потребностями. 3) О различных передвижениях войск, как приведённых уже в исполнение, так и предполагаемых, стараясь по мере возможности проникнуть в истинную цель сих передвижений. 4) О ны-

нешнем состоянии крепостей, предпринимаемых новых фортификационных работах для укрепления берегов и других пунктов. 5) Об опытах правительства над изобретениями и усовершенствованиями оружия и других военных потребностей, имеющих влияние на военное искусство. 6) О лагерных сборах войск и о манёврах. 7) О духе войск и образе мыслей офицеров и высших чинов. 8) О состоянии различных частей военного управления, как то: артиллерийского, инженерного, комиссариатского, провиантского и медицинского со всеми их отраслями. 9) О всех замечательных преобразованиях в войсках и изменениях в воинских уставах, вооружении и обмундировании. 10) О турецких сочинениях, касающихся до военных наук, а также о картах и планах вновь издаваемых, в особенности тех местностей, о которых сведения могут быть нам полезны. 11) О состоянии военно-учебных заведений в отношении устройства их, методах преподавания наук и господствующем духе в этих заведениях. 12) О лицах, составляющих военное управление Турции, степень их познаний, способности каждого и доверенность к нему правительства и подчиненных лиц.

Собственно же по части артиллерийского ведомства доставлять следующие сведения: 13) Описание материальной части как полевой, так осадной и крепостной турецкой артиллерии и организации её, обратив внимание на изменения, которые могли быть в ней сделаны французскими и английскими артиллеристами на основании опыта последней войны. 14) Сведения о средствах, которыми располагает турецкое правительство для изготовления и приобретения военных потребностей, как то: пороха, свинца, ручного огнестрельного оружия, артиллерийских орудий, снарядов и прочего. 15) Сведения о теоретической образованности турецких артиллеристов, в особенности офицеров, и о принимаемых правительством мерах к их усовершенствованию.

16) Вообще все означенные сведения собирать с самой строгой осторожностью и осмотрительностью и тщательно избегать всего, что могло бы навлечь на Вас малейшее подозрение местного правительства. 17) По настоящему поручению состоите Вы в полной зависимости и подчинённости от начальника миссии, при коей находитесь. Без его разрешения ничего особенного не предпринимать, испрашивать наставлений и руководствоваться ими в точности. Собранные сведения, в особенности кои могут быть в связи с политическими отношениями, прежде отправления их секретно ко мне, предварительно докладывать начальнику миссии, и, в случае экстренно необходимых расходов, испрашивать от него пособия. Возлагая на Вас обязанности, изложенные в настоящем предписании, я надеюсь, что Вы употребите всё возможное усердие и деятельность, дабы вполне оправдать выбор начальства и сделанное Вам доверие»[8]. Тем же документом определялось денежное содержание нового военного агента: 500 червонцев на путевые расходы и 1500 рублей серебром в год сверх положенного жалования по чину.

Выбор кандидатуры В.А. Франкини на должность военного агента в Константинополе оказался для Департамента Генерального штаба на редкость удачным. Хорошее знание местной жизни, а также сохранившиеся, по-видимому, прежние знакомства и связи позволили начинающему агенту быстро разобраться в происходящих вокруг событиях, главным из которых была эвакуация войск англо-французских союзников. В донесении от 25 августа 1856 года, менее чем через три недели после прибытия на место, он писал: «Чувства, с которыми правительство и народ наблюдали, как их гости уезжают, были чувствами удовлетворения, которое проявляется тем ярче, чем дольше его ждали. Национальное самолюбие, постоянно подрываемое нуждами и отсутствием заботы со стороны союзников и друзей, которые действовали как хозяева, неопределённость в отношении срока эвакуации, продления которого по тем или иным причинам опасались и после заключения мира, дороговизна продуктов, вызванная продолжением войны, перенаселённость и постоянное перемещение значительных скоплений людей, все эти мотивы не могли внушить туркам особой симпатии к своим союзникам, и после того, как они насладились зрелищем неверных, проли-

вающих свою кровь против других неверных в защиту ислама, и наступившего мира, у турок осталось только одно желание – увидеть отъезд своих гостей, которые стали бы ещё более неудобными, если бы их пребывание продлилось дольше»[9].

Франкини очень верно подметил противоречия между турками и их европейскими союзниками, которые не только не исчезли после совместной победы, но имели тенденцию к обострению. Действительно, впервые в своей истории Османская империя была вынуждена так долго терпеть столь большое число иностранных иноверческих войск не просто на своей территории, но в своей столице и окрестностях. (Кратковременное пребывание незначительного русского отряда в 1833 году на Босфоре вУнкяр-Искелеси несравнимо по масштабам). Мало того, эти «гости» вели себя как «хозяева», не очень считаясь с настоящими хозяевами.

Ещё одно явление, получившее отражение в донесении военного агента, имело важное значение для Османского государства. «Возможно, одним из наиболее интересных фактов этой войны было разрешение, данное Портой Англии, принять на свою службу турецкий армейский корпус. Эта идея возникла в начале военных операций, когда союзники, вынужденные начать кампанию без кавалерии, не смогли использовать большое количество иррегулярных кавалеристов, которых Порта призвала под ружьё, подчинив их европейской дисциплине. Но эта первая попытка натолкнулась на непреодолимую преграду в виде неподчинения и фанатизма башибузуков, которые сначала сопротивлялись, а затем дезертировали, когда в их рядах захотели ввести смертную казнь как меру наказания. Смертная казнь, применяемая к мусульманину неверным, была в их сознании потрясением всего общественного порядка»[10].

Тем не менее, Англия, не располагая большими сухопутными резервами для пополнения своей армии в Крыму, смогла к концу войны сформировать под командованием генерала Роберта Вивиана 20-тысячный турецкий корпус, включавший 4000 кавалерии и четыре артиллерийские батареи. Существенной роли в ходе военных действий в Крыму этот корпус не сыграл. Отдельные его части, преимущественно кавалерийские, отличились в районе Керчи не столько боевыми подвигами, сколько мародёрством, заслужив пренебрежительное прозвище «вивианов»[11] (намёк на «павианов»). Но для турецкой армии прецедент имел негативные последствия: «Условия содержания турецкого солдата, приравненного к английскому солдату, были настолько выше, чем у его собрата, оставшегося на службе в своей стране, что дезертирство с целью поступить на службу под знамена королевы Виктории стало обычным явлением в турецкой армии. Преимущества этой службы заключались в том, что турки получали регулярную оплату, были хорошо одеты, хорошо обуты и, прежде всего, прекрасно питались, их содержание включало не менее тринадцати пайков: белого хлеба, кофе, сахара, масла, риса, вина или рома и т. д.»[12]. При этом в донесении указывались и другие, более отдалённые последствия: «Однако тот факт, что турок получает жалованье иностранного правителя и во всём подчиняется иностранным офицерам, заслуживает внимания и ещё раз доказывает, что не стоит придавать слишком большое значение мусульманскому фанатизму. После заключения мира этот отряд вернулся в турецкую армию, а люди, отслужившие свой срок, были уволены. Эти люди, родом в основном из провинций Азии, возвращаясь в свои дома, уносят с собой память об английской щедрости и великодушии, имя королевы Виктории будет ещё долго означать для них удовлетворение их потребностей»[13].

О современном состоянии турецкой армии Франкини писал следующее: «После борьбы, настолько превосходящей силы, которыми Турция располагала, после различных перипетий, испытанных войсками и в их организации, и в их составе, армия находится в полном беспорядке. Она нуждается в фундаментальной реорганизации, над которой идёт работа с той активностью, которую турки умеют вкладывать во всё, что они предпринимают, но из-за самой природы этой деятельности пройдёт некоторое время, прежде чем появится определённая система. Я видел часть новобранцев нового призыва, предназначенных для полков столичного

гарнизона; они представляют собой лучший образец, чем я думал. Но я из достоверных источников знаю, что число мужчин, отслуживших свой срок и которых пришлось отправить по домам, составляет не больше и не меньше 150 000, и что военный министр надеется набрать не более 70 000 человек. Это был бы дефицит в 80 000 человек, который мусульманское население империи было бы уже не в состоянии восполнить, а что касается призыва христиан, то это насущный вопрос, к которому турки прибегнут только в крайнем случае»[14].

Здесь речь шла об одной из важнейших проблем так называемого второго периода реформ Танзимата. Еще 18 февраля 1856 года был издан хатт-и хумаюн – фирман, в котором султан Абдул-Меджид I обещал равенство в образовании, государственных назначениях и отправлении правосудия для всех подданных, независимо от вероисповедания. Считается, что фирман был издан под давлением англо-французских союзников, так как этим снимался вопрос об иностранном покровительстве над христианскими подданными султана. Но, среди прочего, согласно фирману воинская повинность должна была распространяться не только на мусульманское, но и на христианское население империи, а это противоречило основополагающим принципам Османского государства. Вот что сообщал в своем донесении штабс-капитан Франкини: «Кстати, этот вопрос уже решён мерой, заменяющей обязанность службы денежным налогом, налогом тем более дорогостоящим, что он добавляется к другим. Поэтому неудивительно, что этот налог является источником недовольства и волнений во всех провинциях империи, где христиане составляют большинство. <…> Эти факты, приложенные к протесту болгар, которые с готовностью заявили о своем согласии нести бремя военной службы при условии формирования отдельных полков, которыми будут командовать единоверцы и с правом отправления культа в войсках, являются очень важными и доказывают, что призыв на службу «райя», это один из самых сложных вопросов, возникающих в наши дни в Турции; вопрос такой, что каким бы способом он ни был решён утвердительно или отрицательно, он всегда будет большой проблемой и опасениями на будущее, необходимостью поддерживать численность армии на определённом уровне и всегда неизбежной опасностью для мусульманского господства»[15].

Деятельность В.А. Франкини на посту военного агента в Константинополе, очевидно, вполне удовлетворяла интересы Военного министерства: в декабре 1858 года за отличие по службе его переводят «лейб-гвардии в конную артиллерию с зачислением в конно-легкую №1 батарею и с оставлением при той же миссии», а 6 августа 1859 года производят в капитаны. Это было существенное повышение по службе, так как в гвардии за капитанским чином следовал сразу чин полковника. Из неизвестного артиллерийского офицера он стал заметной персоной, его донесения представлялись для «высочайшего ознакомления», или из них делались выписки для государя императора.

В том же году ему довелось впервые после Севастополя побывать в боевой обстановке. В графе послужного списка «Бытность в походах и делах против неприятеля» значилось: «В 1859 году в разновременных делах с горцами на Кавказе в течение летней экспедиции и 25 августа в деле при взятии аула Гуниба и пленении Шамиля»[16]. Очевидно, это была временная командировка на Кавказ в качестве военного переводчика и вообще специалиста по Востоку. За отличие в этой командировке последовал ряд наград: в 1860 году – орден Св. Анны 3 степени с мечами и бантом, в 1861 году – производство в полковники, в 1863 году – орден Св. Анны 2 степени.

При этом Франкини продолжал свою деятельность военного агента в Константинополе настолько успешно, что удостоился и турецкой награды, в 1864 году от имени султана Абдул-Азиза он получил орден Меджидие 3 степени. Это означало, что неизбежная в его положении негласная деятельность была достаточно осторожной и не раздражала, по меньшей мере, турецкое правительство. Российское государство также не забывало своего усердного военного агента, награждения в виде ордена или очередного чина происходили регулярно, примерно раз в два года:

в 1866 году – орден Св. Владимира 4 степени, в 1868 году – производство в генерал-майоры и, наконец, в 1870 году – орден Св. Владимира 3 степени. На этом пребывание генерал-майора В.А. Франкини на посту военного агента завершилось, он был «назначен состоять по Военному министерству», а ему на смену в Константинополь прибыл полковник Генерального штаба А.С. Зеленый.

Продолжительная служба в Константинополе, сопряжённая с наблюдением за развитием политики Османской империи во взаимоотношениях с Россией и европейскими державами, оставила глубокий след в сознании В.А. Франкини. Тема Восточного вопроса, с кульминацией в виде Крымской войны, не покидала его до конца. Забегая вперёд, нужно отметить, что, будучи уже в отставке, в последние годы он трудился над историческим очерком, отрывок из которого под названием «Восточная политика императора Николая I» был опубликован ещё при жизни автора в журнале «Исторический вестник»[17]. Издатели предварили публикацию небольшим предисловием: «Настоящая статья составляет отрывок из большой историко-политической записки, которая, быть может, со временем будет напечатана. Хотя автор записки не принадлежит по профессии ни к историкам, ни к политикам, но он постоянно находился очень близко к дипломатии и внимательно следил за ходом русской политики на Востоке. Его взгляды отличаются, по нашему мнению, такой правдивостью и таким пониманием предмета, что мы с удовольствием пользуемся разрешением автора поместить на страницах «Исторического вестника» этот отрывок из его почтенного труда»[18].

Предпосылки Крымской войны Франкини справедливо видел во внешней политике России с конца 1820-х годов: «С самого своего воцарения император Николай всё своё внимание обратил на восточный вопрос. Он дал себе обет поставить его в такую рамку, которая бы позволила России ждать спокойно окончательной его развязки. Он чувствовал себя сильным и ничего не хотел предоставить своим наследникам из всего того, что он надеялся совершить сам. Сверх того, он считал себя вправе действовать самостоятельно. К сподвижникам России по отжившему свой век Священному Союзу обратиться за помощью он не хотел, потому что всякая помощь оплачивается уступками, а восточный вопрос он считал исключительным достоянием России. <…> Для приведения в исполнение своих предначертаний по восточному вопросу император Николай должен был представить Европе документ, доказывавший, что Турция расположена была принять над собой опеку России, а для этого необходимо было начать с того, чтобы ошеломить сразу Турцию, внушить ей почтительный страх, довести её до сознания, что она только под покровительством России могла существовать, только её требования и обязана была удовлетворить»[19]. Этой цели должны были служить Адрианопольский мирный договор 1829 года и Ункяр-Искелесийский союзный договор 1833 года, но они имели прямо противоположный эффект.

««Россия и не думала оградить целость Турецкой империи, а воспользовалась только случаем, чтобы связать Турцию по рукам и по ногам», таково, в сущности, общее впечатление, произведённое и в Европе, и в самой Турции нашей резкой выходкой 1833 года, и, следя с этой минуты за дальнейшим развитием событий и отношений европейских держав к России, нетрудно отыскать в нашей мимолетной Ункяр-Искелесской победе ближайший зародыш той всеобщей вражды, которая 20 лет спустя разразилась Севастопольским погромом и потерей всех тех драгоценных преимуществ, которые Россия кровью своей записывала в договоры с Турцией от Кайнарджийского до Адрианопольского. Кто в этом виноват? Не император Николай, а его восточная программа, программа, которая, впрочем, принадлежала не ему, а представляла самое верное выражение общественного мнения, заветную рамку традиционной политики России на Востоке. Он только усвоил её себе, как усваивал себе все стремления русского народного духа»[20]. Так с высоты прожитых лет и долгой службы на Востоке автор очерка рассматривал генезис политического кризиса, получившего в истории наименование Восточного вопроса. Что касается заключительного вывода относительно политики

России на Востоке, то он был сформулирован автором не только на опыте Крымской войны, но и с учётом опыта Русско-турецкой войны 1877–1878 годов: «Нравоучение, которое мы должны вывести из печального исхода Крымской войны, состояло, следовательно, в том, что собственной инициативой и собственными средствами Россия, как бы она ни была сильна, ничего существенного, ничего основательного на Востоке предпринять не может, и подавно, одна восточного вопроса решить не властна. В 1877 году мы этого соображения не приняли в расчёт, и результат был тот же, что и в 1856 году, мы поработали не для себя, а для Европы. Разница разве в том, что на этот раз Россия вызвана была в суд не в Париж, а в Берлин.

Не пора ли нам видоизменить наш взгляд на восточный вопрос, расширить наш политический кругозор и приискать другой путь для осуществления наших естественных стремлений на Востоке?»[21].

Завершение деятельности В.А. Франкини на посту военного агента не означало для него конца военной карьеры. Его военно-дипломатический опыт и хорошее знание Востока оказались востребованы. После недолгого пребывания в Петербурге, уже в мае 1871 года он получает назначение на Кавказ в распоряжение наместника и главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича. В это время после окончания Кавказской войны в повестке дня стояла организация государственно-административного управления в крае, и, в частности, проведение в жизнь «крестьянской» реформы, т.е. отмены крепостного права.

Попытки проведения реформы без учёта местных особенностей социально-экономических отношений приводили порой к трагическим последствиям. Так это было в Абхазии в 1866 году, когда дело дошло до восстания, убийства русских чиновников, взятия и разграбления восставшими Сухума. Только 19 февраля 1871 года (через 10 лет после центральных губерний России) было официально объявлено «Положение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе». Теперь проведением в жизнь данного положения предстояло заниматься генерал-майору Франкини по поручению наместника и главнокомандующего. То, что он успешно справился с поставленной задачей, подтверждается награждением его в 1872 году орденом Св. Станислава 1 степени «за отличие по службе», а также назначением на должность начальника Кавказского горского управления. Это было структурное подразделение Штаба Кавказского военного округа, ведавшее всеми вопросами гражданского управления края. Позднее он был награжден золотой медалью (для высших чинов) «За труды по освобождению крестьян».

Послужной список В.А. Франкини свидетельствует, что за успешным выполнением задания в Абхазии следовали новые поручения: «По приказанию его императорского высочества главнокомандующего Кавказской армией был командирован в укрепление Красноводск и в Александровский форт, для собрания на месте данных, необходимых для разрешения разных вопросов по устройству Закаспийского края и введения военно-народных там учреждений, в каковой командировке находился с 5 апреля по 15 сентября 1874 года»[22]. 30 августа 1875 года генерал-майор Франкини получает орден Св. Анны 1 степени «за отлично усердную службу».

Затем последовало еще одно чрезвычайное поручение. 12 апреля 1877 года, одновременно с объявлением Россией войны Османской империи, войска Кавказской армии перешли турецкую границу. Эриванский отряд генерал-лейтенанта А.А. Тергукасова занял 17 апреля турецкую крепость Баязет близ границы с Персией. Это вызвало необходимость определения позиции персидского правительства по отношению к начавшейся войне. Однако, поскольку при русском посольстве в Тегеране не было постоянного военного агента, потребовалось командировать опытного офицера для выяснения военного потенциала Персии, предполагаемых действий персидской армии, а также для проведения переговоров о нейтралитете Персии в начавшейся русско-турецкой войне. В послужном списке Франкини значится: «По воле его императорского высочества главнокомандующего Кавказской армией, коман-

дирован был в Персию для исполнения особенно важного поручения перед Персидским Правительством, в каковой командировке находился с 26 апреля 1877 года по 1 января 1878 года»[23].

Очевидно, что талант и опыт военного дипломата обеспечил совершенный успех миссии Франкини, на протяжении всей войны Персия сохраняла «вооружённый нейтралитет». Что касается военного потенциала страны, то Насер-ад-Дин Шах не только разрешил, но даже поручил русскому генералу произвести фактически инспекцию своих вооружённых сил. Это позволило Франкини в течение нескольких месяцев провести доскональное исследование персидской армии, результаты которого через несколько лет были опубликованы в Сборнике материалов по Азии.

Результаты были неутешительными для шахского правительства: армия оказалась в состоянии худшем, чем за двадцать лет до того, во время Англо-иранской войны 1856–1857 годов. Пораженная коррупцией сверху донизу, военная организация оказывалась неспособной выполнять свои функции на всех стадиях, от набора рекрут до вооружения и обучения войск. Единственное, что удостоилось похвалы Франкини, был персидский солдат-сарбаз: выносливый, сметливый и неприхотливый. «В заключение можно сказать, что сарбаз вообще способен обратиться в отличного солдата, но он не одет, не обут, не кормлен, а начальство у него во всех отношениях плохое. Обучение имеет в виду обтесать его настолько, чтобы он мог пройти кое-как церемониальным маршем перед шахом; и если за все злоупотребления, которые обрушиваются на его голову, ему предоставляются некоторые вольности, то нужно сознаться, что с точки зрения дисциплины они хуже самого зла, вызывающего эти облегчения. В сущности, персидская армия, при нынешней своей организации, поглощает даром до 80 000 человек, которые отстали от сельских работ и не сделались солдатами»[24].

Существует версия, что именно доклад В.А. Франкини побудил Насер-ад-Дин Шаха создать воинскую часть по образцу русских казачьих с русскими офицерами-инструкторами. Эта идея получила дальнейшее развитие во время визита шаха в Россию и воплотилась в 1879 году в создании Персидской казачьей бригады.

После возвращения из Персии за успешное выполнение важной миссии 4 апреля 1878 года Франкини был произведен в генерал-лейтенанты, а в июне того же года назначен начальником (военным губернатором) Карской области, отошедшей по мирному договору от Османской империи к России. В следующие два с половиной года он находился на этой должности, занимаясь, не безуспешно, организацией мирной жизни на территории, ещё недавно бывшей театром военных действий.

Но военно-административными обязанностями дело не ограничивалось. Ещё в марте 1878 года Франкини был привлечён, в качестве эксперта, к обсуждению вопроса о возможности военной демонстрации в отношении британских владений в Индии. Категорическое непризнание Европой условий Сан-Стефанского мирного договора ставило в повестку возможность новой войны, теперь уже с Англией. В докладной записке Франкини помощнику главнокомандующего Кавказской армией говорилось: «Не подлежит сомнению, что Англия уязвима для нас только на индийской своей границе, но как и где именно, мы еще не уяснили себе. <…> Военная организация Персии неудовлетворительна, надёжных боевых сил у неё нет, участие её армии в военных действиях никакой существенной пользы нам принести не может. <…> Из этого следует, что в случае разрыва с Англией и политические, и военные соображения приводят к предположению, что благосклонный нейтралитет Персии, какой она соблюла в отношении к нам в только что окончившейся войне, выгоднее для нас, нежели наступательный и оборонительный союз с этой державой. <…> Мусульманский фанатизм не может служить нам оружием в войне против Англии. В глазах населения мы сами неверные. Мы только что унизили халифат, только что уняли порывы фанатизма на Кавказе. Операционные наши линии, базис и тыл населены мусульманами. Мы, следовательно, должны отказаться от одного из

самых сильных побуждений, восстанавливающих афганцев против англичан.

Для России остается одно: воспользоваться распрей, возникшей между кабульским эмиром и индийскими властями, и принять на себя без всякой задней мысли роль поборницы политической независимости Шир-Али Хана и защитницы его прав как самостоятельного владетеля, в чем мы и должны стараться убедить его. Такова важнейшая доля политической подготовки вопроса о наших военных действиях в Афганистане. При подобной обстановке, кто первым ворвется в Афганистан, тот сделается ipso facto врагом кабульского эмира. Если мы для предупреждения дебуширования английских войск из Боланского прохода займём опрометчиво Афганистан, англичане явятся как освободители Афганистана. Если англичане, желая воспрепятствовать нам занять выгодную позицию в Афганистане, пойдут на Кандагар и далее до вступления наших войск в Афганистан, освободителями афганцев явимся мы. В том или в другом случае дальнейший ход военных действий будет зависеть от первого впечатления, и это тем важнее, что в штабе индийской армии преобладает всеобщее мнение, что необходимо предупредить наступление русских занятием сильной позиции далеко впереди проходов»[25]. Приведенная цитата показывает, что знания и опыт, приобретённые В.А. Франкини за годы службы на Востоке, сделали его настоящим экспертом в сложных проблемах международных отношений от Восточного вопроса до так называемой Большой игры.

Командировка в Персию и служба в Карской области неблагоприятно отразились на здоровье Франкини, что вынудило его в 1881 году подать прошение об отставке. Как видно из приложенного к прошению медицинского свидетельства, он страдал хроническим ревматизмом и бронхитом, которые обострялись в зимний период при резких перепадах температур в горной местности. Наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич, поддерживая ходатайство об увеличенной пенсии, так характеризовал своего сотрудника: «В течение 10 лет службы своей на Кавказе генерал-лейтенант Франкини неоднократно призываем был мною для исполнения различных поручений по делам, требовавшим специальных и многосторонних познаний, так и для занятия таких административных должностей, которые независимо от большого и сложного труда, по самому характеру предстоявших к разрешению вопросов, приобретали исключительное и существенно важное значение в общей администрации края»[26].

Ходатайство великого князя об усиленной пенсии возымело действие, и генерал-лейтенант В.А. Франкини был уволен в отставку 9 апреля 1881 года «с мундиром» и пенсией в размере последнего жалования – 2500 рублей в год. Последние годы он прожил во Флоренции и скончался 28 июля (9 августа) 1892 года в курортном городке Аббация на Адриатике (ныне город Опатия в Хорватии).

Примечания

[1] *Рыженков М.Р.* Русские офицеры Генерального штаба в Азиатской Турции в 1830-х годах // Восточный архив. 2021, №1 (43). С. 5–16.

[2] Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 38. Оп. 5. Д. 695. Л. 1–2.

[3] *Рыженков М.Р.* Русские военные агенты в Константинополе накануне Крымской войны 1853-1856 годов // Восточный архив. 2024, №1 (49). С. 4–16.

[4] РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 695. Л. 12 и об.

[5] Там же. Л. 12об.-13об.

[6] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 10058. Л. 39–48.

[7] Там же. Л. 40об.

[8] РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 695. Л. 52–53.

[9] РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–6.

[10] Там же.

[11] Крымская война 1853-1856 гг. в дневниках, письмах и воспоминаниях участников. Сборник документов. М., 2023. С. 160, 166.

[12] РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–6.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 10058. Л. 47.

[17] Исторический вестник. СПб. Т. 46. Ноябрь 1891 г. С. 346–358.

[18] Там же. С. 346.

[19] Там же. С. 347–348.

[20] Там же. С. 353–354.

[21] Там же. С. 358.

[22] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 10058. Л. 47об.

[23] Там же. Л. 48.

[24] Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. IV. СПб., 1883. С. 15.

[25] «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. С. 45–47.

[26] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 10058. Л. 11 и об.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-39-46

Вальдемар Шмидт

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НЕМЕЦКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КАЗАХСТАН

Вопросы, связанные с переселенческим движением немцев бывшей Российской империи на территорию Казахстана, имеют весьма важное значение для исследования проблем переселенческой политики царизма. Рассмотрение этих вопросов в полной мере расширяет наше представление о проблемах, трудностях, возникших в процессе заселения, и отношении местной колониальной администрации к немцам-переселенцам.

Надо отметить, что одной из территорий дореволюционного Казахстана, куда шло массовое переселение немецкого крестьянства, являлась Акмолинская область, на территории которой первые немецкие поселения появились в конце XIX века[1]. Ещё до развития массового переселения, в 1868 году, в Казахстане была введена новая административная система управления на основе «Временного положения об управлении в степных областях», на основании которого территория дореволюционного Казахстана делилась на четыре области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую. В 1882 году для более успешного проведения колониальной и переселенческой политики, а также для определения территориальных границ Казахстана было создано Степное генерал-губернаторство, состоявшее из Акмолинской и Семипалатинской областей. Для административного управления каждая область была разделена на пять уездов, всего в Степном генерал-губернаторстве насчитывалось 15 уездов. В частности, в Акмолинскую область входили следующие уезды: Омский, Петропавловский, Кокчетавский, Атбасарский, Акмолинский[2]. Первые крестьянские поселения в Акмолинской области стали возникать ещё во второй половине 70-х годов XIX века, хотя в этот исторический период Казахстан не относился к регионам, куда происходило массовое переселение малоимущего крестьянства.

В 1880-е годы царское правительство было вынуждено обеспечить условия переселения из центральных и малоземельных губерний на окраины империи. В связи с этим 10 июня 1881 года были утверждены «Временные правила о переселении крестьян на свободные казённые земли». Заселение Акмолинской области в конце XIX века шло по двум направлениям, наряду с официальным переселенческим движением существовало неофициальное переселение крестьянства. Первые самовольные переселенческие селения на территории Акмолинской области возникли в 1884 году. В основном они были образованы выходцами из Тобольского и Пермского уездов. Для официального оформления самовольного переселения в Акмолинскую область был принят специальный закон от 13 июня 1889 года, по которому территорию Акмолинской области включили в число мест, куда было разрешено добровольное переселение крестьянства[3]. В 1889 году в Кокчетавском и Атбасарском уездах было образовано 24 переселенческих деревни[4].

В 1890 году Министерство внутренних дел Российской империи в законодательном порядке попыталось легализовать переселение в Казахстан. В результате роста переселенческой волны к осени 1890 года на территории Акмолинской области скопилось более 15 000 крестьян из 32 губерний Европейской России. Администрация Акмолинской области приняла меры для расселения крестьян и выделила 12 земельных участков из свободных киргизских земель: два участка в Петропавловском уезде, девять участков в Кокчетавском уезде и один участок в Атбасарском уезде[5].

Эти законы стимулировали рост переселенческих настроений в среде немцев. При-

чины переселения немцев на территорию Казахстана и организации на его территории дочерних колоний были различны, но основным фактором, побудившим немецкое крестьянство к переселению, стало его малоземелье в «материнских колониях». Начало заселения немцами-переселенцами территории Акмолинской области было связано с всё более нарастающим потоком крестьянской колонизации, которая в 90-е годы XIX века оформилось как переселенческое движение. В течение 1890 года на территорию Акмолинской области прибыло 353 семьи, из этого числа на долю немцев-переселенцев приходилось 2 238 человек, главным образом выходцев из Самарской и Саратовской губерний. Основная масса немцев-переселенцев в этот период осела в Петропавловском, а также в Кокчетавском уездах[6].

Для переселения в районы восточных окраин России, в частности, в Казахстан, от железнодорожного управления делались скидки на проезд. После переселения, в местах водворения, административные органы выделяли 115 рублей переселенцам для организации и постройки жилья. Однако в большинстве случаев при освоении столь отдалённых районов правительство приветствовало переселенцев с денежными средствами и наличием определённой рабочей силы в семье. Естественно, выдававшиеся от правительства деньги для оседания для беднейших слоев крестьянства были недостаточны[7].

Фото № 1. Степной край. Крестьяне-арендаторы и немцы-колонисты из внутренних губерний. Акмолинская область, конец XIX века[8].

Немцы-переселенцы, осевшие в Акмолинской области, создавали замкнутые переселенческие поселения, которые не вступали в контакт ни с русским, ни с коренным населением края[9]. В начале 1891 года по распоряжению Степного генерал-губернатора в связи с ростом переселенческого движения в Акмолинскую область расселение крестьян-переселенцев в пределах области было временно прекращено. Однако, несмотря на принятие особых мер, продолжалось самовольное переселение крестьян в Акмолинскую область, причиной которого стал неурожай хлеба, охвативший большую часть Европейской России и Приуралья.

Окончательная легализация переселенческого движения в Казахстан произошла 22 июня 1894 года, после издания циркуляра Министерства внутренних дел[10]. Несмотря на отсутствие в законодательстве Российской империи прямых ограничений по переселению немцев в Казахстан, реальные условия их расселения с конца XIX века и вплоть до начала Первой мировой войны жёстко регламентировалась местными административными и управленческими органами[11]. Особенно эти ограничения возможности переселения немцев проявились в Степном крае. В результате немцам-переселенцам, переезжавшим на государственные земли, выделялись земельные участки, которые не пользовались спросом у других переселенцев, в конечном итоге им выделялись практически не пригодные для ведения сельского хозяйства земельные участки.

Переселение немцев на территорию Степного края, к которому принадлежала территория современного Казахстана, встречало всяческие препятствия со стороны местной администрации края. Обоснованием такой негативной позиции в отношении немецкого переселения являлось то, что якобы немцы-переселенцы имеют больше привилегий при заселении, чем русские крестьяне. Хотя руководитель Акмолинского Переселенческого управления отмечал, что немцы-переселенцы заселяются в крае на тех же условиях, что и русские крестьяне.

Сугубо негативное отношение чиновников в отношении немцев-переселенцев в Степном крае[12] во многом определяло переселенческую политику царской России, что впоследствии отразилось в различных циркулярах и распоряжениях центральных и местных властей по этим вопросам в отношении немцев. Уже в январе 1895 года, после начавшегося переселения немцев в Степной край, в циркуляре Министерства внутренних дел, направленном Степному генерал-губернатору, были даны указания о прекращении заселения немецкими переселенцами территории Акмолинской области. Обоснованием запрета являлось то, что немецкие колонии в Европейской России имеют лучшие земли, чем большинство русских крестьянских хозяйств. Поэтому переселенческие участки, образованные на казенных землях, не должны служить фондом для расширения немецкого землевладения в крае[13]. Однако ещё до получения циркуляра МВД Степной генерал-губернатор М.А. Таубе сделал предупреждение немцам, заселившимся в Акмолинской области, что в «случае прибытия в эту область новых колонистов таковые будут выдворены из неё этапным порядком»[14].

В этом плане также интересна оценка материалов из доклада министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова «О переселении в Степной край немцев из Самарской губернии в 1895 году». В докладе Ермолов дал оценку переселению немцев и отмечал, что «в последнее время замечается наплыв немцев-переселенцев из Самарской губернии без разрешения Министерства внутренних дел, что в Степных областях немцев поселять нельзя. Немцы постоянно стремятся селиться вместе. Степной генерал-губернатор думает образовать из них отдельную волость, но это крайне нежелательно»[15].

Осенью 1895 года генерал-губернатор Степного края обратился в МВД за разъяснением вопроса о переселении в Степной край немцев. В ответе МВД оговаривался момент, что прибывшие в 1895 году немцы-колонисты в Степной край должны быть устроены наравне с другими самовольными переселенцами. Результатом этого явилось то, что на территории Степного края возник ряд новых переселенческих поселков. Для урегулирования вопросов переселения, а также ограниче-

ния самовольного переселения администрация Степного генерал-губернаторства была вынуждена пойти на создание в январе 1896 года специального органа – «Переселенческого управления».

В конце XIX – начале XX века в Акмолинской области, несмотря на ограничение переселенческого потока из числа немецкого крестьянства, стали возникать чисто немецкие деревни, к числу которых принадлежали Баронское, Павловское, Долинское, Самаркандское и многие другие. Позднее немецкие села также появились в Кокчетавском уезде. Материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года сообщают, что на территории Казахстана проживало 2 496 человек немецкой национальности. Причём из общей численности осевших немцев-переселенцев около 30% проживало в городах, а 70% – в сельской местности[16].

Таблица 1

Численность немецкого населения по областям Казахстана по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года

Название области	Количество немецкого населения
Акмолинская область	1 476 человек
Сыр-Дарьинская область	649 человек
Уральская область	161 человек
Семипалатинская область	160 человек
Семиреченская область	32 человека
Букеевская Орда и Мангышлак	18 человек

Вопрос о занятости немецкого населения дореволюционного Казахстана очень хорошо прослеживается на примере Акмолинской области, которая в дореволюционное время относилась к значительным губерниям Казахстана не только по территориальным размерам, но и по своему экономическому значению. Большинство немцев-переселенцев в дореволюционном Казахстане были заняты в сельском хозяйстве (83,6%). Из материалов переписи 1897 года следует:

Таблица № 2

Сфера занятости немецкого населения Казахстана по материалам переписи 1897 года[17]

Сфера занятости	Проценты
в непроизводственной сфере	6,1%
в индустрии	7,8%
в торговле	2,4%
в других сферах	0,1%

В результате переселения крестьянства в Казахстане образовались новые этнические общности: русские и украинцы – 1,5 млн человек, что составило 28,5% от общего количества населения этой окраины царской России; татары – 23 000 человек (0,7%), немцы – около 38 500 – 39 000 человек (0,7%) и мордва 24 600 человек (0,3%)[18].

Переселенческое движение немцев в Казахстан более чётко оформилось к 1906 году. В этот период оформилось три крупных потока немецкого переселенческого движения в Казахстан. Самым значительным из них было переселение немцев-колонистов из Поволжья; вторым – из причерноморских колоний и позже с территории Волыни и соседних

губерний. В период с 1898 по 1905 год немцы-переселенцы интенсивно заселяли территорию Акмолинской области. Главным образом заселение области происходило за счёт переселения из Самарской и Саратовской губерний. В результате этого на территории Акмолинской области немцы-переселенцы основали семь поселений, затем появились шесть немецких переселенческих деревень в Кокчетавском уезде[19].

Наряду с крестьянским переселением из числа немцев на территорию Казахстана также происходило переселение германских подданных и городских немцев Российской империи. В основном этот контингент переселенцев селился в областных и уездных городских центрах края. Интересны в этом плане статистические данные периода с 1896 по 1916 год по Акмолинской области о численности переселенцев из иностранных подданных, принявших российское подданство, общим количеством 87 немцев: 8 бывших австрийских и 79 германских подданных[20].

Особо негативное влияние на ограничение свободы немецким переселенцам в выборе мест заселения оказал Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит. В приказе заведующему Акмолинским переселенческим районом он указывал, что немцев-переселенцев следует направлять лишь в Акмолинский и Атбасарский уезды[21]. В 1910 году в письме в МВД Степной генерал-губернатор Шмидт Е.О. писал: «В настоящее время водворение немцев производится преимущественно в южные районы Акмолинской области. Эти уезды поставлены в более тяжелые условия, и поэтому высокая сельскохозяйственная культура немцев может справиться с такой ситуацией»[22].

Другой территорией дореволюционного Казахстана, куда переселялись немцы в потоке переселения русского крестьянства, была Тургайская область. В январе 1869 года было образовано Тургайское областное правление. В основном колонизация и переселенческое движение в Тургайскую область русского крестьянства, а также немецких крестьян с юга России и поволжских колоний осуществлялось в двух северных уездах – Актюбинском и Кустанайском, которые по условиям климата и почвы были более благоприятны для развития сельского хозяйства[23]. Первоначально процесс переселения крестьянства, как русского, так и немецкого, происходил самовольно. Многочисленные попытки сдержать переселение крестьян путём его запрещения не давали нужных результатов. Самовольное переселение и занятие переселенцами казахских земель продолжалось. К причинам самовольного переселения крестьянства следует отнести их малоземелье и наличие высоких налогов, которые вынуждали крестьян переселяться на новые земли, поэтому большой поток переселенческого движения крестьянства был направлен в регионы Азиатской России, в том числе и в Казахстан[24].

В плане рассмотрения вопросов переселенческого движения немцев в пределы Тургайской области важное значение приобретают материалы архивного фонда №25 Центрального Государственного архива Республики Казахстан «Тургайское областное правление», в котором отложилась информация о мероприятиях колониальной и царской администрации по вопросам колонизации и организации переселенческого дела в Тургайскую область. Именно материалы фонда «Тургайского областного правления» раскрывают яркие примеры взаимоотношений между различными национальными группами переселенцев, самовольно переселившихся в Тургайскую область. Документы и материалы фонда свидетельствуют, что в процессе переселения происходили различные столкновения на почве заселяемого земельного участка. В частности, это касается переселенческого участка Надеждинский, где в 1902 году произошли столкновения между русскими и немецкими переселенцами.

Село Надеждинское является одним из первых немецких переселенческих сёл в Кустанайском уезде Тургайской области[25]. Первые упоминания о переселенческом поселке Надеждинка в Кустанайском уезде Тургайской области связаны с историей переселенческого движения. В архивных источниках имеются сведения, что задолго до поземельного устройства русского населения в Кустанайский уезд прибыли немецкие переселенцы из Херсонской, Бессарабской и Полтавской губерний[26].

Первые немецкие переселенцы прибыли сюда ещё в 1899 году в количестве 14 семей из южно-русских губерний и остались у своих земляков на Ивановском земельном участке. Уже в 1900 году в район Кустанайского уезда Тургайской области прибыла новая партия немецких переселенцев в количестве 189 семейств. Из них 14 семейств поселились непосредственно на Надеждинском земельном участке. Датой образования немецкого поселения Надеждинка Кустанайского уезда Тургайской области считается 1901 год. Характеризуя появление немцев-переселенцев в Кустанайском уезде, кустанайский уездный начальник в рапорте от 13 июля 1902 года на имя военного губернатора Тургайской области писал: «Надеждинский поселок образовался в прошлом году путём самовольного заселения запроектированного переселенческого участка немцами-лютеранами. Как и всем прочим самовольным переселенцам, им было объявлено, что разрешения на переселение в Тургайскую область до сих пор нет, и что относительно их, т.е. немцев, наоборот, есть распоряжение Земского отдела Министерства внутренних дел, что разрешение переселения в Тургайскую область переселенцев из числа немцев особенно нежелательно»[27]. Мнение кустанайского уездного начальника совпадало с мнением делопроизводителя Переселенческого управления Яхонтова, который по вопросу переселения немцев в Кустанайский уезд также высказывал мнение, что предоставление там земельных участков лицам нерусского происхождения нежелательно. Яхонтов предлагал отложить решение вопроса о разделе земельных участков среди немцев-переселенцев в Кустанайском уезде на неопределённое время, а с другой стороны, вообще ограничить возможность переселения немцам в Тургайскую область. Немцы-переселенцы, организовавшие поселения на земельном участке Надеждинском, неоднократно ходатайствовали о возможности наделения их землёй перед губернатором Тургайской области и МВД.

25 апреля 1902 года генерал-губернатор Тургайской области лично посетил Кустанайский уезд и проезжал через этот поселок. Немцы-переселенцы обратились к генерал-губернатору с просьбой их водворения на этом земельном участке и разрешения посева. Однако генерал-губернатор дал им ответ, что от него решение вопроса об их водворении не зависит, но на 1902 год, как и прочим самовольным переселенцам, разрешил остаться на этом земельном участке и распахать под посев по три десятины на семью[28]. Губернатор при этой встрече высказал просьбу, чтобы немецкие переселенцы не требовали к себе переселенцев из числа их соотечественников.

Несмотря на устное разрешение генерал-губернатора Тургайской области, немцам-переселенцам было очень трудно оставаться на этом земельном участке, так как у них возникли осложнения в решении поземельного вопроса с русскими переселенцами, которые тоже имели желание заселиться на этом земельном участке. Возникновению инцидента между немцами и русскими переселенцами способствовало местное начальство, которое отказывалось давать официальное разрешение русским переселенцам на этом земельном участке. Из архивных документов следует, что русские переселенцы собрались из различных районов Кустанайского уезда и города Кустаная в течение недели на земельном участке Надеждинском в количестве 150 человек. Русские переселенцы обратились к кустанайскому уездному начальнику за разрешением на поселение их на земельном участке Надеждинском. Однако они имели разговор не с уездным начальником, а с чиновником уездного управления Мясищевым, который им ответил, что поселение на земельном участке Надеждинском или же каком-либо другом земельном участке не разрешено[29].

23 мая 1902 года переселенцы обратились к священнику Борисовско-Романовского поселка с просьбой отслужить молебен на переселенческом участке Надеждинском, так как якобы русским переселенцам было разрешено там строиться[30]. В связи с этим и возник инцидент между немцами и русскими переселенцами. После произошедшего инцидента кустанайский уездный начальник в рапорте от 31 мая 1902 года излагал свою просьбу губернатору Тургайской области в отношении

немцев-переселенцев: «Я имею честь просить указаний Вашего Превосходительства о порядке выдворения указанных переселенцев-немцев, так как добровольно покинуть земельные участки Надеждинский и Тиминский они не соглашаются и продолжают самовольно возводить постройки»[31]. В процессе дознания было установлено, что «...немцы устроили свои землянки на берегу р. Тобола ещё в 1901 году, а с весны 1902 года стали их переносить на новое место, признанное по проекту под поселок, примерно в версту от старого. Русские переселенцы грозили немцам, что они здесь в скором времени будут строиться, а затем выгонят немцев»[32].

Слухи об инциденте между русскими и немецкими переселенцами дошли до епископа Оренбургского и Уральского, который в письме от 15 июля 1902 года писал генерал-губернатору Тургайской области: «Как известно, что немцы очень держатся за этот весьма хороший и удобный пункт, который лежит на живом и бойком трактовом пути, пользуясь всяким случаем прохожим и проезжающим навязывать свою протестантскую веру и внедряют вредное учение против русской православной веры»[33]. Епископ просил генерал-губернатора Тургайской области принять чрезвычайные меры по отношению к немцам-переселенцам. Он писал: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство выдворить из киргизских степей вверенной Вам области крайне неблагонадежных, вредных, дерзких, нахальных, самовольно водворившихся немцев-протестантов и не оставить их проступок не наказанным»[34].

После завершения расследования этого инцидента 21 декабря 1902 года Тургайский губернатор писал, что «немцы Надеждинского земельного участка ввиду прочного устройства на основании предложения Министерства внутренних дел от 5 октября 1902 года за № 9289 получат водворение на запланированном месте отдельно от русских»[35]. Главная трудность в проведении переселенческой политики для местной администрации заключалась в том, что при разделе земельных участков возникало много вопросов при разрешении поземельных споров[36].

На основании архивных документов можно сделать вывод, что политика местных и центральных властей в отношении немецкого переселенческого движения в Казахстан характеризовалась стремлением не допустить колонистов на лучшие земли. Их расселение в Казахстане рассматривалось местной администрацией как возможность их влияния своей высокой сельскохозяйственной культурой на местное и переселенческое население. Немецкие переселенческие деревни возникали в Казахстане обособлено. Однако имели место отдельные случаи враждебных столкновений с русскими переселенцами, возникавшие на почве поземельных споров или религиозных вопросов. В завершение статьи нужно отметить, что общая численность немецких переселенцев в Казахстане перед Первой мировой войной составила 64 000 человек.

Примечания

1 Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф-И 369. Оп. 1. Д. 9487. Л. 12.

2 *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. СПб., 1898. С. 329-330.

3 ЦКГ РК. Ф-И 64. Оп. 1. Д. 596. Л. 122об.

4 Там же. Л. 12.

5 Там же. Л. 123об.

6 Там же. Л. 123.

7 *Schlesinger, Martin Ludwig*. Russland im XX Jahrhundert. Berlin, 1908. S. 201.

8 Фотография взята из книги «История российских немцев в собраниях Омского государственного историко-краеведческого музея». Альбом-каталог / Под ред. П.П. Вибе. Омск, 2017. С. 25.

9 *Лавров М.В.* Туркестан. География и история края. Москва, 1914. С. 36.

10 *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. С. 131.

11 *Вибе П.П.* Основные районы немецкой крестьянской организации в Западной Сибири в конце XIX – начале XX века // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект / Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 года. Москва: Готика, 1998. С. 134-144.

12 Степной край был организован в 1882 году. В его состав вошли Акмолинская, Семиреченская

и Семипалатинская области. С 1889 года находился под управлением генерал-губернатора Туркестанского края с управленческим центром в г. Омске. В 1917 году был ликвидирован.

[13] *Вибе П.П.* Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX века. Омск, 2011. С. 30.

[14] ЦГА РК. Ф-И 64. Оп. 2. Д. 587. Л. 134.

[15] Немцы Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев Сибири (1895–1917) / Под ред. П.П. Вибе. Омск, 2000. С. 25–26.

[16] См.: *Лайгер М.П., Кригер В.Э.* География расселения и социально-экономические характеристики немецкого населения Казахстана в конце XIX века // Вестник АН Каз. ССР №11(1988). С. 79–81; *Кригер В.Э.* Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1991. С. 14.

[17] *Schmidt, Waldemar.* Die Ansiedlung der deutschen Bevölkerung in Kasachstan und ihr sozialökonomische und politische Entwicklung // Jahrbuch für deutsche und osteuropäische Volkskunde. Bd. 43 (2000). S. 253.

[18] *Бекмаханов А.Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX века – 1917 г.). М., 1986. С. 161–163.

[19] *Ерофеева В.И.* Столыпинская аграрная реформа и массовое переселение славянского и немецкого крестьянства (1900–1917 гг.) // История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001. С. 253–255.

[20] ЦГА РК. Ф-И 369. Оп. 1. Д. 3270. Л. 15.

[21] См.: *Вибе П.П.* Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX века // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 9.

[22] ЦГА РК. Ф-И 64. Оп. 1. Д. 5959. Л. 12об.

[23] *Палферов Я.Я.* Земледелие в Тургайской области. Оренбург, 1896. С. 9.

[24] *Шмидт В.* Из истории переселенческого движения немцев в дореволюционном Казахстане. На примере с. Надеждинка Кустанайского уезда Тургайской области // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии российских немцев. Материалы 14-й Международной научной конференции. Кисловодск, 25–29 сентября 2013 г.. Москва, 2014. С. 333.

[25] *Буданова Ю.П.* Первые немецкие поселки в Кустанайском уезде. Село Надеждинка. История по материалам архивных документов и воспоминаниям коренной жительницы села М.Я. Гофман (Белоусько) // Немцы Сибири. История и культура. Материалы VI Международной научно-практической конференции, 2–4 июня 2010 года. Омск, 2010. С. 185.

[26] ЦГА РК. Ф-И 25. Оп. 1. Д. 1518. Л. 31–42.

[27] Там же. Л. 8.

[28] Там же. Л. 8об.

[29] Там же.

[30] Там же. Л. 1.

[31] Там же. Л. 1об.

[32] Там же. Л. 9.

[33] Там же. Л. 6об.-7.

[34] Там же.

[35] Там же. Л. 50.

[36] ЦГА РК. Ф-И 25. Оп. 1. Д. 2790. Л. 14об.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-47-59

В.А. Бушмакин, В.П. Зайцев

ДЕЛО О ПАРОХОДЕ «АПЕН»

В ходе исследований, посвященных истории Торгового дома Сугиур (одной из первых японских торговых компаний, открывших свои представительства во Владивостоке), наше внимание привлекло название парохода, переданное в русскоязычных источниках как «Апен», а в японоязычных как «Āпэн» (アーペン). Сообщалось, что 10 октября 1880 года на этом пароходе во Владивосток из Японии прибыл представитель Внешнеторговой компании (Бōэки сēкай 貿易商會) Маэда Матахэй (前田又平) для открытия в городе филиала фирмы. Позже этот филиал станет Торговым домом Сугиура[1].

Источником этих сведений была статья исследовательницы Сугияма Кимико (杉山公子), опубликованная в 1996 году в японском журнале «Север»[2]. Статья содержит множество ценных данных о начале работы Внешнеторговой компании во Владивостоке, однако без каких-либо ссылок на их источник. Именно через неё и без критического подхода к её данным название, переданное в тексте по-японски как «Āпэн»[3], было записано по-русски как «Апен», после чего этот пароход начал свой ход по «водам» публикаций. Находим мы упоминания о нём, например, в работах З.Ф. Моргун, Тамура Айка и В.А. Бушмакина[4]. Кроме того, в японской монографии И.Р. Савельева, посвящённой истории азиатских диаспор на Дальнем Востоке, это же название передано как «Āхэн» (アーヘン)[5]. Последнее, впрочем, представляется нам либо редакторской погрешностью, поскольку И.Р. Савельев прямо ссылается на статью Сугияма Кимико, либо, возможно, попыткой переосмысления написания «Āпэн», хотя автор и не даёт никаких указаний относительно намеренного изменения названия.

Как было установлено нами ранее, неназванным Сугияма первоисточником указанного сообщения являются «Записи услышанного о Владивостоке» (Кайсанъи кибун 海參威記聞 = 海參崴紀聞) – отчёт, составленный корреспондентом Токийского географического общества, переводчиком с русского языка Камбэ Ōити (神戸応一), и направленный автором адмиралу Эномото Такэаки (榎本武揚; 1836–1908), вице-президенту общества в то время. Отчёт был заслушан в стенах общества и опубликован в 1882–1883 гг. Записи содержат собранные автором разносторонние сведения о городе для периода с мая 1881 года по май 1883 года, в основном касающиеся коммерции. Далее мы называем этот источник отчетом Камбэ[6].

В настоящей статье мы попытались критически рассмотреть информацию о *некоем* пароходе «Апен», существование которого до сих пор даже не подвергалось сомнению, хотя, как будет показано, это название является ошибочным. На основе целого ряда отечественных и зарубежных источников, включая архивный и газетный материал, восстанавливается история реального парохода «Appin» (Аппин)[7] и связанных с ним компаний, людей и событий. Большинство из полученных в ходе исследования документальных сведений никогда не публиковалось в отечественной литературе, а тем более нет ни одного источника, который бы приводил их совместно. Попытка изложить историю парохода «Appin» предпринимается впервые.

§ 1. Проблема с названием «Апен»

Передача написанного по-японски названия «Āпэн» (アーペン) как «Апен» по-русски сразу вызвала у нас сомнения в силу того, что сведений о каком-либо английском пароходе под названием «Apen» в иностранной литературе мы не обнаруживали. Более того, кроме

указанных выше четырёх работ (см. Введение), каждая из которых содержит ссылки на статью Сугияма Кимико, других упоминаний корабля «Апен» в отечественных публикациях мы также не выявляли.

Очевидно, что без знания первоначального источника этой информации у Сугияма установить, о чём идёт речь, достаточно проблематично. Но даже определив таковой – отчёт Камбэ, мы обнаружили, что в нём приводятся несколько вариантов написания названия этого корабля, а также, как выяснилось позднее, содержатся некоторые неточности в деталях, в частности, при указании на его капитана (см. § 3). Ситуацию усугубляет ещё и то, что написание иностранных имён и названий дано в отчёте японской азбукой *катакана*, что, в свою очередь, не позволяет легко восстановить оригинальную форму слов в языке-источнике и проверить приводимые автором факты (см. ниже). Собственно, это легко увидеть даже по английскому переводу отчёта, в котором пароход именуется по-разному, то как «Aben» со знаком вопроса, то как «Arpen»[8]. Из этого можно сделать вывод, что переводчик не знал точного названия и подобрал (восстановил) его самостоятельно. Это же сделали и авторы, цитировавшие данные Сугияма Кимико на русском языке.

В японском журнальном оригинале отчёта пароход тоже назван по-разному: один раз «Āпэн» (アーペン) и шесть раз «Āпин» (アーピン) (без отличий между текстами газетной и журнальной редакций, которые наблюдаются иногда в названиях других кораблей, см. § 3)[9]. Такой разнобой показывает, что автор отчёта также не был уверен в правильности указания чтения названия или не предавал этому вопросу особого значения. При первом упоминании «нашего» парохода Камбэ прямо указывает, что «услышал» эти сведения[10], поэтому не удивительно, что одно и то же название в разных местах отчёта записано на слух (?) по-разному.

В целом, проблема восстановления изначального написания иностранного слова, записанного азбукой *катакана* по-японски, существует и не нова. Во-первых, в японском языке отсутствуют строгие правила фонетической передачи иностранных слов, поэтому в зависимости от автора одно и то же слово может записываться по-разному. Вторая серьёзная причина заключается в разнице между фонетикой японского и других языков, в силу которой звучание часто передаётся упрощённо. Поэтому восстановление изначального написания слова может быть затруднительно, а для малоупотребительных слов, таких, как редкие имена и названия, просто невозможно однозначно, то есть предполагается множество вариантов.

Например, японскую запись Āпэн (アーペン) можно восстановить как Arpen, Aapen, Apin, Apen, Irpen, Irpin, Irpeen или Arpin. Запись Āпин (アーピン) предполагает уже варианты Arpeen, Arpin, Aapin, Aapen, Arpen, Apeen, Apin, Irpeen и Irpin. Как было сказано выше, английский перевод отчёта даёт варианты Aben и два раза Arpen (в японском тексте первый соответствует написанию Āпэн, второй – Āпин). Хотя корабли с некоторыми из этих вариантов в качестве названия действительно существовали, они не подходили нам в качестве решения либо по времени постройки, либо по месту эксплуатации. При таком разбросе и неоднозначности мы отказались от попыток восстановить название лингвистическим методом.

Настоящее английское название судна нам удалось установить по некоторым фактам о нём, упоминаемым в отчёте, в частности, о посадке на мель в устье Амура в августе 1881 года (см. § 4). Поиск сведений о судне по таким данным показал, что речь идет о пароходе «Appin»[11]. Следовательно, в русской транскрипции его название необходимо передавать как «Аппин». Это подтверждается и рядом русскоязычных источников. В отличие от «Апен», верное название «Аппин» встречается в литературе, но безотносительно от тех данных, что приводит о нём Камбэ, поэтому эти два парохода, мнимый и настоящий, никогда не пересекались в текстах.

Совпадение описанных в русскоязычной и англоязычной литературе фактов с описаниями в отчете Камбэ позволяют утверждать, что это действительно одно и то же судно. Далее мы изложим все документальные сведения о нём, полученные в ходе нашего исследования.

§ 2. Пароход «Appin» (он же «Bisayas», «Visayas» и «Nuestra Señora del Rosario»)

Железный винтовой пароход «Appin» (рег. № 60991) был построен шотландской судостроительной компанией «Уильям Денни и братья, Лтд» (William Denny and Brothers Limited)[12] в Дамбартоне в 1869 году по заказу[13] компании «Джардин, Мэтисон и К°» (Jardine, Matheson & Co.). 10 августа 1869 года пароход был спущен на воду, а 17 сентября того же года зарегистрирован[14].

Свое имя он получил, по-видимому, по названию района Аппин (Appin) в исторической области Аргайл (Аргайлшир) в горной Шотландии (Хайленд), земли которого принадлежали в «феодальное время» клану Стюартов, «непобежденных врагов Кэмпбеллов». Шотландский топонимист У.Дж. Уотсон (1865–1948) приводит о нём такие сведения:

> «Между [заливами] Лох-Креран и Лох-Ливен находится приятный район Аппин (гэльск. *Apuinn*, род. п. *Apunn*, *na h-Apunn*, от среднеирландск. *apdaine* ‘должность или сан аббата’, в результате конкретно [стало означать] ‘земля аббатства’). Вероятно, она (эта земля) принадлежала общине Молуага в Лисморе. Районов с таким названием было много, но на севере [Шотландии] наиболее известны два: этот и Аппин оф Далл (Appin of Dull), близ Аберфелди. На гэльском языке они различались как *Apuinn mhic Iain Stiubhairt* ‘Аппин сына Джона Стюарта’, *Apuinn nan Stiubhartach* ‘Аппин Стюартов’, и *Apuinn nam Mèinnearach* ‘Аппин Мензисов’ соответственно»[15].

Шотландский Аппин дал своё имя и ряду других мест в Австралии, США и Канаде. Точных причин, по которым судну дали такое название, нам установить не удалось, но, учитывая, что оно было построено в Шотландии и было заказано компанией, основанной шотландцами по рождению (см. ниже), они могут лежать в этой плоскости.

Торговая компания «Джардин, Мэтисон и К°» была основана двумя шотландцами, Уильямом Джардином (William Jardine; 1784–1843) и Джеймсом Мэтисоном (James Nicolas Sutherland Matheson; 1796–1878), в Кантоне (совр. Гуанчжоу) в июле 1832 года. По другим данным, основная контора была в Макао, а в Кантоне – филиал[16]. Основной сферой её деятельности была торговля опиумом и другими товарами. После опиумных войн 1840–1842 гг. компания переместилась в Гонконг, а также открыла филиалы в Шанхае и Фучжоу. Со временем были открыты филиалы во многих городах Китая, а компания стала развивать и другие направления деятельности, включая судоходство и строительство железных дорог. Пароходное сообщение компании в то время осуществлялось по китайскому побережью с заходами в Японию. В китайской и японской литературе компания фигурирует под названиями 怡和洋行 (кит. Ихэ янхан, яп. Ива ē̄kō)[17] и 渣甸洋行 (кит. Чжадянь янхан, яп. Садэн ē̄kō). Кроме того, в силу указанных в § 1 причин существует множество вариантов записи её названия по-японски азбукой *катакана*.

В апреле 1870 года, после прибытия “Appin”, компания имела четыре корабля – «Dragon», «Nanzing» (оба с китайскими владельцами под управлением фирмы), «Kiusiu» и «Appin» на тяньцзиньском направлении[18]. В дальнейшем было основано несколько аффилированных пароходных компаний: в 1872 году – «Китайская береговая пароходная компания» (China Coast Steam Navigation Company), а в 1879 году – «Пароходная компания Янцзы» (Yangtze Steam Navigation Company), базировавшиеся в Шанхае. Они были созданы как попытка реорганизовать методы работы и получить финансовую подпитку за счёт продажи акций для пополнения пароходного флота. Корабли были оценены как активы компании, под которые выпускались акции. В частности, «Appin» был оценен в 75 тыс. китайских таэлей. Компания Джардина выступала в роли общего менеджера и смогла таким образом расширить свои операции, не используя много собственного капитала. Интересно, что при этом в дело вовлекались как иностранцы, так и китайцы[19].

14 июля 1873 года пароход «Appin» был продан Р. Джардином (Robert Jardine; 1825–1905), в то время главой «Джардин, Мэтисон и К°», Дж. Уитталлу (James Whittall; 1827–1893)[20]. 13 августа 1875 года Уитталл продал

его У. Кесвику (William Keswick; 1834–1912), гонконгскому партнеру компании и дальнему родственнику Джардина[21]. Очевидно, что эти продажи переводили пароход из одной дочерней структуры компании в другую, в частности, в «Китайскую береговую пароходную компанию».

Уиттал был главой восточного направления деятельности компании в Гонконге. Кесвик сначала работал в Шанхае, временно исполняя обязанности главы шанхайского направления в 1870–1871 гг., а позже перебрался в Гонконг. Кесвик был выбран одним из директоров новой «Китайской береговой пароходной компании»[22]. Возможно, перепродажа «Appin» между ними была связана с тем, что формально они не работали в фирме Джардин, и смена владельца была выгодна из каких-либо организационных соображений.

До работы в Шанхае Кесвик также работал в Японии, основав в 1859 году филиал «Джардин, Мэтисон и К°» в порту Иокогама. В Японии компания проработала до 1941 года[23]. Видимо, с его деятельностью там связан тот факт, что «Appin» заходил на японские острова. Согласно отчету Камбэ, в 1880–1881 гг. пароход выполнял в том числе рейсы между Японией и Владивостоком, перевозя пассажиров и грузы (см. § 3).

Зимой 1881 года У. Кесвик, с целью привлечения британского капитала и объединения предприятий, организовал в Лондоне акционерное общество «Индо-Китайская пароходная компания» (The Indo-China Steam Navigation Company, Limited; 印度支那航業公司). По сути, это было выделение в самостоятельную единицу всего отдела компании Джардина, который занимался судоходством. В ноябре 1881 года оно было зарегистрировано. Капитал был определён в размере 1 200 000 фунтов стерлингов в акциях по 10 фунтов стерлингов, но для подписки была предложена только половина этой суммы, 60 000 акций, часть которых была взята продавцами. За щедрую премию новой компанией были приняты («taken over») шесть судов, включая «Appin», у «Китайской береговой пароходной компании» и три судна у «Пароходной компании Янцзы». В её состав вошли также три новых парохода, построенных незадолго до этого для маршрута Нючжуан – Шаньтоу, и (позже?) два судна, которые «Джардин, Мэтисон и К°» эксплуатировала на маршруте Гонконг – Калькутта[24]. Таким образом, новая компания владела четырнадцатью судами, а её деятельность теперь охватывала реку Янцзы, три маршрута на побережье Китая и сообщение между Гонконгом и Калькуттой[25]. Компания Джардина выступала в роли главного акционера и общего управляющего[26].

1 февраля 1882 года компания начала свою деятельность. Первый год, однако, принёс убытки, что исключало возможность объявления дивидендов акционерам. Так, 5 сентября у берегов Китая, налетев на подводную скалу, не обозначенную на карте, потерпел крушение пароход «Europe», а через месяц или два после приобретения судов выяснилось, что пароход «Appin» слишком мал для каботажной торговли. В результате, по совету генеральных управляющих в Китае, члены правления (the Directors) приняли решение о его продаже. Хотя, согласно годовому отчету компании, продажа была осуществлена «на справедливых условиях», она смогла возместить только половину убытков, вызванных потерей «Europe» и непригодностью «Appin», что вызвало жёсткую критику в прессе, возможно, инициированную кем-то из акционеров[27].

В источниках встречается упоминание, что пароход приобрел некий G. Ortiz из Манилы[28], однако подтвердить эти сведения или даже найти такого судовладельца пока не удалось. Возможно, имеет место быть и опечатка в инициале. Так, известно, что Анхель Ортис (Angel Ortiz; тж. Ángel Ortíz)[29] из Манилы приобрел пароход «Conquest» и переименовал его в «Luzon». Эти данные появляются в «Регистре Ллойда британского и иностранного судоходства» 1882 года издания[30]. В регистр следующего, 1883 года, через 14 лет после постройки, впервые попадают и данные о пароходе «Appin». Хотя судно на тот момент должно было быть уже продано, его владельцем всё ещё указан лично У. Кесвик из Гонконга[31].

Согласно регистру 1884 года, пароход «Appin» перешёл в собственность «Судоходной компании Филиппин»[32] и был переименован в «Bisayas» (Бисайи или Висайи – острова, принадлежащие Филиппинам). Интересно, что тогда же фиксируется и переход к этой компании парохода «Luzon» от А. Ортиса[33].

Далее, согласно «Универсальному регистру» 1886 года[34], пароход ненадолго перешёл в собственность компании «Бирчал, Робинсон и К°» (Birchal, Robinson & Co.), основанной Э.Ф. Бирчалом (Edward Frank Birchal; 1852–1920) и Н.Дж. Робинсоном (N.J. Robinson) в Маниле[35], и был переименован в «Visayas». Нам неизвестно, однако, было ли это переименование или просто уточнение названия, поскольку Висайские острова именовались в то время обоими способами. «Обычный» «Регистр Ллойда» того же года смены собственника и названия парохода не приводит[36]. Возможно, потому, что эта компания владела им совсем недолго. С другой стороны, «Хроника и справочник… за 1885 год» по всему азиатскому региону называет «Бирчал, Робинсон и К°» только пароходными агентами «Судоходной компании Филиппин»[37].

Согласно регистрам, изданным в 1887–1894 гг., далее пароходом «Visayas» владел китайский метис или «местисо» (исп. mestizo; в англ. произношении «местизо») из Манилы, Ильдефонсо Тамбунтинг (Ildefonso Tambunting или Tam Bunting, Tan Bunting; Чэнь Вэньвэй 陳文微; 1850?–1922)[38]. В регистре 1891 года указывается, что пароход был переименован владельцем в «Nuestra Señora del Rosario» (исп. «Дева Мария Розария»)[39].

В 1895 году в Маниле была образована «Морская компания»[40]. Согласно регистрам 1895-го и последующих годов, пароход перешёл в её собственность на более чем 10 лет[41].

18 сентября 1906 года страшной силы тайфун, обрушившийся на Гонконг, принёс многочисленные человеческие жертвы и оставил громадные разрушения. В числе прочих был повреждён и пароход «Nuestra Señora del Rosario», привезённый с Филиппин для разборки («to be broken up») и находившийся в тот момент в доке в Юмади (Яуматэй 油麻地). Корабль был выброшен на мель[42]. В регистре, изданном в 1907 году, у названия парохода появляется помета «Broken up» («разобран»). В издания регистра последующих годов он уже, естественно, не включался[43].

Рис. 1. Пароход «Nuestra Señora del Rosario» на мели в Юмади.
Фото: Destruction of shipping and dock property at Hongkong … С. 151.

§ 3. Капитан парохода «Appin» и М.К. Адамс

Согласно отчету Камбэ, капитаном парохода «Appin» (яп. *сэнтё* 船長; в англ. переводе «pilot») в августе 1881 года, когда тот «сел на мель на Амуре» (см. ниже, § 4), был «известный англичанин г-н Адамс»[44]. Кроме того, в литературе имеются сведения, что «Appin», как и старый пароход «Dragon» («Дракон»), принадлежал английскому дому Адамс в Гонконге. При этом «Appin» был единственным пароходом, который до 1880 года осуществлял постоянное сообщение Владивостока с Шанхаем, а «Dragon» «в лето делал из Шанхая или Нагасаки один рейс в Николаевск-на-Амуре и три рейса во Владивосток»[45].

Как было показано выше (см. § 2), владельцем парохода «Appin» в означенный период была другая компания. Что касается «английского дома Адамс», то речь, по-видимому, идет о компании «М.К. Адамс и К°» (M.C. Adams & Co.), основанной М.К. Адамсом (Matthew Catlin Adams; 1826–1881) и базировавшейся в Нагасаки. Пароход «Dragon» действительно принадлежал ей с 1875 года до января 1880 года, после чего был продан японской компании[46]. Поскольку для каботажных рейсов вдоль побережья Японского моря Адамс, фактически положивший их начало, фрахтовал иностранные пароходы в Китае и Японии[47], мы не исключаем, что он мог фрахтовать у владельцев и пароход «Appin» и тем самым ассоциироваться с ним. Впрочем, сам Камбэ в другом месте своего отчёта прямо говорит об этом:

> «В первой половине дня 30 ноября [1881 года] [во Владивосток] прибыл британский пароход «Waverley»[48] находящийся в ведении г-на Адамса. До этого он (Адамс) занимался перевозками между Владивостоком и Шанхаем, а также Гонконгом и Нагасаки на пароходе «Appin», но по истечении срока контракта зафрахтовал «Waverley» для перевозок между Хакодатэ и различными портами Сахалина. 5 декабря [1881 года] «Waverley» отправился в Шанхай и Нагасаки»[49].

Упоминается также, что Адамс был фактически монополистом в перевозках между Японией, Китаем и Владивостоком до открытия регулярных рейсов фирмы Мицубиси. При этом было много недовольных тем, как он ведёт дела, поэтому открытие регулярного японского пароходства изменило ситуацию и приветствовалось, очевидно, не только японцами[50]. Другое судно, упоминаемое в связи с Адамсом в отчете Камбэ, это «Blackhalls»[51]. Якобы в июне 1881 года Адамс был и его «капитаном», когда оно (как и позднее «Appin» в августе) «село на мель в Татарском проливе и было сильно повреждено»[52]. Однако капитаном «Blackhalls» был в то время Грейнджер или Грэнджер (Grainger, Granger). Как сообщали 17 и 18 июня английские газеты об описываемом Камбэ инциденте[53], пароход «Blackhalls» под руководством Грэнджера (так!) сел на мель в районе бухты Барракута (Императорской гавани). Сбросив часть груза, пароход снялся с мели и 15 июня прибыл на рейд в Николаевск[54]. Если так, то под «капитаном» у Камбэ явно понимается нечто иное и, по-видимому, это именно контрактные обязательства.

Тогда кто же был капитаном парохода «Appin»? Полагаем, что в «китайско-японский» период их сменилось несколько, хотя нам удалось обнаружить сведения только о двоих. Так, в 1873 году капитаном был Г. Вернон Рассел (H. Vernon Russell), опубликовавший, в частности, в Шанхае небольшую брошюру о морских сигналах[55]. В начале 1880-х, то есть в период, описываемый Камбэ, пароходом командовал Дж.К. Андерсон (George Cobham Anderson) из Гонконга, нанятый структурами «Джардин, Мэтисон и К°».

Капитан Андерсон известен своими географическими наблюдениям о мало посещаемом районе Татарского пролива, западном побережье острова Сахалин и устье реки Амур[56]. Любопытно, что с ними был знаком даже А.П. Чехов. Так, в своих путевых записках «Остров Сахалин» он упоминает корреспонденцию «Остров Сахалин. Несколько интересных сведений относительно Маука-Коув (Maucha Cove)» (sic!), найденную им в № 112 «Кронштадтского вестника» за 1880 год. Как было указано комментаторами, эта корреспонденция принадлежит Андерсону[57].

Обследовав эту публикацию de visu, мы пришли к выводу, что это русский перевод корреспонденции Андерсона Британскому гидрографическому департаменту относительно бухты Маука (Маока, Беллинсгаузена) на западном берегу южной половины о-ва Сахалин у современного Холмска, опубликованной в «Записках Королевского географического общества и Ежемесячных отчётах по географии» в сентябре 1880 года[58]. Эта корреспонденция неоднократно перепечатывалась, цитировалась или упоминалась в литературе[59]. Полагаем, что такие корреспонденции могли быть не единичны, но опубликованной мы смогли обнаружить только одну.

Кроме того, Андерсон числился «non-resident» членом Северокитайского отделения Королевского Азиатского общества (по списку на июль 1881 года)[60]. В 1879–1880 гг. он передавал «весьма интересные геологические образцы» из Кореи и Сибири в коллекцию Шанхайского музея[61]. Можно также упомянуть, что он неоднократно предоставлял различные метеорологические данные и наблюдения, публиковавшиеся в 1880–1881 гг. в «Ежемесячном бюллетене Магнито-метеорологической обсерватории Зи-ка-вэй [Сюйцзяхуэй 徐家匯] близ Шанхая (Китай), основанной и управляемой миссионерами Общества Иисуса»[62].

§ 4. Инцидент с пароходом «Appin» близ о. Уюзют, 1881 год

Как кратко сообщает Камбэ, 20 августа 1881 года пароход «Appin» сел на мель, его корпус был повреждён и грузу был нанесён большой урон, но владелец груза его застраховал, поэтому потери были небольшими[63]. Эту информацию подтверждают английские газеты. 24 и 25 августа они сообщили, что, по информации от 23 августа из Николаевска, пароход «Appin» налетел на скалу вблизи небольшого острова Уюзют (Ujusut)[64] у мыса Пронге, получил пробоину и дал течь. Насосы не смогли справиться с прибывающей водой, в результате чего капитан Андерсон посадил его на отмель. Сообщалось, что на помощь ему будут посланы лихтеры. В телеграмме от 22 августа из Николаевска говорилось, однако, что пароход без помощи прибыл на рейд. В результате происшествия был поврежден груз на сумму 1200 фунтов стерлингов. Перегружен («reshipped») во Владивостоке, из («out of») пароходов Добровольного флота «Нижний Новгород» и «Россия» (так неясно в тексте телеграммы). Интересно, что первое опубликованное сообщение датировалось 23 августа и вышло на день ранее второго (телеграммы от 22 августа)[65].

Как уже говорилось, это обстоятельство позволяет надежно установить, что именно «Appin» является тем пароходом, который Камбэ называет в своём отчёте.

Заключение

В настоящей статье на широком круге отечественных и зарубежных источников впервые в отечественной литературе предпринята попытка установить основную канву истории парохода «Appin» («Аппин»), сыгравшего определённую роль в приморской каботажной торговле и перевозках в 1880-х гг., а также раскрыть сведения о связанных с ним компаниях, людях и событиях. Попутно исправляется досадная неточность некоторых отечественных работ, в которых этот пароход, вслед за одной современной японской статьей, не указавшей источник своих сведений, назван «Апен», что приводило к фрагментарности наших знаний, не позволяя без специального исследования совместить два этих названия – реальное и ошибочное, а, следовательно, получить более полную картину о действительности – истории этого парохода и его роли в истории транспортных перевозок в конце XIX века[66].

Список сокращений

кант. – кантонское чтение
кит. – китайское чтение (путунхуа)
яп. – японское чтение

Примечания

[1] См. об этом: *Бушмакин В.А.* Зарождение Торгового дома Сугиура во Владивостоке // Известия Восточного института. 2023, № 4 (60). С. 60-70.

[2] *Сугияма Кимико* 杉山公子. Нихондзин сётэнно тōдзё 日本人商店の登場 [Появление японских

магазинов] // Сэ̄вэру セーヴェル = Север. 1996年4月. 2号. С. 1–7.

[3] Там же. С. 2.

[4] *Моргун З.Ф.* Японская мозаика Владивостока. 1860–1937: Научно-популярное издание о картине жизни Владивостока на примере японской диаспоры. Владивосток: Приморский государственный Музей имени В.К. Арсеньева, 2014. С. 64; *Тамура Айка*. Из истории торгово-промышленной деятельности японцев на Дальнем Востоке России (1870–1922 гг.) // Россия и АТР. 2007, № 1 (55). С. 123; *Тамура Айка*. Японская иммиграция на Российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой трети XX в.: по источникам и литературе на японском языке. Диссертация ... кандидата исторических наук, 07.00.03. Владивосток, 2007. С. 133; *Бушмакин В.А.* Зарождение Торгового дома Сугиура. С. 61.

[5] *Игори Р. Савэриэфу* イゴリ R. サヴェリエフ. Имин-то кокка: кёкутō Росиа-ни окэру тюгокудзин, тēсэндзин, нихондзин имин 移民と国家: 極東ロシアにおける中国人、朝鮮人、日本人移民 [Миграция и государство: китайская, корейская, японская диаспора на Дальнем Востоке России]. Токио 東京: Отяномидзу сёбō 御茶の水書房, 2005. С. 252.

[6] Всё сказанное в параграфе подробно рассматривается в нашем специальном исследовании, посвящённом «Записям услышанного о Владивостоке» Камбэ, см.: *Бушмакин В.А.*, *Зайцев В.П.* «Записи услышанного о Владивостоке»: забытый источник по истории Владивостока конца XIX в. (в печати). Стоит пояснить, что японский оригинал «Записей» был опубликован в газете «Токио Нитинити симбун» (только их первая часть) и полностью в «Журнале Токийского географического общества». Английский перевод, основанный на тексте из «Токио Нитинити симбун», был опубликован в японской англоязычной газете “Japan Weekly Mail”, а также, вероятно, в “Japan Daily Mail” и “Japan Herald”, но это не подтверждено. Полную библиографию этих публикаций см. в указанном исследовании. В настоящей статье привлекались и, соответственно, вошли в библиографию только те из них, что были необходимы для иллюстрации или подкрепления положений нового исследования.

[7] В настоящей статье названия пароходов даются в оригинальном написании с русским переводом или транслитерацией в скобках.

[8] См.: On the Chi-shima (Kurile Islands) and Russian Invasion : Continuation of Admiral Yenomoto’s Lecture. (Translated from the Nichi Nichi Shimbun) : Report from Kamschatka = Report from Vladivostock // The Japan Weekly Mail: A Weekly Review of Japanese Commerce, Politics, Literature and Art (Yokohama). Vol. VI, No. 22. June 3rd, 1882. P. 683-685; No. 24. June 17th, 1882. P. 747-748; No. 26. July 1st, 1882. P. 809-812 (далее Kambe 1882). P. 684, 748, 811 соответственно.

[9] См.: Кайсанъи кибун: Дайиккай 海參崴紀聞第一回 : 從明治十四年五月至十五年四月 [Записи услышанного о Владивостоке: с мая 1881 г. по апрель 1882 г. Вып. 1] = Notes on Vladivostoc / Камбэ Ōити сики 神戸應一識 // Тōкē̄ тигаку кē̄кай хōкоку 東京地學協會報告 = Journal of the Tokio Geographical Society. 明治十五[1882]年十月. 第四卷第五號. Токио, 明治十六[1883]年二月二十一日刊行. С. 1–26, [1] л. вкл. (карта 漁場日記略圖) (далее Камбэ 1883а). С. 5, 18; Кайсанъи кибун: Дайникай 海參崴紀聞第二回 [Записи услышанного о Владивостоке. Вып. 2] = Notes on Vladivostoc ; 海參崴明治十五年報第一回 [Годовой отчёт Владивостока за 1882 г. Вып. 1] / Камбэ Ōити дзюцу 神戸應一述 // Тōкē̄ тигаку кē̄кай хōкоку 東京地學協會報告 = Journal of the Tokio Geographical Society. 明治十五[1882]年十一月. 第四卷第六號. Токио, 明治十六[1883]年五月七日刊行. С. 1–33, 35–74, [1] л. вкл. (далее Камбэ 1883б). С. 16, 54, 56, 59; Кайсанъи кибун: Дайсанкай 海參崴紀聞第三回 [Записи услышанного о Владивостоке. Вып. 3] = Notes on Vladivostoc / Камбэ Ōити сики 神戸應一識 // Тōкē̄ тигаку кē̄кай хōкоку 東京地學協會報告 = Journal of the Tokio Geographical Society. 明治十六[1883]年十月. 第五卷第四號. Токио, 明治十六[1883]年十二月十九日[刊行]. С. 29–66, 81 (далее Камбэ 1883е). С. 63 соответственно. Для газетного варианта: Кайсанъи кибун 海參威記聞 [Записи услышанного о Владивостоке] / [Камбэ Ōити дзюцу 神戸應一述] // Тōкē̄ Нитинити симбун 東京日日新聞. № 3134. 26.05.1882. С. 4b–d; № 3135. 27.05.1882. С. 4d; № 3136. 29.05.1882. С. 4c–d; № 3137. 30.05.1882. С. 4d; № 3138. 31.05.1882. С. 4c–d; № 3139. 01.06.1882. С. 4b–c; № 3140. 02.06.1882. С. 4c–d; № 3141. 03.06.1882. С. 4c–d; № 3142. 05.06.1882. С. 4c–d; № 3143. 06.06.1882. С. 4b–d; № 3144. 07.06.1882. С. 4b–d; № 3146. 09.06.1882. С. 4c–d; № 3147. 10.06.1882. С. 4c–d; № 3148. 12.06.1882. С. 4b–d; № 3149. 13.06.1882. С. 4c–d; № 3150. 14.06.1882. С. 4c–d; № 3151. 15.06.1882. С. 4c–d; № 3152. 16.06.1882. С. 4c–d; № 3153. 17.06.1882. С. 4c–d; № 3154. 19.06.1882. С. 4b–d; № 3155. 20.06.1882. С. 4c–d (далее Камбэ 1882), № 3134. С. 4c и № 3140. С. 4d; № 3149. С. 4c соответственно.

[10] Примечательно, что отчёт начинается с этих сведений. См.: Камбэ 1883a. С. 5; Камбэ 1882, № 3134. С. 4c; Kambe 1882. P. 684.

[11] Заметим, что в китайских источниках название этого парохода передается фонетико-иероглифически как 亞平 (кант. Аапин; кит. Япин; яп. Ахэй) и 阿平 (кант. Аапин; кит. Апин; яп. Ахэй). См.: *Лю Гуанцзин* 刘广京. Ин-Мэй ханъюнь шили цзай Хуа ды цзинчжэн: 1862–1874 英美航运势力在华的竞争: 1862–1874 [Соперничество английских и американских сил в отношении водного транспорта в Китае: 1862–1874] / Цю Сихэн, Цао Тешань и 邱锡鑅, 曹铁珊译 [пер. Цю Сихэн, Цао Тешань]. Шанхай 上海: Шанхай шэхуй кэсюэюань чубаньшэ 上海社会科学院出版社, 1988. С. 93; Шанхай цзиньдай цзинцзи ши上海近代经济史 [Экономическая история Шанхая нового времени]. Ди и цзюань 第一卷: 1843–1894 [Т. 1: 1843–1894]. Шанхай 上海: Шанхай жэньминь чубаньшэ 上海人民出版社, 1994. С. 194; Чжунго цзиньдай ханьюнь ши цзыляо 中国近代航运史资料 [Материалы по истории водного транспорта Китая нового времени]. Ди и цзи 第1辑: 1840–1895 [Т. 1: 1840–1895] / Не Баочжан бянь 聂宝璋编 [ред. Не Баочжан]. Шанхай 上海: Шанхай жэньминь чубаньшэ 上海人民出版社, 1983. С. 487.

[12] В настоящей статье мы даём названия компаний в переводе с оригинальным названием в скобках, поскольку русская транслитерация слишком усложняет их восприятие (ср., например, «Уильям Денни энд бразерс лимитед»).

[13] См.: *Liu Kwang-Ching* [Liú Guǎngjīng 劉廣京]. Anglo-American Steamship Rivalry in China: 1862–1874. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1962. (Harvard East Asian Studies; 8). P. 81.

[14] Данные приводятся по ежегодному «Регистру Ллойда британского и иностранного судоходства» (Lloyd's Register of British and Foreign Shipping), начиная с издания 1883 г. Ссылки приводятся в соответствующих примечаниях далее. Размеры, тоннаж и другие регистрационные технические данные парохода см. там же.

[15] *Watson W.J.* The History of the Celtic Place-names of Scotland, being the Rhind lectures on archaeology (expanded) delivered in 1916. Edinburgh; London: William Blackwood & Sons Ltd., 1926. P. 124.

[16] Дзя̄дэн Мадзэсон ю̄гэнгайся: Соно энкаку кико̄ нарабини дзигё̄ ジヤーデンマゼソン有限會社: 其ノ沿革・機構並ニ事業 [Джардин, Мэтисон Лтд: история, организация, и деятельность]. [Шанхай 上海]: Дзай Сянхай Дайнихон тэйкоку тайсикан дзимусё 在上海大日本帝國大使館事務所, 昭和十七年 [1942]. (興亞華中資料; 第449號). (中調聯商資料; 第77號). URL: https://www.jacar.archives.go.jp/das/image/B10070229900. С. 10, 19.

[17] Также известно в романизации с кантонского диалекта как "Ewo" ("Ewo & Co."). Заметим, что кантонское чтение бинома 怡和 (букв. "радость и согласие; дружба и гармония") в романизации по системе ютпхин записывается как "jiwo" (здесь "j" произносится как англ. "y"), в русской практической транскрипции — как "иво". Изначально так назывался крупнейший торговый дом (*хонг* 行) в Кантоне, принадлежавший Хокуа (浩官; У Бинцзянь 伍秉鑑; 1769–1843), богатейшему предпринимателю того времени. После его смерти принято компанией «Джардин, Мэтисон и К°» в качестве своего китайского названия. См.: Дзя̄дэн…. С. 22.

[18] *Liu* 1962. P. 81.

[19] Там же. P. 82; 139-141.

[20] См.: Bill of sale of the 'Appin', 1873, GBR/0012/MS JM/F4/59. Jardine Matheson Archive, GBR/0012/MS JM. Cambridge University Library.

[21] См.: Bill of sale of the 'Appin', 1875, GBR/0012/MS JM/F4/66. Jardine Matheson Archive, GBR/0012/MS JM. Cambridge University Library.

[22] *Liu* 1962. P. 81-82; 141.

[23] Дзя̄дэн…. С. 18-19.

[24] Сведения приводятся по *Liu Kwang–Ching* [*Liú Guǎngjīng* 劉廣京]. British–Chinese Steamship Rivalry in China, 1873–85 // The Economic Development of China and Japan: Studies in Economic History and Political Economy / Edited by C.D. Cowan. London: George Allen & Unwin Ltd, 1964. P. 49–78. (Studies on Modern Asia and Africa / School of Oriental and African Studies; No. 4), 65, однако эти два судна не указаны в данных, относящихся к периоду первого года работы компании The Indo-China Steam Navigation Company, Limited. Part I // Vanity Fair: a Weekly Show of Political, Social & Literary Wares. Volume XXX. Sept. 8, 1883. P. 129=130 (далее ICSNC 1883a). P. 130. Возможно, что их передача случилась позднее.

[25] *Liu* 1964, 65; ICSNC 1883a; The Indo-China Steam Navigation Company, Limited. Part II // Vanity Fair: a Weekly Show of Political, Social & Literary Wares. Volume XXX. Sept. 15, 1883. P. 142–144 (далее ICSNC 1883b). P. 142–143.

[26] Дзя̄дэн…. С. 47.

[27] ICSNC 1883b, 142, 143; Indo-China Steam Navigation Co. (Limited). To the Editor of "Vanity Fair" : [A Letter from Chas. Pook] // Vanity Fair: a Weekly Show of Political, Social & Literary Wares. Volume XXX. Oct. 6, 1883. P. 184.

[28] URL: http://www.theshipslist.com/ships/lines/jardine.shtml (дата обращения 21.08.2023).

[29] Некоторые данные о нём можно почерпнуть из рекламного объявления принадлежавшего ему в Маниле продуктового магазина «El Luzon» (основан в 1863 г.; характерно, что купленный Ортисом пароход был переименован также в «Luzon»), см.: Commercial Directory of Manila. [Manila]: [s. n.], 1901. P. XXXIV.

[30] Lloyd's Register 1882: C, № 1088; Suppl. L, № 55. При ссылках на «Регистр Ллойда» мы указываем год издания, а не период актуальности данных, длившийся обычно с 1-го июля года издания по 30-е июня следующего года, что обозначалось на титульном листе. Так, регистр, изданный в 1882 г., содержит данные для периода с 1-го июля 1882 г. по 30 июня 1883 г.

[31] Lloyd's Register 1883: A, № 893.

[32] В англоязычных источниках записывается как Compania Naviera de Filipinas; прав. исп. Compañía Naviera de Filipinas, Cía Naviera de Filipinas.

[33] Lloyd's Register 1884: A, № 910; Suppl. B, № 41; L, № 829.

[34] «Регистр Ллойда британского и иностранного судоходства: Универсальный регистр» (Lloyd's Register of British and Foreign Shipping: Universal Register) издавался параллельно с «Регистром Ллойда британского и иностранного судоходства», однако его период актуальности данных был иным: с 1-го апреля года издания по 31-е марта следующего года.

[35] См. о ней в 1885 г.: The Chronicle & Directory for China, Corea, Japan, the Philippines, Cochin China, Annam, Tonquin, Siam, Borneo, Straits Settlements, Malay States, &c. (with which is incorporated "The China Directory") for the year 1885. Hongkong: Printed and published at the "Daily Press" office, [1885]. P. 539.

[36] Universal Register 1886: B, № 311; V, № 255; Lloyd's Register 1885: B, № 477; 1886: B, № 478.

[37] The Chronicle…. P. 536.

[38] См. о нём: *Chu R.T.* Chinese and Chinese Mestizos of Manila: Family, Identity, and Culture, 1860s–1930s. Leiden; Boston: Brill, 2010. (Chinese Overseas: History, Literature, and Society; Vol. 1). P. 260-264.

[39] Universal Register 1887: V, № 267; 1888: V, № 267; V, № 274; Lloyd's Register 1887: V, № 281; 1888: V, № 249; 1889: V, № 244; 1890: V, № 268; 1891: N, № 425; V, № 287; 1892: N, № 434; V, № 302; 1893: N, № 449; V, № 306; 1894: N, № 450.

[40] В англоязычных источниках записывается как Compania Maritima; прав. исп. Compañía Marítima, сокр. Cía Marítima. См. о ней: Commercial…. P. VIII–IX.

[41] Lloyd's Register 1895: N, № 462; 1896: N, № 483; 1897: N, № 489; 1898: N, № 505; 1899: N, № 539; 1900: N, № 558; 1901: N, № 589; 1902: N, № 608; 1903: N, № 620; 1904: N, № 647; 1905: N, № 660; 1906: N, № 684.

[42] Destruction of shipping and dock property at Hongkong // The Far Eastern Review: Commerce, engineering, finance. Vol. III. No. 5. October, 1906. C. 150-151, 165, 151, 165; The Hongkong Typhoon // The Japan Weekly Mail: A Review of Japanese Commerce, Politics, Literature and Art (Yokohama). Vol. XLV. No. 14. Oct. 6th, 1906. P. 477. В последнем источнике название парохода ошибочно приводится как H. S. de Rozario.

[43] Lloyd's Register 1907: N, № 704.

[44] *Камбэ* 1883a. С. 18; *Камбэ* 1882, № 3140. С. 4d; *Kambe* 1882. P. 748.

[45] *Скальковский К.* Русская торговля в Тихом океане. Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии. С.-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1883. С. 450.

[46] Краткая история парохода «Dragon» такова. В 1867 г. построен компанией «Хендерсон, Коулборн и К°» (Henderson, Coulborn & Co.) в Ренфру (Шотландия) для Э.М. де Буше (Edward Münster de Bussche), Лондон. В 1869 г. продан группе китайских коммерсантов в Чифу (Яньтай) и Тяньцзине за 85 000 долларов, номинальный владелец «Дж. Холмс и К°» (J. Holmes &. Co.). Передан ими под управление компании «Джардин, Мэтисон и К°». В 1872 г. передан «Китайской береговой пароходной компании» – дочерней компании, созданной «Джардин, Мэтисон и К°». В 1875 г. продан М.К. Адамсу, Шанхай. В январе 1880 г. продан компании Ю̄бин кисэн мицубиси кайся (郵便汽船三菱会社), Токио, и переименован в «Matsumaye Maru» (яп. *Мацумаэ мару* 松前丸). 1 октября 1885 г. передан компании Ниппон Ю̄сэн кабусики гайся (日本郵船株式会社 = Nippon Yusen Kaisha), Токио. В 1899 г. продан Ёсида Сабурō̄эмон (吉田三郎右衛門), Хакодатэ. 26 апреля 1905 г. унич-

тожен пожаром у острова Хэгурадзима (舳倉島), см.: Ниппон Юсэн сэмпаку хяку–нэнси 日本郵船船舶100年史 = A 100 years' history of the ships of Nippon Yusen Kaisha / Кидзу Сигэтоси хэн 木津重俊 編. Токио 東京: Кайдзинся 海人社, 1984年9月15日発行. (Сэкай но кансэн 世界の艦船 = Ships of the World; 別冊) 48, № 23. О рейсах "Dragon" во Владивосток в 1876–1877 гг. см. также: *Хисамутдинов А.А*. Владивостокъ. Этюды к истории старого города. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1992. С. 111. Мы не приводим столь подробную информацию обо всех кораблях, упоминаемых в статье, поскольку это практически всегда потребовало бы специального исследования и обширного привлечения литературы, что сильно увеличило бы объем статьи, а также увело бы нас далеко от заявленной темы.

[47] [*Даттан А.В*.]. Исторический очерк развития Приамурской торговли. Москва: Типография Т.И. Гаген, 1897. С. 21; *Алепко А.В*. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. – 1917 г.). Хабаровск: [б. и.], 2001. С. 145.

[48] Яп. *Вауэрурӣ* ワウエルリー (в газетной версии отчета ошибочно *Ваувэрукӯ* ワウエルクー; в английском переводе так же ошибочно восстановлено как «Warwick») см.: *Камбэ* 1883б, 16; *Камбэ* 1882, № 3149, 4с; *Kambe* 1882, 811]. Правильное название установлено нами. Пароход «Waverley» (рег. № 55134) был построен в 1868 г. судостроителями «Блэквуд и Гордон» (Blackwood & Gordon) в Порт-Глазго, Шотландия. Принадлежал в то время компании «Моррис и К°» (Morris and Co.) в Шанхае, капитаном был Дж. Стаут (J. Stout). Lloyd's Register 1881: W, № 151; 1882: W, № 130.

[49] См.: *Камбэ* 1883б. С. 16; *Камбэ* 1882, № 3149. С. 4с; *Kambe* 1882. P. 811. Заметим, что 12 декабря 1881 г. М.К. Адамс скоропостижно скончался на борту этого парохода во время перехода из Владивостока в Хакодатэ, см.: Death : [A Death Notice of Matthew Catlin Adams] // The Japan Weekly Mail: A Weekly Review of Japanese Commerce, Politics, Literature and Art (Yokohama). Vol. V, No. 51. December 24th, 1881. P. 1481 (в газете пароход назван «Waverly»). Его преемником стала жена М.Л. Адамс (Mary Lee Adams), управлявшая компанией с помощью сына М.К. Адамса-младшего (Matthew Catlin Adams, Junior; 1874–1937). В 1896 г. компания была ликвидирована. Камбэ упоминает в своем отчете смерть Адамса «в конце этого месяца» (декабря), но без указания, что она произошла на борту «Waverley». *Камбэ* 1883б. С. 18; *Камбэ* 1882, № 3150. С. 4с; *Kambe* 1882. P. 811.

[50] *Камбэ* 1883а. С. 14-17; *Камбэ* 1882, № 3139. С. 4b–c; № 3140. С. 4с; *Kambe* 1882. P. 747-748.

[51] Яп. *Бураккухōру* ブラックホール (в газетной версии отчёта ブラツクホール, что можно ошибочно прочитать как *Бурацукухōру*; в английском переводе ошибочно восстановлено как «Blackwall»). *Камбэ* 1883а. С. 18; *Камбэ* 1882, № 3140. С. 4d; *Kambe* 1882. С. 748]. Правильное название установлено нами. Пароход «Blackhalls» (рег. № 81516) был построен в 1880 г. компанией «Уильям Грей и К°» (William Gray and Co.) в Западном Хартлпуле, Великобритания. Принадлежал компании «Р. Ропнер и К°» Lloyd's Register 1881: B, № 522.

[52] *Камбэ* 1883а. С. 18; *Камбэ* 1882, № 3140. С. 4d; *Kambe* 1882. P. 748.

[53] Из них в качестве источника мы выбрали только одну, специализированную "Lloyd's List", поскольку остальные приводят те же самые сведения в разной комбинации.

[54] Foreign // Lloyd's List and Commercial Daily Chronicle (London). No. 20947. June 17, 1881. P. 11, Col. 28.

[55] [*Vernon Russell H*.] The China Coast Signal Book, being an addenda to Marryat's–the Universal–Code: for the use of vessels trading on the coasts of China and Japan, with flags arranged both for the commercial & universal signals. Shanghai: 'North-China Herald' Office, 1873; Correspondence: Steam-whistle Signals; Whistle Signals // The Nautical Magazine: A Journal of Papers on Subjects Connected with Maritime Affairs. New Series. Volume XLIII. No. 3. March, 1874. P. 248-251; No. 8. August, 1874. P. 684.

[56] Admiralty Surveys, 1880 // The British Merchant Service Journal, for 1881. A Monthly Publication, Devoted to the Interest of the Service. Conducted by the Committee of the Shipmasters' Society, London. Vol. III, No. VIII. August, 1881. P. 399–404, 403.

[57] *Чехов А.П*. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. Т. 14-15: Из Сибири. Остров Сахалин. 1890–1895. Москва: Наука, 1987. С. 183, 842, 890.

[58] Остров Сахалин. [Несколько интересных сведений относительно Маука Коув (Maucka Cove)…] // Кронштадтский вестник: Морская газета. Год двадцатый. 26 Сент[ября] (8 Октября) 1880 г. № 112 (2874). С. 2; Geographical Notes: Saghalin Island // Proceedings of the Royal Geographi-

cal Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Series. Vol. II, 1880. No. 9 (September). P. 567–568. Источник текста для русского перевода (название журнала) указан также в конце газетной публикации.

[59] См., например: Notes of the Week // The Japan Weekly Mail: A Weekly Review of Japanese Commerce, Politics, Literature and Art (Yokohama). Vol. IV, No. 51. December 18, 1880. P. 1625–1630, 1630; *Keane A.H*. Asia. With Ethnological Appendix / Edited by Sir Richard Temple. Maps and Illustrations. London: Edward Stanford, 1882. (Stanford's Compendium of Geography and Travel for General Reading based on Hellwald's 'Die Erde und ihre Völker' / Translated by A. H. Keane, M.A.I.), 468; *Reclus É*. The Universal Geography: The Earth and its Inhabitants. Vol. VI. Asiatic Russia / Edited By A.H. Keane. London: J.S. Virtue & Co., Limited, [1882?]. P. 458 (параграф отсутствует во французской версии книги); Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных. А.М. Никольского. Читано в заседании Физико–Математического Отделения 4–го Октября 1888 г. Приложение к LX-му тому Записок Импер. Академии Наук. № 5. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1889. С. 55.

[60] List of members (July 1881) // Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. 1880. New Series, No. XV. P. IV–VII, VI.

[61] Кроме этого им были представлены образцы морской флоры и фауны из Шанхая и с реки Янцзы, а также из бухты Маука, Сахалина, Владивостока, реки Амур и других мест. В списке поступлений в музей за 1879-1880 гг. указано, что от Андерсона были приняты в дар птицы (коричная цапля, серый кулик, кроншнеп, сапсан, касатка, орлан-белохвост, обыкновенный гоголь), водоросли (в бутылках), маленькая рыбка, змеи, морские звезды, образец смолы лиственницы, съедобная морская водоросль, папоротник с семенами, прибрежный песок, галька и обломки пород [Jansen D.C. Shanghai Museum. Report of the curator for the year 1880 // Journal of the North–China Branch of the Royal Asiatic Society. 1880. New Series, No. XV. P. XXII–XLIII, XXIII, XXVI, XXVII, XXIX, XXX, XXXI–XXXII.

[62] См.: Bulletin mensuel de l'Observatoire magnétique et météorologique de Zi–ka–wei, près Chang–hai, (Chine) fondé et dirigé par les missionnaires de la Compagnie de Jésus. Tome VI: Année 1880. Zi–ka–wei: Typographie de la Mission Catholique, À l'Orphelinat de Tou–sè–wè, 1880, 77 (Mai, № 69), 131 (Août, № 72), 150, 151 (Septembre, № 73), 175 (Octobre, № 74); Bulletin mensuel de l'Observatoire magnétique et météorologique de Zi–ka–wei, près Chang–hai, (Chine) fondé et dirigé par les missionnaires de la Compagnie de Jésus. Tome VII: Année 1881. Zi–ka–wei: Typographie de la Mission Catholique, À l'Orphelinat de Tou–sè–wè, 1881. P. 1 (Janvier, № 77). P. 172 (Novembre, № 87).

[63] *Камбэ* 1883a. С. 18; *Камбэ* 1882, № 3140. С. 4d; *Kambe* 1882. P. 748.

[64] Также был известен как Уюзут (52°49′11.7″ с. ш. 141°12′02.2″ в. д.). Странная транскрипция Ujusut, приводимая в английском тексте, косвенно указывает на изначально немецкий навигационный материал, которым, возможно, пользовались английские суда для прохода в том районе, см. «Руководство для плавания Татарским или Сахалинским проливом и устьем реки Амура» (СПб., 1865) С.П. Самохвалова в немецком переводе Anleitung zur Befahrung der Tatar- oder Sachalin-Strasse, wie des Amur Limans. Auf Veranlassung des Hydrographischen Departements zusammengestellt vom Stabscapitain S.P. Samochwalow, aus dem Russischen übersetzt, mit einer Uebersichtskarte vom Seeufer des Amurgebietes, einer Seekarte über die Richtungszeichen im Liman, verschiedenen Ansichten der bemerkbarsten Uferpunkte, sowie mit einigen nachträglichen Mittheilungen über Strandungsfälle und deren Ursachen versehen, herausgegeben von H.J. Pallisen, 1ter Gilde Kaufmann in St. Petersburg. St. Petersburg. Oktober 1870. Zweite verbesserte und vermehrte Auflage. Hamburg: L. Friederichsen & Co. Land- und Seekarten-Handlung, 1871. S. 77, 92, 94, Seekarte vom Amur-Liman 1870, ср.: Ueber die Fahrt nach dem Amur // Hansa: Zeitschrift für Seewesen. Organ der Deutschen Gesellschaft zur Rettung Schiffbrüchiger (Hamburg). IV. Jahrg. 10. November 1867. No. 101. S. 816-818; 24. Novemeber 1867. No. 102. S. 821-823, 821; Correspondence: To the Editor of the Nautical Magazine: [A Letter from G.L. Hummel, Commander of the Russian s. s. Alexander] // The Nautical Magazine: A Journal of Papers on Subjects Connected with Maritime Affairs. New Series. Volume XLIII. No. 4. April, 1874. P. 336-342, 339; Segelanweisung für die Tartarische Meerenge und für die Amur-Mündung. Bemerkungen über das Klima von Sachalin und der Amur-Mündung // Annalen der Hydrographie und Maritimen Meteorologie. Herausgegeben von der Kaiserlichen Admiralität. Vierter Jahrgang 1876. Berlin: Gedruckt und in Kommission bei E, S. Mittler und Sohn, [1876]. S. 73-82, 78; Ost-Asien // Hydrografische Nachrichten (Pola) / Herausgegeben vom Hydrografischen Amte S.M. Kriegs-Marine, Seekarten-Depot.

1877. Nr. 9. S. 1-10, 7; Lose Blätter. Ein Handbuch für Schiffahrttreibende. Zweite umgearbeitete und vermehrte Auflage. Erste Abtheilung: Die wichtigsten Seehäfen der Erde, nach ihren hydrographischen, nautischen und commerciellen Beziehungen. Erster Band. Asien, Australien, Südamerika und West-Indien. Mit sechs Karten / Herausgegeben J.C. Jülfs, F. Balleer. Oldenburg: Schulzesche Buchhandlung. (C. Berndt & A. Schwartz), 1870. S. 130-131.

[65] Foreign // Lloyd's List and Commercial Daily Chronicle (London). No. 21005. August 24, 1881. P. 10, Col. 33; No. 21006. August 25, 1881. P. 10, Col. 30. Лондонская «Таймс» сообщила 25 августа, что пароход прибыл в Николаевск 22 августа, см: Latest Shipping Intelligence // The Times (London). 25 August 1881. No. 302782. P. 10. Хотя это и может следовать из телеграммы из Николаевска, но всё же дата прибытия там не обозначена.

[66] Статья может служить и наглядной иллюстрацией к нашему выводу, приведённому в заключении к исследованию отчёта Камбэ в связи с повторным вводом этого источника в научный оборот: «перенасыщенный иностранными именами и названиями, записанными японской азбукой *катакана*, [его текст] чрезвычайно труден для правильного перевода – фактологической и документальной проверке по неяпонским источникам необходимо подвергнуть большинство, если не каждое из них». См.: *Бушмакин В.А.*, *Зайцев В.П.* «Записи услышанного о Владивостоке». Полагаем, что настоящее исследование вносит свой небольшой вклад и в решение этой задачи, представляя правильный перевод названий пароходов «Appin», «Waverley» и «Blackhalls» и идентифицируя судовладельца М.К. Адамса.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-60-66

А.Ш. Кадырбаев

СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КИТАЕ

Российские военные моряки ещё до Первой мировой войны вели разведывательную деятельность в Китае по отношению к потенциальному противнику в будущей войне – Германской империи, имевшей сферу влияния и военно-морскую базу Циндао на территории этой страны в местности Шаньдун. Так, в апреле 1903 года лейтенант российского крейсера «Аскольд» Л.К. Теше подготовил краткий очерк развития немецкой колонии в Киаучау с приложением карт Шаньдунского полуострова, находившегося под немецким контролем[1]. В мае того же года капитан 2 ранга, командир российского крейсера «Разбойник» А.А. Ливен отправил своему начальству рапорт о посещении Циндао[2], а его судовой врач Б.А. Гужевский составил описание военно-морской базы Германии в Циндао[3].

После начала первой мировой войны некоторые регионы Китая также стали ареной, пусть и кратковременных, но боевых действий, когда японские войска атаковали немецкую крепость и военно-морскую базу Циндао в Шаньдуне, о чём сообщает в своём донесении старший лейтенант Российского военно-морского флота В.В. Нилендер[4].

Ещё в апреле 1895 года российский император Николай II и германский император Вильгельм II затрагивали проблему раздела Китая между великими державами. В конце XIX века Германия присоединилась к империалистической борьбе за колониальные владения. Как и в случае с другими мировыми державами, немцы начали вмешиваться в местные дела Китая. После того как в 1897 году были убиты два немецких миссионера, Китай был вынужден в 1898 году передать Германии Цзяочжоу и прилегающие районы в Шаньдуне в аренду сроком на 99 лет. Затем немцы начали утверждать своё влияние на остальной территории провинции Шаньдун, построив город и порт Циндао. Порт стал главной базой Восточноазиатской эскадры ВМС Германии, которая контролировала также немецкие территории на Тихом океане, а именно Каролинские, Марианские и Маршалловы острова. Кроме того, Германия получила право на железнодорожное строительство в провинции Шаньдун, а в 1899 году Германия совместно с Великобританией получила право на строительство дороги Тяньцзинь – Пукоу.

Китайское население Шаньдуна выступало против захвата их земель немцами. Одним из таких народных выступлений стало восстание под руководством тайного общества «Дадао». Против немецких миссионеров лютеранского толка христианства, сотрудничавших с немецкими властями китайских христиан и местных чиновников выступило до тысячи человек в пяти уездах на границах провинций Шаньдуна и Цзянсу. Через месяц это восстание было подавлено цинскими войсками[5].

Военно-стратегические позиции Германской империи в Китае особенно укрепились после подавления объединенными силами стран Запада – Германии, Великобритании, Франции, Австро-Венгрии, Италии, Северо-Американских Соединенных Штатов, а также России и Японии, – восстания ихэтуаней, или «боксёрского восстания» против иностранного господства в Китае в 1899-1900 годах, как его называли на Западе. Причем верховным главнокомандующим объединёнными силами союзников в Китае по подавлению «боксёрского восстания» был назначен немецкий фельдмаршал Адольф фон Вальдерзее, тот самый, который, напутствуя отправлявшиеся в Китай немецкие войска, в присутствии кайзера – германского императора Вильгельма II Гогенцоллерна сказал:

«Сделайте так, чтобы ещё 100 лет ни один китаец не смел косо взглянуть на немца».

Немецкие войска представляли заметную часть иностранных воинских контингентов, подавлявших восстание – 20 тысяч солдат и офицеров из 70-тысячной объединённой союзной армии интервентов восьми держав, что способствовало укреплению влияния Германии в Китае[6]. При этом немцы отличились особой жестокостью при подавлении восстания, с которой в этом отношении с ними могут соперничать японцы, через полтора десятилетия ставшие их противниками в Первую мировую войну.

Восстание «боксёров» побудило немецкую администрацию в Циндао более серьезно подумать об обороне Циндао. Порт и город были отделены от остальной части полуострова крутыми холмами. Естественная линия обороны проходила вдоль этих холмов, от Кайзерштуля до Лицунерских высот. Вторая линия обороны длиной 17 километров (11 миль) была построена вдоль более близкой линии крутых холмов. Последняя линия обороны была построена вдоль холмов на высоте 200 метров (660 футов) над городом. Перед осадой здесь была сооружена сеть траншей, батарей и других укреплений. Немцы также укрепили свою оборону с моря, заминировав подходы к гавани, а также построили четыре батареи и пять редутов. Укрепления были хорошо оборудованы (хотя в некоторых использовалась более старая китайская артиллерия) и хорошо укомплектованы.

К началу Первой мировой войны в 1914 году в Циндао дислоцировались союзные немецкие и австро-венгерские войска, командовал ими родившийся в Санкт-Петербурге капитан 1 ранга Германского императорского флота Альфред Мейер Вальдек (1864–1928), отец которого был немецким дипломатом в германском посольстве в Российской империи. В Циндао, на китайском берегу Жёлтого моря накануне Первой мировой войны базировалась крейсерская эскадра под командованием аристократа и известного адмирала Германской империи Максимилиана фон Шпее. Также известно в это время о дислокации ряда частей войск Австро-Венгерской империи – союзника Германии в столичной провинции Китая Чжили, которые затем передислоцировались в Циндао[7]. Там они несли службу в составе немецкого гарнизона в Циндао и приняли участие в боевых действиях на стороне немцев во время нападения японцев.

Военное присутствие Германии в Китае и у его берегов было представлено гарнизоном сухопутных войск в её главной военно-морской базе на Тихом океане – Циндао. В 1914 году, в начале первой мировой войны в ней насчитывалось до четырёх тысяч немецких и австро-венгерских солдат и офицеров. Кроме того, гарнизон дополнялся также силами Германского военно-морского флота в этом районе, его флотскими экипажами численностью в несколько тысяч военных моряков и нескольки десятками боевых кораблей[8]. Когда японцы приблизились к немецким позициям в Шаньдуне, немецкий командующий отвёл свои войска с двух внешних оборонительных рубежей и сосредоточил все силы на самой внутренней линии обороны, вдоль ближайших к городу холмов.

Но после начала Германией войны в Европе, когда она внезапно и вероломно напала на нейтральную Бельгию, чтобы по её территории обойти укрепления на немецко-французской границе и захватить Париж, таким образом заставив капитулировать Францию, крепость Циндао оказалась окружённой со всех сторон силами Антанты.

Однако немецкий блицкриг не удался, а Германия сама оказалась отрезанной расстояниями и военно-морскими флотами противоборствующего с ней военно-политического блока стран Антанты от своих заморских колоний и сфер влияния. Таковой была провинция Шаньдун с городом Цзяочжоу и военно-морской базой Циндао, что лишало эти территории без поддержки метрополии возможности успешно отразить атаки войск стран Антанты. Их союзником была Япония, которая отомстила Германии за ультиматум, когда после победы над Китаем в 1895 году японцы вынуждены были оставить Ляодунский полуостров, захваченный тогда ими у Китая, из-за демарша трёх великих держав – Германии, России и Франции.

После начала Первой мировой войны в начале августа 1914 года Великобритания

обратилась за помощью к Японии. В соответствии с условиями англо-японского альянса японское правительство в войне встало на сторону Великобритании. 15 августа Япония предъявила ультиматум Германии, заявив, что Германия должна вывести свои военные корабли из китайских и японских вод и передать Японии контроль над Циндао. На следующий день генерал-майору Мицуоми Камио, командующему 18-й пехотной дивизией, было приказано начать подготовку к вторжению в Циндао. 18-я пехотная дивизия была основным формированием японской армии, принимавшим участие в первоначальной высадке на территорию немецкой колонии, численностью около 23 000 солдат при поддержке 142 артиллерийских орудий. Высадка началась 2 сентября в Лункоу, в провинции Шаньдун, который в то время переживал сильные наводнения, а позже, 18 сентября, японцы высадились в заливе Лаошань, примерно в 29 километрах (18 миль) к востоку от Циндао. Китай выразил протест против нарушения Японией своего нейтралитета, но в боевые действия не вмешивался.

Британское правительство и другие великие европейские державы были обеспокоены намерениями Японии в регионе и решили направить небольшой символический британский контингент из Тяньцзиня в попытке развеять свои опасения. Контингентом численностью 1 500 человек (им командовал бригадный генерал Натаниэль Уолтер Барнардистон) состоял из 1 000 солдат 2-го батальона пограничников Южного Уэльса; позже за ними последовали 500 солдат 36-го полка индийских сикхов. При этом предложение Франции и России об участии в захвате Циндао было отклонено японцами. Когда 23 августа истёк срок ультиматума, Япония объявила войну Германии. В Восточной Азии кайзер Вильгельм II сделал оборону Циндао главным приоритетом, заявив, что «...мне было бы больше стыдно сдать Циндао японцам, чем Берлин русским»(?).

Немецкий гарнизон Циндао состоял из морской пехоты общей численностью 3 625 человек, а также из скромного набора боевых кораблей, включавшего торпедный катер *S-90*, четыре канонерские лодки: «Iltis», «Jaguar», «Tiger» и «Luchs» – и австро-венгерский крейсер «Kaiserin Elisabeth», экипаж которого изначально управлял кораблем, а позже также сражался с японцами на суше в составе сухопутных войск Германии.

Австро-венгерский крейсер «Kaiserin Elisabeth» в начале войны находился в Циндао. 2 сентября 1914 года немецкая канонерская лодка «Ягуар» потопила севший на мель японский эсминец «Сиротай»». 5 сентября японский самолёт-разведчик обследовал порт и сообщил, что немецкий флот покинул его. На следующий день произошло первое в истории воздушно-морское сражение, когда японский гидросамолет безуспешно атаковал бомбами «Кайзерин Элизабет» и «Ягуар» в заливе Цязочжоу. В начале осады «Кайзерин Элизабет» и немецкая канонерская лодка «Ягуар» совершили неудачную вылазку против японских судов, блокировавших Циндао. Позже 15-см и 4,7-см орудия крейсера были сняты с корабля и установлены на берегу, создав «Batterie Elisabeth». Команда корабля принимала участие в обороне Циндао. 13 сентября наступающие японские сухопутные войска предприняли кавалерийский налёт на немецкий арьергард в Цимо, когда немцы сдали позиции и отступили. Впоследствии японцы взяли под контроль Киаучжоу и железную дорогу Сантунг. Генерал Камио посчитал это точкой невозврата для своих сухопутных войск, и, поскольку погода стала чрезвычайно суровой, он не стал рисковать, укрепил войска в городе и, вернув ещё не прибывшее подкрепление, снова высадился в заливе Лау Шан.

17 октября 1914 года немецкий торпедный катер *S-90* вышел из гавани Циндао и выпустил единственную торпеду, которая потопила японский крейсер «Такачихо», когда погибли 271 офицер и матрос – члены его экипажа. *S-90*, однако, не смог прорвать блокаду Циндао и был затоплен в китайских водах, когда на корабле закончилось топливо.

Японцы начали обстрел форта и города 31 октября и стали рыть параллельные линии траншей, точно так же, как они делали при осаде Порт-Артура девятью годами ранее. Большие 11-дюймовые гаубицы с суши, в дополнение к стрельбе с японских боевых

кораблей, подвергали немецкую оборону постоянным бомбардировкам в течение ночи. Японцы продвигали свои собственные траншеи вперёд под прикрытием своей артиллерии. Бомбардировка продолжалась семь дней, с японской стороны было задействовано около 100 осадных орудий с 1 200 снарядами при каждом. Хотя немцы смогли использовать тяжёлые орудия портовых укреплений для атаки позиций союзников на суше, вскоре у них закончились боеприпасы.

Во время осады Циндао немцы смогли выставить только один самолет, которым управлял лейтенант Гюнтер Плюшов (второй самолёт, которым управлял лейтенант Фридрих Мюллерсковски, разбился). Уцелевший самолёт использовался в основном для частых разведывательных полетов, но Плюшов также совершил несколько нападений на корабли японской эскадры, сбрасывая на них самодельные бомбы. Он заявил о том, что сбил японский гидросамолёта «Farman MF 7». Плюшов вылетел из Циндао 6 ноября 1914 года, накануне сдачи крепости, с последними депешами губернатора, которые были отправлены в Берлин по нейтральным дипломатическим каналам. После посадки он сжёг свой самолёт.

В начале боевых действий более крупные подразделения германской Восточноазиатской эскадры под командованием вице-адмирала Максимилиана фон Шпее были рассредоточены в колониях центральной части Тихого океана для выполнения рутинных заданий. Корабли встретились на северных Марианских островах для заготовки угля и, за исключением SMS «Эмден», который направился в Индийский океан, повернули к западному побережью Южной Америки. Там эскадра уничтожила эскадру британского Королевского военно-морского флота в битве при Коронеле, прежде чем сама была уничтожена в битве за Фолклендские острова.

Японская военно-морская эскадра в составе современных по тому времени боевых кораблей – дредноутов «Кавачи» и «Сэтцу», линейных крейсеров «Конго» и «Хиэй» с авианосцем гидросамолётов «Вакамия», самолёт которого стал первым в своём роде в мире, успешно атаковавшим наземные и морские цели, под командованием адмирала Садакичи Като блокировала Циндао. А затем вместе с подразделениями японской сухопутной армии начала против немецкой базы десантную операцию с участием вышеупомянутого небольшого контингента британских войск, которая происходила в четыре этапа. Этим и ограничилось участие Японии в боях Первой мировой войны на стороне Антанты[9], поскольку японское правительство отказало союзникам по Антанте в посылке своих войск на Западный фронт их войны с Германией. Дальнейшая помощь Антанте войсками Японии была эпизодической: они приняли участие в подавлении антибританского бунта индийских частей в Сингапуре 15 февраля 1915 года, а с апреля 1917 японская эскадра из 13 кораблей конвоировала британские транспорты в Средиземном море.

В ночь на 6 ноября волны японской пехоты атаковали третью линию обороны и сокрушили защитников Циндао. Потери японцев в ходе захвата Циндао составили 236 убитых и 1 282 раненых; у британцев – 12 убитых и 53 раненых. У немецких и австро-венгерских защитников было 199 убитых и 504 раненых. Учитывая, что немцы смогли продержаться почти два месяца в условиях тотальной англо-японской блокады с постоянными артиллерийскими обстрелами и численным превосходством 6:1, это поддерживало их моральный дух как во время осады, так и после поражения. После капитуляции побеждённые немцы наблюдали, как японцы маршировали в Циндао, но повернулись спиной к торжествующим британцам, когда те вошли в город. Погибших немцев похоронили в Циндао, в то время как оставшиеся из них в живых, где-то 4 700 человек, были перевезены в лагеря для военнопленных в Японии. Там к немецким пленным относились с уважением. 170 пленных предпочли остаться в Японии после закрытия лагерей для пленных, в которых они содержались.

Но после захвата Шаньдунского полуострова война для Японии не окончилась. К 14 октября японский военно-морской флот без боя захватил и германские владения на Тихом океане – Маршалловы, Марианские и Каролингские острова. Решение об этом

было принято после того, как возникла угроза их оккупации со стороны доминионов Британской империи – Австралии и Новой Зеландии. Интернирование немецких войск – бывших гарнизонов Циндао и тихоокеанских островов в Японии продолжалось до официального подписания Версальского мирного договора в 1919 году, но из-за технических проблем немецкие пленные не были репатриированы до 1920 года.

В ходе Первой мировой войны Япония наращивала поставки вооружений странам Антанты за выгодную ей плату, в том числе и России, которая несла основное бремя войны с Германией, держала Восточный российско-германский, а также российско-австро-венгерский фронт – от Балтики до Чёрного моря. Не говоря уже о Кавказском фронте, где русские войска сковали главные силы османской армии. 3 июля между Японией и Россией был подписан договор, предусматривавший неучастие в соглашениях и коалициях, если они будут направлены против одной из стран. Тайная часть договора шла ещё дальше; де-факто она объявляла Китай сферой преимущественных интересов Японии и России. Впрочем, достигнутые соглашения не удалось применить на практике из-за разразившейся в 1917 году Октябрьской революции в России. Интересно, что впервые в своей истории Россия и Япония стали союзниками, российские солдаты стреляли в немцев из японских винтовок японскими пулями и использовали лопаты и топоры японского производства.

Оккупировав Шаньдунский полуостров и тихоокеанские владения Германии, японцы предъявили Китаю «21 требование», закреплявшее «особые права» Японии – не только на Шаньдунском полуострове, но и в Южной Маньчжурии и во Внутренней Монголии. Между тем Япония находилась в состоянии войны с Германией, а не с Китаем, что ущемляло интересы её западных союзников по Антанте в Китае.

По окончании Первой мировой войны Японии удалось на Версальской конференции закрепить свои военные успехи юридически: она добилась права на владение Шаньдунским полуостровом, где разместила свои войска для охраны концессий, перешедших к ней от Германии, и получила мандат на управление бывшими германскими колониями в Тихом океане[10].

Как видно из материалов Российского государственного архива Военно-морского Флота, во время Первой мировой войны российские военные моряки отслеживали деятельность нелегальной германской и австрийской агентуры в Китае. Есть документы РГА ВМФ о германской шпионской организации «Гуань-вэй-туань», действовавшей в Китае, в том числе инструкции членам этой организации и список её участников, в частности, китайцев, которая патронировалась консульством Германии в Маньчжурии для диверсий на российских и японских железных дорогах[11]. Приводятся материалы о немецких фирмах в Гонконге и их ликвидации[12], о перевозке австрийских военных отрядов из столичной китайской провинции Чжили в Циндао накануне японского нападения[13], о раскрытии в Шанхае и Маньчжурии тайной немецкой организации. Там во французской концессии было обнаружено большое количество взрывчатки, предназначавшейся для подрыва мостов на железнодорожной линии в Маньчжурии, о чём свидетельствует рапорт командира российского крейсера «Орёл» капитана 1 ранга А.Н. Пелля военно-морскому министру Российской империи[14]. Кроме того, Циндао с городом Цзяочжоу – центром провинции Шаньдун также находились под наблюдением агентов спецслужб Российской империи, в это время являвшейся членом военно-политического блока Антанты[15].

Таким образом, в материалах РГА ВМФ, основанных преимущественно на донесениях российских военно-морских офицеров, служивших у берегов Китая на боевых кораблях тихоокеанской эскадры и в аппарате российского посольства в Пекине, отражены события на Дальнем Востоке и Тихом океане, в том числе в Китае, как накануне и во время Первой мировой войны, так и в последующие за ней годы. Первая мировая война на территории Китая, несмотря на широкий размах приготовлений к ней немецкого военного гарнизона в Циндао и крейсерской эскадры боевых кораблей Германского императорско-

го флота на Тихом океане, привела немцев к поражению, при всех неудачных попытках Германии предотвратить захват Циндао японцами. Материалы РГА ВМФ этого периода заслуживают дополнительного анализа в системе оценок архивного востоковедения.

Примечания

[1] Краткий очерк развития немецкой колонии в Киаучау к началу 1903 г. с приложением карт Шангтунского полуострова, города Тзинтау и его окрестностей. Апрель 1903 г. Подготовлен лейтенантом Л.К. Теше // Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее РГА ВМФ). Ф. 467. Оп. 1. Д. 422. Л. 19–29. Подлинник.

[2] Выписка из рапорта командира крейсера II ранга «Разбойник» капитана 2 ранга князя А.А. Ливена о посещении порта Циндао, описание портовых сооружений, перспектив развития города. 23 мая 1903 г. // РГА ВМФ. Ф. 907. Оп. 1. Д. 145. Л. 41-41об. Копия.

[3] Описание Циндао: местное управление, рейды, условия для судоходства, строительство гавани; описание улиц (красивая набережная, есть гостиница); наличие в городе электроосвещения и водопровода; климат умеренный и здоровый, из болезней довольно часто встречается дизентерия; почва плодородная, возделывается пшеница, просо, ячмень и овощи; провиант хорошего качества и недорогой; торговый оборот небольшой. 1902-1903 гг. Подготовил судовой врач крейсера II ранга «Разбойник» Б.А. Гужевский // РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 982. Л. 33-34об. Подлинник.

[4] Описание крепости Циндао, осады крепости японскими войсками после вступления Японии в войну против Германии. Подготовлено старшим лейтенантом В.В. Нилендером. К описанию приложены карты и планы, вырезки из газет. 1914 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3906. Л.1-103. Подлинник.

[5] Сведения о посещении Шанхай-гуаня главнокомандующим международными сухопутными силами фельдмаршалом графом А. фон Вальдерзее, о работе комиссии из представителей всех наций по распределению военной добычи и результатах её работы (из рапорта командира эскадренного броненосца «Наварин» капитана 1 ранга Н.А. Беклемишева начальнику эскадры Тихого океана). Январь 1901 г. // РГА ВМФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 370. Л. 10об.-11. Подлинник.

[6] *Непомнин О.Е.* Раздел Китая на сферы влияния // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том VI. Династия Цин (1644–1911). М., 2014. С. 289, 292.

[7] Телеграмма поверенного в делах в г. Пекине о перевозке австрийских отрядов из Чжили в Циндао. 18 июля 1915 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 107. Л. 16. Копия.

[8] *Schultze-Jena K.* Der Kampf um Tsingtau, Abdruck eines Vortrags. Shanghai, 1914.

[9] *Исаков И.С.* Операции японцев против Циндао в 1914 году. СПб., 2002; *Smith, B.*, capt. The Siege of Tsing-Tau // Coast Artillery Journal (USA). 1934, Nov.-Dec.

[10] *Мещеряков А.Н.* Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2009. С. 50-53, 62-63.

[11] Материалы о германской шпионской организации «Гуань-вэй-туань», действовавшей в Китае, в т. ч. инструкции членам организации, учрежденной Германским консульством в Мукдене среди китайцев, для диверсий на русских и японских железных дорогах, нанесения прочего вреда; список членов организации. 12 марта 1915 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 48. Л. 3-11. Копия с копии; РГА ВМФ. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 301. Л. 12-15об. Копия с копии.

[12] РГА ВМФ. 13 декабря 1915 г. Описание правил входа в Гонконг (с планом фарватера); сведения о количестве в городе войск; визитах к официальным лицам; немецких фирмах в Гонконге и их ликвидации.

[13] РГА ВМФ. 18 июля 1915 г. Ф. 418. Оп. 1. Д. 107. Л. 16. Копия.

[14] О стоянке в Гонконге и мерах охраны местного порта. Раскрытие заговора в Шанхае, имевшего целью взорвать мосты на железнодорожной линии в Маньчжурии, а также о раскрытии там немецкой организации и обнаружении большого количества бомб во французской концессии (из рапорта командира крейсера «Орел» капитана 1 ранга А.Н. Пелля морскому министру) // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1138. Л. 121-122об. Подлинник.

[15] Об открытии порта Циндао для торгового мореплавания, приведены правила плавания судов (из донесения агента Министерства торговли и промышленности, состоящего при Российском посольстве в Токио и Российской миссии в Пекине в отдел торгового мореплавания). 1914 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 300. л. 211-211об.

Копия; Видовые фотографии города Цзяо-чжоу в 1898-1914 гг. – германской колонии в Китае, иностранных военных кораблей на рейде: «Minotaur» (Великобритания),«Tiger», «Gneisenau», «Scharnhorst» (Германия). 1914 г. // РГА ВМФ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 130. Л. 204.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-67-72

А.Е. Куланов, В.Э. Молодяков[1]

«ЯПОНСКИЙ ФАШИЗМ»: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ.

Окончание. Начало: «Восточный архив», 2024, №2 (50)

II. Р.Н. Ким. О фашизме в Японии

Об авторе: во время написания статьи Роман Николаевич Ким (1898 или 1899–1967), в феврале 1923 года окончивший японское отделение Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета, был принят туда же на работу в качестве преподавателя, но в мае 1923 года был откомандирован в Московский институт востоковедения в качестве преподавателя японского языка. Одновременно – с декабря 1922 года секретный сотрудник (псевдоним «Мартэн») Приморского ГПУ, затем центрального аппарата ОГПУ.

Печ. по: Новый Восток. 1923. №4. С. 416-421. В оглавлении: «Ким. Японский фашизм. Письмо из Японии».

[1] Приносим благодарность В.В. Лебедеву (Токио) за помощь в работе.

Элементы фашизма в Японии имелись налицо уже давно: в провинциях – широкая сеть «Организаций молодых людей» (Сэйнэндан)[1] и «Обществ военных людей» (Дзайго:гундзинкай) – организаций, насквозь пропитанных идеями казарменного патриотизма и верноподданничества; в городах – спецы по части дебошей – так наз[ываемые] «кокуси» и «ро:нин»[2], которые твердо считали себя патриотами самой высшей пробы.

Как только быстрый, почти стихийный рост рабочего движения после европейской войны начал тревожить стоящих у власти, взоры их первым долгом были обращены на упомянутых профессионал-патриотов. Щедрые субсидии и энергичная моральная поддержка со стороны полицейских властей сделали своё дело: в городах быстро оформились и начали свою «громокипящую» деятельность две организации – «Кокусуйкай» и «Минро:кай»[3], в духовном отношении вполне родственных итальянским fasci di combattimento. «Кокусуйкай» возникает в 1918 г., а в 1919 – «Минро:кай». Но в провинциях дело пошло не так успешно. Надежды, возлагавшиеся на «Сэйнэндан» и «Гундзинкай», начали тускнеть: первые постепенно стали терять свою ультра-патриотическую окраску и превращаться в самые безобидные, совершенно аполитичные объединения, а «Общества военных людей» под влиянием членов новой формации – демобилизованных, испытавших всю прелесть безработицы, начавшей свирепствовать после 1918 г., вернувшихся из Сибирской экспедиции – прониклись совершенно другим настроением.

Конечно, более или менее отчётливой аналогии между японским и итальянским фашизмом провести нельзя. У японских фашистов ещё нет видных, популярных лидеров, нет прочного объединения, согласованности действий и какой-либо программы (в последнем отношении они, правда, весьма близки к своим итальянским родственникам). Можно смело сказать, что японский фашизм ещё находится в первоначальной стадии развития, процесс его формирования продолжается, и пока что считать его грозной силой преждевременно.

Но, во всяком случае, деятельность японских фашистов протекает весьма оживлённо, причем на фоне всех их подвигов особенно чётко выделяется необычайно предупредительное, вернее, покровительственное к ним отношение со стороны полиции.

Все крупные «события», в которых героями являются японские фашисты, проходят для них «без всяких последствий», но зато объекты их манипуляций, избитые и окровавленные, почти всегда попадают в участок и подвергаются аккуратному и добросовестному допросу. В этом отношении весьма характерна история рабочего митинга, организованного 7 сентября 1922 г. в Киото, в здании «Дома общества молодых людей» (Сэйнэнкайкан). Туда явилось около двухсот «кокусуйкайцев», которые в середине митинга по знаку, данному их «центурионом», принялись избивать чем попало организаторов митинга, выступавших ораторов и всех присутствовавших. Вокруг здания стояло 150 полисменов для «наблюдения за порядком», но они, честь и слава их терпению, корректно простояли до конца всей потасовки. Когда экзекуция стала приходить к концу, полисмены приступили к водворению порядка: потащили в участок всех избитых до полусмерти рабочих – организаторов злополучного митинга.

«Отеческое» отношение полиции к фашистам настолько бросалось в глаза, что солидный демократический ежемесячник «Цю:о:ко:рон»[4] в начале этого года решил опубликовать ряд интервью с видными общественными деятелями по этому поводу. В этой анкете было приведено много интересных данных, говорящих о самом тесном контакте полицейских властей с «кокусуйкайцами», но в итоге всё сводилось к грациозным вздохам о «антиконституционных актах администрации» – дальше в своих выводах авторы не шли.

Фашисты связаны тесными узами не только с полицией. У фашистов есть свои высокопоставленные хозяева, которые дают им определённые директивы. Обычно к услугам фашистов прибегают при конфликтах с рабочими в тех случаях, когда рабочие выдвигают требования весьма скромные, ни с какой стороны не «крамольные» и ведут себя так, что нельзя натравить на них полицию или жандармерию. Тогда на сцену появляются фашисты, которые срывают собрания рабочих, пускают в ход все обычные приемы провокации и добиваются того, что в дело вмешиваются власти, следящие за порядком. Дальше всё идёт просто: вожаки арестовываются, рабочих запугивают, и конфликт разрешается вполне благополучно для кармана предпринимателя. Классическими примерами такой деятельности фашистов могут служить: срыв митинга рудокопов в Явата (Кю-сю:) в июле 1922 г., избиение деятелей Киотоского союза рабочих в сентябре 1922 г. и вмешательство в конфликт, возникший между окаямскими мелкими земледельцами и фирмой «Фудзитагуми» в начале 1923 г.[5]. Классовая природа фашистских подвигов так ясна, что никаких пояснений не требуется.

Мы сказали, что у японских фашистов еще нет ни одного видного вождя и какой-либо программы. Внутренняя организация и идеология фашистских легионов примитивна до крайности – в отношении культурности зулусы и ботокуды стоят весьма недалеко от наших героев. Но этот пробел – отсутствие вождей и программы – по-видимому, скоро будет заполнен. Ныне в этом направлении работа начата, и на пост «отца японского фашизма» многие прочат профессора Токийского императорского университета Уэсуги, который недавно принялся за идеологическое обосновывание японского фашистского движения. О нём ниже.

При обзоре японских фашистских организаций и их деятельности, прежде всего следует разделить все организации на две категории. К первой должны быть отнесены все организации пассивного характера, ограничивающиеся исключительно идейной пропагандой – конечно, не исключена возможность, что со временем эти организации вооружат своих членов и приступят к «непосредственным действиям», а ко второй – организации активные, полууголовные банды.

Начнем с первых.

Первым долгом необходимо назвать три объединения, во главе которых стоит профессор Уэсуги: «Кэйрин-гакумэй» («Ученый союз мудрого управления государством»)[6], «Синкоккасю:ги-до:мэй («Союз новогосударственников»)[7], «Айкокуто:» («Патриотическая партия»). Эти три объединения тесно соприкасаются друг с другом и пока что не могут похвастать большим количеством членов. Главным ядром этих организаций, по-видимому, являются студенты императорского

университета в Токио, – почитатели и беззаветные адепты профессора Уэсуги.

Из всех фашистских и полуфашистских объединений в Японии эти три, в особенности «Кэйрин-гакумэй», являются наиболее серьёзными и пока что наиболее безобидными. Главной целью этих трёх союзов является горячая пропаганда среди буржуазной молодёжи идей шовинизма и беспредельной верности «Сыну Неба», в противовес тем заморским «опасным веяниям», которые с каждым годом все больше и глубже захватывают интеллигентную и рабочую молодёжь.

Вся программа этих организаций заложена в писаниях профессора Уэсуги, например, в статье, помещённой им в этом году в журнале «Кайдз:о»[8]. Эта статья представляет собой компендиум всей идеологической программы профессора[9]. Остановимся на ней.

Первым долгом, автор самым решительным образом отмежевывается от итальянских фашистов. Он указывает, что итальянский фашизм явился в ответ на то, что рабочие массы Италии поддались пропаганде социалистов. В Японии же национально-патриотическое движение возникает само собой, просто потому, что все шестьдесят миллионов японцев горячо преданы дому микадо. «В нашей стране, – заявляет Уэсуги, – преданность императору и любовь к родине не является монополией тех, у кого есть капитал или видное место. Нет. У нас даже самый простой человек, не имеющий ни капитала, ни видного места – чем ниже он стоит, тем больше – чувствует преданность императору и любовь к родине».

Профессор весьма возмущается тем, что за последнее время в Японии появились «болезненные рабочие, которые поют на улицах революционные песни, ведут саботаж на фабриках». По авторитетному мнению профессора, «рабочий, который ничего не получил от своих родителей, кроме мускул и костей», должен только трудиться, проливать пот для государства. Вот его истинное назначение. А те, которые, «поддавшись пропаганде двух-трёх субъектов, шумят на улицах», глубоко заблуждаются и являются глубоко несчастными людьми.

Достоинство писаний профессора заключается в том, что они цинично откровенны, и без всяких фиговых листочков и вуалей высказывают все мечтания японских правящих групп: аристократов и плутократов. Особенно усердно Уэсуги подчеркивает то обстоятельство, что все японцы «друг другу – братья», и поэтому между ними должна существовать полная безоговорочная солидарность, не взирая на все имущественные и социальные различия. В голове профессора, разумеется, проносятся весьма идиллические картины, как, напр., какой-нибудь чахоточный рудокоп из копей Асио, проникшись идеями «всеяпонской солидарности», внезапно почувствует неизбывную любовь к своим «братьям», барону Мицуи[10] и виконту Сибудзава[11]…

Вся программная статья профессора – сплошное прославление дома микадо и великодержавной милитаристической Японии. Выводы статьи, являющиеся в то же время программными тезисами движения, возглавляемого профессором Уэсуги, таковы: необходимо профильтровать и оздоровить общественную мысль, создать общенациональное единение, содействовать расцвету милитаризма, примирить капитал с трудом и заставить их служить отечеству, завершить централизацию и реорганизовать правительство. Цели же движения заключаются в том, чтобы «продемонстрировать всему миру таланты и способности японского народа», «твердо сохранить истинный дух японской народности» и «открыть новую эпоху во всемирной истории». Цели, как мы видим, планетарные…

Профессор Уэсуги пользуется большой популярностью среди части буржуазной молодежи, сынков титулованных аристократов, генералов и финансовых магнатов. Как оратор он стяжал большую славу, и весьма известен случай, когда после одной его ультра-патриотической лекции по конституционному праву в императорском университете вся аудитория побежала на поле Тояма[12] и начала упражняться в ружейной стрельбе.

За последнее время вместе с профессором Уэсуги стал действовать неудавшийся социалист Такабатакэ – автор удручающе сумбурных статей на тему о том, что в Японии необходимо осуществить «государственный социализм», но так, чтобы на тропе был император. Непременно!

Вслед за организациями профессора Уэсуги следует поставить редакцию черносотенного журнала «Дайнихон» («Великая Япония»)[13]. К журналу весьма близко стоят такие лица, как виконт Хирата[14], доктор философии Нагасе[15], профессор О:руй[16] и множество видных торговопромышленников. Журнал гордится тем, что у него 2000 постоянных подписчиков, в числе которых сам микадо. Главной фигурой в этом объединении является некто Кавасима Сэйдзиро, который славится своими дифирамбами милитаризму и историческими изысканиями, по которым, как дважды два, выходит, что японская культура гораздо древнее не только китайской и индийской, но и египетской (!). Впрочем, пытливый ум г. Кавасима не ограничивается идеями милитаризма и историческими экскурсами. Недавно Кавасима написал книгу, посвящённую финансовым проблемам, в которой доказывает, что для устранения на всем свете пауперизма необходимо уничтожить… денежную эмиссию[17]. Кавасима перевёл свою книгу на европейские языки и послал экземпляры для отзыва Ленину, Ллойд-Джорджу, Гендерсону[18] и А. Тома[19]. О том, какие ответы получил автор, журнал скромно умалчивает.

Кроме группы журнала «Дайнихон», следует назвать небольшие патриотические общества: «Кокурю:кай» (образованное ещё до русско-японской войны)[20], «Тайгё:ся» (Ассоциация великого дела – объединение черносотенных журналистов)[21], недавно образовавшуюся «Секкабо:сидан» (Организация предохранения от коммунизма)[22], «Кю:сейдан»[23] (Организация спасения мира – с генералом О:секо[24] во главе) и «Тайкакай» (Общество эры Тайка)[25], во главе которого стоят известные чемпионы дзю:дзюцу, фехтования и бокса.

Есть ещё ряд мелких объединений, но они сейчас никакой роли не играют и в будущем, вероятно, будут инкорпорированы другими, более крупными.

Перейдём к группе организаций, активно действующих. Здесь нам придётся упомянуть лишь две: «Кокусуйкай» и «Яматоминро:кай», которые достаточно прославили себя за последние два года.

О характере деятельности этих полууголовных корпораций говорилось выше. Мы видим, что и «кокусайкайцы», и «минрокайцы» ведут энергичную борьбу на «внутреннем фронте», имея своими врагами рабочих, мелких земледельцев и, за последнее время, членов организации «Суйхэйся»[26], объединяющей потомков японских «париев» (образовалась в марте 1922 г. и имеет целью борьбу с кастовыми предрассудками японского общества).

Состав «Кокусуйкай» и «Минро:кай» весьма любопытен. Уже по одному составу можно сделать безошибочное заключение о природе этих организаций, непрестанно и неустанно спасающих отечество. Подавляющее большинство состоит из профессионалов – азартных игроков, мелких подрядчиков-спекулянтов, владельцев третьеразрядных ресторанчиков, содержателей публичных домов и лиц «без определённых занятий», наиболее подходящих для роли «браво». Многие поступают в эти организации исключительно с той целью, чтобы заручиться покровительством полиции и заниматься разными тёмными махинациями.

Организация «Кокусуйкай» стоит весьма близко к партии «Сэйю:кай», в то время как «Минро:кай» примыкает к партии «Кэнсэйкай». Этим и объясняется то, что иногда между обеими организациями вспыхивают конфликты и происходят мелкие стычки[27]. Но это – ссоры домашние.

Во главе «Кокусуйкай» стоят: генерал-лейтенант Сато: (председатель) и генерал-майоры Кида и Сато: (Фусатаро:)[28]. Начальство состоит из военных людей, но, несмотря на это, внутренняя организация этой корпорации ещё, по-видимому, не налажена, так как приходится иметь дело с такой публикой, которая весьма неохотно подчиняется какой-либо феруре[29] (29). Точное количество «кокусуйкайцев» трудно установить, но, во всяком случае, оно достаточно велико, если принять во внимание, что организация «Минро:кай», далеко уступающая в количественном отношении «Кокусуйкай», имеет в Токио до 20 000 членов-активистов.

Во глава «Минро:кай» стоит некий Каваи Токусабуро:, ставший популярной личностью после того, как просидел в тюрьме в результате громкого процесса компании О:кура.

Ныне он энергично пропагандирует идеи фашизма в своей собственной школе, где читает лекции профессор Уэсуги.

Большинство «кокусуйкайцев» и «минро:кайцев» достаточно вооружены, и поэтому почти всегда их погромные операции против рабочих и крестьян кончаются успехом. Но уже в прошлом году «кокусуйкайцам» пришлось неожиданно столкнуться с весьма серьёзным врагом: организацией «Суйхэйся», о которой говорилось выше. «Суйхэйся», мобилизовав все свои силы в городе Нара, решила дать самый настоящий бой зарвавшимся фашистам. Обе стороны, хорошо вооружённые, расположились друг против друга и чуть было не открыли сражения, но кровопролитие было предотвращено отчаянными усилиями полиции и жандармерии[30].

Большей частью фашисты действуют небольшими группами. Часто эти группы действуют по своей инициативе, как это было, напр., при нападении на дом виконта Гото: (за то, что он пригласил в Японию т. Иоффе) и преследованиях социалистов.

Можно ожидать, что скоро к этим двум активным организациям присоединятся ещё другие. Такую тенденцию, напр., обнаруживает «Секкабо:сидан», которая объявила urbi et orbi о том, что её единственная цель – это борьба с проникновением коммунизма на острова Японии.

Число организаций пассивного типа тоже будет, несомненно, увеличиваться, так как для этого созданы чрезвычайно благоприятные условия. Большую роль в деле распространения фашистских идей играют черносотенные профессора и представители военщины. Особое внимание фашистских миссионеров обращено на студенчество, но здесь дело идёт не всегда гладко. Всем памятна попытка организовать фашистскую пропаганду в частном Васедаском университете (в мае с[его] г[ода])[31]. Торжественное заседание, на котором присутствовали профессора и генералы, было безжалостно сорвано студентами, устроившими обструкцию. Но если студенчество частных университетов (Кэйо:, Васеда, Мэйдзи) не обнаруживает особой симпатии к фашизму, то студенты Токийского императорского университета – фабрики чиновников-бюрократов – гораздо податливее, и среди них идеи профессора Уэсуги пользуются успехом.

Итак, говоря о японском фашизме, нам нужно отметить прежде всего то обстоятельство, что он ещё окончательно не сформировался и находится в юношеской стадии развития. По характеру деятельности все фашистские корпорации делятся на активные и пассивные, причем часть последних, разумеется, со временем перейдёт в число первых и станет плечо-о-плечо работать с активистами из «Кокусуйкай» и «Минро:кай».

Владивосток, май, 1923 г.

Примечания

Реалии и персоналии, прокомментированные в примечаниях к статье Катаяма, не комментируются. Обозначение долготы гласных с помощью двоеточия не сохраняем.

[1] Нихон сэйнэндан (Японский союз молодёжи) – массовая организация молодёжи в возрасте от 13 до 25 лет, вела культурно-просветительную деятельность в сочетании с патриотическим воспитанием.

[2] Кокуси (самурай-патриот) и ронин (самурай без сюзерена) – в данном случае собирательные названия ультраправых активистов.

[3] Ямато минрокай (Японское народно-трудовое общество) – националистическая антикоммунистическая организация, созданная в 1921 г. предпринимателем и кинопродюсером Каваи Токусабуро (1870–1937) для ведения культурно-просветительной и пропагандистской деятельности среди рабочих (примерный аналог российской «зубатовщины»); обвинялась в связях с организованной преступностью; сотрудничала с партией Минсэйто, с Дайниппон кокусуйкай и с полицией; вместе с другими «правыми» организациями распущена в 1945 г. по приказу Штаба оккупационных войск.

[4] «Тюо корон» («Центральное обозрение») – ведущий общественно-политический и литературный журнал Японии; издается с 1887 г., под современным названием с 1899 г.

[5] Данный фрагмент почти дословно воспроизведен: *Танин О., Иоган Е.* Военно-фашистское движение в Японии. М.: Партиздат, 1933. С. 47-48.

[6] Кэйрин гакумэй (Общество по изучению государственной деятельности / Лига принципов управления) – дискуссионный клуб, основанный в 1919 г. Уэсуги и Такабатакэ (См.: *Молодяков В.Э.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Наука, 1999. С. 135-136).

[7] Синкоккасюги домэй – эфемерная организация последователей С. Уэсуги; более подробными сведениями не располагаем.

[8] «Кайдзо» («Реконструкция / Реорганизация») – общественно-политический и литературный журнал «левой» ориентации, издававшийся в 1919-1955 гг. (с перерывами).

[9] *Уэсуги С.* И да кокутай-но сэйка-о хацуё-суру номи. (Только возвышать сущности *кокутай*) // Кайдзо. Т. 5. №3 (март 1923). С. 124-131.

[10] Имеется в виду барон Масуда Такаси (1848–1938), президент концерна «Мицуи» (1876–1913).

[11] Сибудзава Эйити (1840–1931) – виконт, государственный деятель, банкир, предприниматель и филантроп, «отец японского капитализма».

[12] Парк Тояма в токийском районе Синдзюку.

[13] «Дайнихон» (Великая Япония) – журнал, издававшийся с 1914 г. журналистом и публицистом Кавасима Сэйдзиро (1876–1929).

[14] Хирата Тосукэ (1849–1925) – граф, государственный деятель, член Палаты пэров, неоднократно министр, лорд-хранитель печати (1922-1925).

[15] Ввиду распространенности фамилии идентифицировать «доктора философии Нагасе» не берёмся.

[16] Оруй Нобору (1884–1975) – специалист по европейской истории и культуре, в момент написания статьи доцент Токийского университета, позднее профессор университета Тохоку, член Японской академии (1937).

[17] *Kawashima S.* The Abolition of Money as the Basis of Human Peace and Equality / Translated into English by T. Okamoto. Tokyo, 1920.

[18] Гендерсон / Хендерсон Артур (1863–1935) – один из лидеров Лейбористской партии Великобритании, член Палаты общин (1903–1935), неоднократно министр; лауреат Нобелевской премии мира (1934).

[19] Тома́ Альбер (1878–1932) – французский политик-социалист, член Палаты депутатов (1910–1921), председатель Международной организации труда при Лиге Наций (1919–1932).

[20] Кокурюкай (Общество реки Амур; вариант перевода: Общество черного дракона) – националистическая организация, созданная в 1901 г. политическим активистом Утида Рёхэй (1874 –1937) для содействия японской экспансии в Азии (*Молодяков В.Э.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Наука, 1999); распущена в 1945 г. по приказу Штаба оккупационных войск.

[21] Затрудняемся идентифицировать, поскольку националистическая организация с таким же названием (принятое чтение: Тайкося) была создана политическим активистом Симидзу Коносукэ (1895–1981) в июне 1924 г., через год после статьи Кима.

[22] Дайниппон сэккабосидан (Великояпонская организация предохранения от коммунизма / Дружина по борьбе с большевизацией) – националистическая антикоммунистическая организация, созданная в 1922 г. политическим активистом Ёнэмура Каитиро; прославилась хулиганскими акциями вроде нападения на дом государственного деятеля Гото Симпэй (1857–1929) во время неофициального визита в Японию советского дипломата Адольфа Иоффе (1883–1927).

[23] Сведений об организации с точно таким названием нам обнаружить не удалось, однако почти такое же название носит японская Армия спасения (Кюсэйгун).

[24] Возможно, генерал виконт Осако Наохару (1844–1927) или его младший брат генерал Осако Наомити (1854–1934).

[25] Тайкакай – националистическая организация, созданная в 1920 г. Симидзу Коносукэ; пропагандировала традиционные боевые искусства; название отсылало к реформам годов Тайка (645–646).

[26] Дзэнкоку суйхэйся (Всеяпонское общество равенства) – созданное в 1922 г. «зонтичное» объединение организаций, групп и движений японских париев (буракумин; эта), боровшихся против дискриминации; коммунисты считали его потенциальным союзником и стремились внедриться в него; распущено в 1940 г.

[27] Конфликт участников организаций в токийском районе Асакуса (30 декабря 1922 – 1 января 1923), приведший к нескольким человеческим жертвам.

[28] В доступных нам источниках о Дайниппон кокусуйкай сведения об этих лицах как руководителях организации отсутствуют.

[29] Имеется в виду ферула – строгое обращение, жёсткий контроль.

[30] Инцидент 17-19 марта 1923 г. в уезде Сики префектуры Нара.

[31] Прокомментировать слова «всем памятна» не берёмся, но отмечаем в них «эффект присутствия».

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-73-82

Д.В. Мелентьев

РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В РАННЕСОВЕТСКОМ УЗБЕКИСТАНЕ

О судьбе и истории русского крестьянства в имперский и особенно советский период на окраинах России известно немногое. Настоящая статья, которая также содержит в себе публикацию занимательного документа раннесоветской эпохи, посвящена истории русского крестьянства в Узбекской ССР. Цель настоящей публикации – рассказать о проблемах русского крестьянства в раннесоветском Узбекистане. Специалисты по среднеазиатскому региону в основном изучают переселенческую политику Российской империи в Туркестанский край[1]. Толчком к переселению стала отмена крепостного права в Российской империи в 1861 году, после которой, во-первых, обрабатываемые крестьянами наделы сократились или были несправедливо урезаны. Во-вторых, чтобы получить свободу, нужно было суметь внести высокие выкупные платежи, чего многие бывшие крепостные сделать не могли, поэтому принимали решение покинуть родные места[2]. В историографии переселенческая политика рассматривается под углом аккультурации/русификации коренного населения региона. С другой стороны, появление русского крестьянства в Туркестане было шагом к модернизации сельского хозяйства, которое, по мнению колониальных администраторов, коренное население вело нерационально[3]. Появление русского крестьянства должно было способствовать формированию современной системы мелиорации пахотных земель. Русское крестьянство должно было принести с собой новые сельскохозяйственные культуры, научив коренных жителей их выращивать, тем самым развивая экономический потенциал региона[4].

Исследователи отмечают, что у властей Российской империи в период с 1870-х по 1890-е годы не существовало плана переселения русских крестьян в Туркестан. Они перебирались туда самовольно и несистемно, под воздействием неурожаев в европейской части России[5]. Например, такой неурожая случился в 1891 году, после которого в Туркестан стихийно переселилось около 15 тысяч русских крестьян[6]. Однако есть и противоположное мнение, которое высказывает М. Буттино. Он пишет, что российская власть поощряла переселение русских крестьян в Туркестан, чтобы максимально быстро и эффективно колонизировать край и отобрать лучшие земли у местных жителей (особенно кочевников)[7].

Идея аккультурации/русификации, которую преследовали российские колониальные власти в Туркестане, оказалась несостоятельной. Прибытие русских крестьян провоцировало социокультурную напряженность, возникали конфликты, особенно в Семиречье, куда переселение началось раньше, и где основная масса жителей являлась кочевниками[8]. Колониальная администрация Туркестанского генерал-губернаторства придерживалась концепции невмешательства в дела коренного населения, которая была сформулирована К.П. фон Кауфманом, поэтому создавшееся напряжение в обществе рассматривалось как серьёзный фактор дестабилизации. Однако серьёзных мер по регулированию проблем с использованием земли и воды, важнейших ресурсов края, не предпринималось до 1905 года[9].

С.Н. Брежнева указывает, что во время аграрной реформы П.А. Столыпина в Семиреченской, Сырдарьинской и Ферганской областях создавались переселенческие районы. Для желающих там поселиться предназначались льготы, например, на проезд по железной дороге, что дало толчок к притоку русских крестьян в Туркестан. Однако к 1913 году 99% «столыпинских переселенцев» по-

кинули край, поскольку разорились или не смогли адаптироваться к новым аграрным и социокультурным условиям (в основном русские крестьяне не хотели учить местные языки)[10]. Еще одним поводом вернуться в Россию стало восстание 1916 года, во время которого коренные жители разоряли хозяйства русских крестьян, убивали переселенцев. Больше всего жертв среди туркестанских русских оказалось в Семиречье: «со стороны русского населения было убито 2 тысячи человек, около 1 тысячи, преимущественно женщин, уведено в плен, сожжено 1330 усадеб, разгромлено 100. По другим сведениям, в одном Пржевальском уезде переселенцев пострадало до 3244 человек, из них убито 1998 человек»[11].

Однако восстание коренного населения не вызвало масштабного оттока русских из региона. Согласно статистическим данным, которые приводит А.П. Фомченко, «к 1917 году русское оседлое население Туркестана, по примерным подсчётам, составило 750 тысяч человек, т.е., 10% 7,5-миллионного населения края. В городах проживало 400 тысяч человек и около 350 тысяч – в сельской местности. Из них 278 тысяч приходилось на русские поселения. В коренных областях Туркестана (Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской) насчитывалось 269 русских посёлков с 96,5 тысячами жителями. Наибольшее количество посёлков и переселенцев приходилось на Сырдарьинскую область. Здесь в 190 посёлках насчитывалось 72,5 тысяч жителей»[12].

А. Халид считает, что русские переселенцы были единодушны в поддержке Октябрьской революции и большевиков[13]. Но при изучении архивных источников картина усложняется. Например, русские крестьяне Ферганской долины ничего не знали о реформах большевиков[14]. Их заботило преодоление экономического кризиса, поскольку укоренившиеся в крае русские крестьяне являлись зажиточными (или, в советской терминологии, они были *кулаками*), которые для обработки своих наделов нанимали сезонных рабочих – киргиз и казахов[15]. Поэтому среди русских крестьян Ферганы были распространены либо промонархические, либо аполитичные настроения.

Со временем крестьяне Ферганы больше узнали о программе реформ большевиков и ещё резче встали в оппозицию к ним. Русские крестьяне Туркестана выступали против национально-территориального размежевания[16]. Такое негативное отношение, вероятно, сформировалось потому, что крестьяне осознавали, что национально-территориальное размежевание приведёт к перераспределению пахотных земель (что напоминало времена отмены крепостного права), к огосударствлению всех отраслей сельского хозяйства, а также вследствие большевистской политики позитивной дискриминации (или коренизации государственного аппарата), которая давала серьёзные преимущества коренным народам Туркестана, ущемляя при этом интересы переселенцев[17].

Последних большевистский историк П.Г. Галузо считал носителями имперской идеологии в Туркестане. Колониальная администрация якобы специально вооружала переселенцев, чтобы те держали в подчинении местные народы, таким образом, насаждая русскую власть на чужой земле[18]. Иными словами, русские хутора и деревни П.Г. Галузо рассматривал как военные поселения. Вместе с тем удалось обнаружить воспоминания П. Алексеенкова, который участвовал в установлении советской власти и подавлении русского крестьянского мятежа против большевиков в Ферганской долине в 1920 году: «В обыденной жизни, при всяком соприкосновении русские крестьяне как только умели, третировали киргиз и узбеков, высмеивали их язык, религию, нравы и обычаи. Даже собаки русских крестьян отражали отношение своих хозяев к туземцам»[19]. Против русских крестьян была направлена и первая земельно-водная реформа (1921-1922 гг.), которая была призвана деколонизировать сельское хозяйство в Туркестане[20]. Таким образом, в раннесоветское время сформировался негативный образ русского крестьянина-переселенца в Туркестане. Неотъемлемыми чертами этого образа были культурный консерватизм, русский великодержавный шовинизм и эксплуататорская сущность.

Публикуемый здесь источник обнаружен в Российском государственном архиве со-

циально-политической истории (РГАСПИ) в Ф. 62. Оп. 2, в котором собраны документы, присланные из Ташкента Среднеазиатским бюро (Средазбюро) ЦК ВКП(б). Документ представляет собой доклад, подготовленный неким Строгановым. Он занимал должность заместителя председателя Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Узбекской ССР (более о его биографии ничего не известно). Доклад был направлен Юлдашу Ахунбабаеву – видному узбекскому коммунисту, который с февраля 1925 года являлся непосредственным начальником Строганова.

Доклад посвящён результатам обследования русских поселений Узбекистана. Само обследование было проведено в августе-сентябре 1925 года. Доклад состоит из трёх разделов. В первом («Заключение») описывается социально-экономическое, политическое и культурное положение русских крестьян в Узбекской ССР. Во втором делаются выводы из обследования. И в третьем разделе – «практические предложения». Строганов предлагает конкретные шаги по улучшению положения русских крестьян и по их советизации.

В докладе важно выделить несколько особенностей функционирования советских институтов культуры и власти в русских поселениях сначала в Туркестанской республике, а затем и Узбекской ССР. В сельской местности среди русских крестьян советская власть не пользовалась популярностью. В русских поселениях были созданы сельские, волостные и уездных советы, но, как следует из доклада, они почти не функционировали. Это говорит о том, что большевики, устанавливая в Туркестане советскую власть, опирались на малочисленную, но политически активную городскую прослойку, преимущественно *европейцев* (собирательный термин для всех пришлых христианских/славянских народов, татар-мусульман и евреев), проживавших в «*новых городах*» (построенных после завоевания по соседству с мусульманскими частями или «старыми» городами). Именно в таком понимании Строганов использует в своем докладе понятия «европейцы» и «новый город».

Помимо прочего, становится понятно, что русские крестьяне остались в стороне от революционных событий. Они были отрезаны от них, потому что не было возможности оперативно получать новости из Ташкента, так как отсутствовала дорожная и телефонно-телеграфная связь. Доклад также дает понять, что первая земельно-водная реформа не достигла намеченных целей, не лишила русских крестьян пахотных земель и не передала их дехканам. После реформы стали возникать новые конфликты между европейцами и мусульманами, но уже с примесью национализма. В русских сёлах сохранялась частная торговля и не появилась кооперация.

Культурная политика большевиков тоже терпела неудачи: школ ликвидации неграмотности и больниц не было, как и учителей и врачей, а раскрепощение женщин ко второй половине 1925 года в русских посёлках ещё не началось. Среди русских крестьян Узбекистана сохранялся патриархальный уклад: женщины работали по дому («поддерживали домашний очаг»), мужчины выходили на поле или промыслы (исполняли роль «добытчика семьи»). Иными словами, гендерная политика большевиков возымела успех только среди городских европеек.

Строганов не замалчивал проблему притеснения русских крестьян со стороны коренного населения и местных коммунистов-узбеков, вошедших в органы государственной власти. Притеснения русских начались после первого этапа национально-территориального размежевания. Стоит отметить, что в 1920-е годы Восточное отделение полномочного представительства Объединенного государственного политического управления (ВО ПП ОГПУ) по Средней Азии отмечало тревожность европейского населения Узбекистана по причине накалившейся социальной обстановки в республике. Европейцы ожидали выдворения в РСФСР, куда они уезжать не хотели[21].

В целом, доклад Строганова важен и интересен тем, что дает совершенно иное представление о социально-политическом устройстве Туркестанской республики и раннесоветского Узбекистана. Один из главных выводов – советская власть достаточно долго распространялась на большую часть Туркестана весьма условно и полноценно устано-

вилась к концу 1920-х. Доклад важен и тем, что демонстрирует процесс превращения русских крестьян из государствообразующего этноса империи в национальное меньшинство на окраинах советской России.

Председателю ЦИКа УзССР тов. Ахун-Бабаеву от заместителя Строганова

На основании протокольных постановлений: ЦК КПбУз, Президиума ЦИКа от 25.07.1925 за №71, параграфа 11 и удостоверения ЦИКа от 29.07.1925 за №6601, я произвёл обследование русских посёлков в УзССР с целью всестороннего выяснения состояния аппарата из сельсоветов и ознакомления на месте с действительной жизнью русского крестьянства в нашей узбекской республике. Из имеющихся в Узбекистане 7 областей, обследованию подверглись лишь 3 области: Ташкентская, Ферганская и Самаркандская. Остальные же 4 за отсутствием в них русских посёлков обследованию не подлежали. Считаю необходимым оговориться, что всех русских посёлков, коих в упомянутых 3-х областях насчитывается до 70-ти, в данный мне для обследования 20-ти дневный срок я посетить не мог – за недостаточностью времени и поэтому брал некоторые из них на выдержку, заезжая, главным образом, в те посёлки, в коих, по сведениям, имели место конфликты на почве земельно-водных и других вопросов, и беднейшие из поселков.

Заключение

Комиссии приходится констатировать нижеследующее: все областные и исполнительные комитеты обследуемых нами посёлков уделяют очень мало внимания низовому советскому строительству. Формы отчётов сельсовета перед волисполкомами и волисполкомов перед уездисполкомами нет, а поэтому таковые составляются по произвольной форме. Связь сельсоветов с волисполкомами и последних с УИКами[22] слабая – и письменная, и живая. Конференций уездных исполкомов и волостных не бывает. Письменных инструкций о делопроизводстве и отчётности ВИКов[23], уездисполкомов преподано не было.

Ознакомление населения с мероприятиями советской власти проводится очень слабо, путем расклейки разнообразных приказов, листовок и т.д., что при почти полной неграмотности населения желаемых результатов не достигает. Всякого рода митинги, устраиваемые преимущественно на базарах, куда обычно съезжается много народу, – успеха имеют мало, так как у приезжающих имеются свои собственные, более близкие к ним цели – это торговля, затемняющая значение митинга. Конференции созываются лишь изредка, местами же совершенно не созываются, а в условиях Узбекистана их значение колоссально. Отчётов УИК перед нижеследующими органами не делается.

Территории областных волостей крайне разнообразны, что оказывает влияние на управление и выдвигает настойчивую потребность в районировании[24], построенном на принципе экономического тяготения. Единственные пути сообщения в волостях – грунтовые дороги, крайне неисправны, имеются рытвины, рвы и т.п., а движение по ним затруднено, тем более, в ночное время. Телефонная связь отсутствует, почтово-телеграфных учреждений не имеется совершенно. Обычная связь – случайная через население и т.д.

Земельные отношения не урегулированы. Землестроительство проводится медленно. Рядом с безземельными отдельными крестьянами и коллективными объединениями, артелями, имеются лица с большими наделами земли. Удобная земля не обрабатывается полностью за отсутствием участия населения, рабочего скота, лошадей, инвентаря и, повсюду, воды для орошения. Многие хозяйства обрабатывают земли своим трудом при помощи первобытных орудий труда – кетменей, мотыг и т.п. Землеустройство, проводимое до крайности слабо, а поэтому мы имеем частью переходы населения с места на место, производя самовольные захваты необрабатываемых земель. Агрокультурная помощь крестьянству оказывается чрезвычайно слабо, преимущественно через городских агрономов. В селах агрономов не бывает. Агрокультурных учреждений – школ, курсов, образцовых хозяйств, питомников и т.п. не имеется. Лесное хозяйство крайне не устроено, недостаточно учтено и ведётся хищническим пу-

тем. Население из сырых деревьев нашло новый способ выжигать уголь, производя массовую порчу деревьев, подводимую в итоге к гибели лесов.

Кооперация развита слабо. Торговля большей частью находится в руках частных предпринимателей. Государственные и кооперативные лавки на базарах не участвуют. Процент кооперативного населения незначителен.

Школ, курсов ликбеза, библиотек, изб-читален и т.п. культурно-просветительных учреждений очень мало. Учительский персонал местами по разным причинам (неподготовленность, слабая обеспеченность, несвоевременная выплата содержания и т.п.) халатно относится к делу, а отсюда вытекает его характеристика – неудовлетворителен. Лечебных заведений до крайности мало. Медицинского персонала недостаточно, а медикаментов сказочно мало. Ветеринарных учреждений в большинстве не имеется, а имеющиеся ни в коем случае не сумеют удовлетворить потребность населения.

Из всех нами обследованных поселков обнаружен 1 комитет взаимопомощи. Члены его почти не обслуживаются. Средства расходуются на содержание личного состава. Членов партии в деревне слишком мало, а имеющиеся местами подрывают авторитет партии, нарушая её принципы. Коммунистов в составе членов исполкомов не имеется. Ячеек партии почти совершенно нет. Имеющиеся редко ячейки комсомола основной работы в деревне не ведут. Во многих случаях члены исполкома относятся равнодушно к участию в общественных организациях (в союзах Кошчи, кооперативах и т.д.). Значительный состав их и доныне продолжает исполнять религиозные обряды. Замечены случаи посещения священника председателями сельсоветов в обыденное время с целью наставления их в работе. Работа с этими предрассудками или очень слаба, или отсутствует вовсе.

В составы членов совета иногда назначаются свыше работники, подрывающие авторитет власти своей работой, выражающейся в результате кратковременной их службы в растратах, пьянстве и слабости работы. Оплата труда работников волостных и сельских исполкомов мизерная. Средства на канцелярские расходы не отпускаются. Работники не подготовлены, много безграмотных, а отсюда и неработоспособных. Заработная плата выплачивается несвоевременно, а это главная причина слабости работы исполкомов. Многие исполкомы не имеют постоянного помещения и кочуют за председателем или секретарём. Единой системы делопроизводства нет. Периодической отчётности, как перед высшими инстанциями, так и перед населением, не установлено. В области финансов волисполкомы ничего не сделали. Волостных бюджетов не проведено нигде.

Ирригационная натуральная повинность проводится всюду и довольно неупорядоченно – с нарушениями. Замена натурповинности обложением ещё нигде не проектировалась, рассматривается в плоскости вполне своевременно – назревшего вопроса. Союзы Кошчи, имеющиеся не во всех русских поселениях, работают очень слабо. Члены союза обслуживаются минимально. Интересы их защищаются слабо, а в общем и вся работа протекает неудовлетворительно. Работа органов охраны труда, принимая во внимание наличие эксплуатации европейцами коренного населения в лице беднейшей части батраков и местами отсутствия необходимых договоров, обесценивающих нормальность труда – чрезмерно слабая.

Земельно-водные конфликты имеют место во многих поселках по причине отсутствия землеустройства. Потравы посевов у европейского населения, производимые коренным населением и в большинстве киргизами на границах Узбекистана и Киргизской республики, имеют место и поныне, обостряя национальную вражду. Паритетные комиссии созданы не везде и, разбирая очень длительно конфликты, дают крестьянству повод думать, что они или защищают интересы национальности, или плохо работают.

Приветствуемые крестьянством зерноочистительные пункты имеются очень редко, тогда как потребность в них значительна, огромна. Кулачество и вообще антисоветский элемент в глухих деревнях свирепствует и сейчас, притесняя и запугивая крестьянство беднейших слоёв и оставаясь безнаказанным.

Мер со стороны местных властей почти никаких не принимается, а принимаемые результатов в положительном смысле не имеют.

Притеснения европейского населения со стороны коренного населения имеют место и сейчас, например, в поселке Полторацком. Местной властью, распоряжения высшей власти не исполняются, и, таким образом, как бы умышленно поддерживается разжигание национальной вражды.

Карточек на учёт и регистрации лошадей не имеется. Часто происходят кражи лошадей, розыск которых без указанных карточек затрудняется, тогда как продажа краденых лошадей облегчается. Отсюда вытекает необходимость в срочном проведении карточной системы на лошадей.

Делопроизводство сельсоветов поставлено чрезвычайно слабо. Помещения сельсоветов имеются не везде, а подыскиваемые за плату частные квартиры не имеют характера учреждений и разлагающе действуют на посетителей, будучи разукрашенными иконами. Из всех обследуемых сельсоветов, 75% не устраивают заседаний и не разбирают вопросов предварительно до внесения их на общее собрание, а отсюда всё и вся решается на сходках.

Сельхоз кредитования имеют принцип снабжать лиц, обладающих соответствующим обеспечением кредита. Бедняки кредита не получают, а если и получают, то очень мало, редко и краткосрочно. Долгосрочных кредитов и ссуд не имеется. Ссуды, например, хлопкомом[25] выдаются недостаточными и краткосрочными. Договора на получение ссуд представителей от крестьянства не имеют и составляются единолично учреждениями и нанимателями или выдающими кредит, гарантируя свои выгоды и принося ущерб крестьянству. Выдача ссуд во многих случаях, в частности, хлопкомом, проводится несвоевременно. Сдаваемый крестьянством хлопок сортируется хлопкомом при приеме неправильно: весы непонятны крестьянству. Обвешивание имеет место всюду. Весов недостаточное количество, и крестьянство обременяется очередью.

Женщины нигде в работу не вовлечены и не участвуют ни в каких общественных организациях. Из всех обследуемых поселков в сельсоветах женщина встречена только одна (поселение Обетованное в Мирзачульском уезде). Земельно-водных и других столов специального делопроизводства не имеется, и только в одном из всех обследованных исполкомов встречен стол военного делопроизводства. В общем и целом, для поднятия работоспособности волостных исполкомов и сельских советов необходима чрезвычайно большая политическая и просветительская работа. Её необходимо организовать и неуклонно проводить немедленно, иначе население и далее будет предоставлено самому себе. Оно и далее не будет знать сущности советской власти и тех её мероприятий, которые направляются на улучшение быта трудящего населения.

Вывод

По сравнению хотя бы с прошлым годом низовой советский аппарат, несомненно, получил оформление, сделав большой шаг в общем вперёд по совстроительству: имеется сравнительно удовлетворительный аппарат. Заведено делопроизводство, хотя и слабое: имеется учёт, выборные люди знают свои права и обязанности. Правда, многие советы представляют из себя мёртвые организации, исполняющие сухо распоряжения вышестоящих органов, совершенно не понимающих советской общественности и также не связанных живой связью с крестьянством и батрацкой массой, почему последняя имеет недовольство. И наоборот, некоторые исполкомы за короткое время сумели наладить работу свою до удовлетворительного состояния. Следует всё же признать, что начиная с волости и заканчивая посёлком, нельзя встретить, за исключением единиц, людей, в полной мере понимающих цели и задачи советской власти и советскую работу, в силу чего происходит сухое исполнение распоряжений высших органов, забывая основную свою работу, по вовлечению в совстроительство широких масс крестьянства и усиления живой связи с ним. Поэтому первоочередной задачей необходимо поставить следующее.

Практические предложения

Предложить всем областным исполнительным комитетам усилить максимум вни-

мания по отношению к низовым советским органам.

Предложить облисполкомам в порядке распоряжения уисполкомов[26] дать задание на предмет выработки всех форм отчётностей для волостных исполкомов и сельских советов, снабдив последние немедленно по выработке.

Усилить связь, как живую, так и письменную, сельсоветов с волисполкомами и последних с уисполкомами путем предложения облисполкомам провести немедленно это мероприятие в жизнь.

Предложить облисполкомам в порядке распоряжения УИКам дать задание на более частые устройства конференций с ВИКами и снабжение последних письменными инструкциями о делопроизводстве и отчётности.

Считать ознакомление населения с мероприятиями советской власти, проводимое путем расклейки приказов, листовок и т.д., нецелесообразным, почему предложить ставить таковые для освещения на общих собраниях крестьян (сходках).

Устраиваемые на базарах митинги, и тем более в базарные дни, считать не достигающими успеха, а потому предложить проводить их на общих собраниях крестьян.

Предложить усилить созыв широких беспартийных конференций, и тем более в волостях, как имеющих колоссальнейшее значение в условиях Узбекистана.

Предложить всем без исключения исполкомам отчитываться путем докладов на общих собраниях граждан перед населением, а одновременно и высшим инстанциям перед низшими.

Предложить комиссиям по районированию усилить работу, продвинув её к окончанию.

Предложить уездным исполкомам отпустить средства волостным исполкомам на предмет ремонта дорог, мостов и т.п. путей.

Признать необходимость в усилении связи, проведения телефонно-телеграфной сети.

Предложить Наркомзему[27] продвинуть работу по землеустройству до пределов, при которых вся свободная земля засевалась бы полностью и без конфликтов.

Обязать Наркомзем в ближайшее время поставить на должную высоту агрокультурную помощь сельскохозяйственному населению, причем агрономов, преимущественно проживающих в городах, вдали от сельскохозяйственного производства, разместить в гуще такового. Разработать вопрос по насаждению агрокультурных учреждений (школ, курсов и т.д.), хотя бы по одной на уезд. Организовать образцово-показательные хозяйства и вообще привести в жизнь разрабатываемые в большом количестве проекты, направленные на улучшение сельского хозяйства.

Обязать Наркомзем в ближайшее же время национализировать ведение и эксплуатацию лесного хозяйства республики и государственных земельных имуществ.

Принять меры к тому, чтобы низовая государственная и кооперативная торговля явилась действительно орудием борьбы с преобладающей пока частной торговлей. Чтобы государственные и кооперативные лавки участвовали бы периодически в базарной торговле или же устраивали свои лавки на базарах.

Предложить Наркомпросу[28] провести расширение сельских школ, курсов ликбеза, библиотек и других культурных учреждений в более широком размере. Одновременно направлять в сельские школы более подготовленный учительский персонал.

Предложить Наркомздраву[29] обратить сугубое внимание на постановку лечебного дела в деревне, дабы устранить роль знахарства, являющегося прямым доказательством недостаточно развитой сети лечебных учреждений. Усилить количественно и улучшить качественно медперсонал и включить отпуск средств на приобретение медикаментов.

Предложить Наркомзему в срочном порядке усилить количественно и улучшить качественно ветеринарные учреждения в деревне, так как обслуживание её теперь крайне недостаточны.

Предложить Центральному комитету взаимопомощи усилить организацию комитета в деревне, расширив его работу до необходимых размеров.

В виду отсутствия в большинстве поселков комячеек[30], полагаю необходимым организовать таковые в каждом посёлке, получив возможность через них вести работу во всех

отношениях по линии к деревне. Ячейку в посёлке Луначарском Ташкентского уезда полагал бы проверить, поручив это обкому партии.

ЦК ЛКСМУз[31] полагал бы усилить работу комсомола в деревне, усилив в первую очередь её работниками.

Предложить всем облисполкомам в порядке распоряжения подведомственным им органам дать задание на предмет широкого участия членов исполкома в общественных организациях.

ЦК КПбУз и ЦК ЛКСМУз полагал бы усилить работу по борьбе с религиозными предрассудками. Одновременно проверять направляемых для работы в них работников от исполкомов, во избежание подрыва авторитета партии и власти.

Обязать волостные и уездные исполкомы урегулировать вопрос об оплате волостных и сельских выборных работников. Установить волостной бюджет. Обязать УИКи отвести для ВИК и сельсоветов постоянные посещения и установить определённое рабочее время в них. Свести к единообразному порядку делопроизводство ВИК и сельсоветов, для чего обязать УИКи и соответственно инструктировать ВИК и сельсоветы.

Наладить статистику ВИК и сельсоветов, предложив ЦСУ[32] разработать и послать на места необходимые формы.

Водхозу озаботиться разработкой проекта замены натурповинности обложением, как вполне назревшего вопроса.

Предложить ЦК союза Кошчи усилить работу в деревне, укрепив её ряды работниками.

ЦСПС[33] необходимо усилить работу профорганов, и, в частности, по вопросу охраны труда.

Принять меры к скорейшему созданию паритетных комиссий в местах, имеющих место потравы посевов киргизами у европейцев на границе УзССР с Кирреспубликой[34], предложив последним усилить свою работу.

Предложить Наркомзему в самое ближайшее время организовать зерноочистительные пункты в количестве необходимых размеров.

Предложить Мирзачульскому УИКу создать комиссию на предмет выяснения действительного притеснения со стороны антисоветского элемента беднейшего крестьянства в посёлке Никольском, заручившись добытыми материалами и о результатах сообщив в ЦИК для приобщения материала к докладу. В отношении созданной уже в фероблисмолкоме[35] комиссии по выяснению точно такого же вопроса в посёлке Русском Ферганского уезда, результат по окончанию работ предложить выслать в ЦИК для приобщения к докладу.

Предложить Наркомзему срочно разработать вопрос о посёлке Полторацком, представив результат в ЦИК для окончательного утверждения и приобщения материала к докладу.

Предложить Наркомвнутделу[36] срочно разработать проект о введении карточной системы на лошадей, как метод борьбы со скотокрадством.

Предложить всем облисполкомам, в самое ближайшее будущее, поставить делопроизводство ВИК и сельсоветов на должную высоту, укрепив аппараты хорошими работниками, увеличив им оклады содержания за счёт УИК.

Предложить всем уездным исполкомам самым настойчивым образом добиться того, чтобы во всех ВИК и сельсоветах самым аккуратнейшим образом, по определённо намеченному плану, проводились заседания, чтобы ни один вопрос без предварительного разрешения его на заседании советов и исполкомов на разрешение общего собрания не выносился. Одновременно чаще устраивать общие собрания населения, отчитываясь перед ним, как перед избирателем.

Усилить сельхоз кредитование населения, имеющее целью снабжение хозяйств возможным с/х инвентарем. Принципы ныне существующего сельхоз кредитования, в силу такового доступное лишь лицам, обладающим соответствующим обеспечением кредита, реорганизовать в том смысле, чтобы с/х кредит явился доступным для беднейшего земледельческого населения, одновременно необходимо изменить линию работы хлопкома в отношении выдач ссуд, поступая так, как указано выше в настоящем пункте, и плюс

ссуды должны выдаваться своевременно и долгосрочно с привлечением к заключению договоров представителей от крестьян.

Точно также необходимо хлопкому изменить линию работы в отношении приёма хлопка и его сортировки, так как при отнесении одного и того же хлопка к разным сортам, расценивая все ниже и ниже, поглощаются труды крестьянства и его обогащение.

Провести кампанию по разъяснению крестьянству сущности непонятных для него весов, дав возможность изучить таковые. Этим можно избежать жалоб на обвешивание, имеющие место в крестьянстве и поныне. Также во избежание очереди необходимо увеличить количество весов при приеме хлопка.

Усилить работу по вовлечению женщин в строительство соввласти и аппарата и общественных организаций.

Организовать земельно-водные столы и комиссии по земельно-водным спорам, хотя бы при ВИКах, так как таковые есть только при облисполкомах и УИКах, а следовательно, удалены от нуждающегося в них сельского населения.

Усилить работу по регистрации актов гражданского состояния при сельсоветах, предложить областным ЗАГСам снабжать местные ЗАГСы необходимыми материалами.

В общем и целом, деятельность ВИК и сельсоветов зависит и от культурного состояния деревни, и от того, насколько уездисполком заботится об улучшении постановки дела в низовом совстроительстве, и от массы других причин, поэтому необходима большая политическая и просветительская работа, и разработка вынесенных предложений, в зависимости от её обширности и глубокости, поможет быстрее исправить все отмеченные недочёты. Все те материалы, которые в зависимости от их разрешения задержаны и равно разрешённые, и разрешаемые в повседневной работе по окончанию и подобранию их результатов, будут приобщены к настоящему докладу.

Зампредседателя ЦИК Узбекской ССР[37]

Примечания

[1] *Цыряпкина Ю.Н.* Переселенческое сообщество в Сырдарьинской области Туркестана по донесениям царской администрации начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. №4 (88). С. 285–289; *Брежнева С.Н.* Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2016. №1 (222). Вып. 37. С. 113–117; *Цыряпкина Ю.Н.* Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в.: основные социокультурные характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2016. №411. С. 183–187; *Мамадалиев И.А., Маҳмудов О.Р.* Сущность переселенческой политики Российской империи в Средней Азии // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2017. №4 (53). С. 25–30; *Брежнева С.Н.* Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Вып. 17. №3. С. 608–638; *Цыряпкина Ю.* Русские переселенцы в Сырдарьинской области Туркестана в конце XIX – начале XX в.: адаптация и основные социокультурные характеристики / Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: к 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой: сб. науч. статей / отв. ред. Котюкова Т.В. М.: Исламская книга, 2018. С. 194–200.

[2] *Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX века (социально-экономический аспект). Ташкент: ФАН, 1983. С. 17–18.

[3] *Мамадалиев И.А., Маҳмудов О.Р.* Сущность переселенческой политики Российской империи в Средней Азии. С. 25-30.

[4] Там же. С. 25-30.

[5] Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 218-219; *Глущенко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010. С. 353, 357.

[6] *Брежнева С.Н.* Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением. С. 113-117.

[7] *Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР / пер. с итал. Н. Охотина. М.: Звенья, 2007. С. 48.

[8] *Цыряпкина Ю.Н.* Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в.: основные социокультурные характеристики. С. 183-187; *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении… Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016. С. 60.

[9] *Брежнева С.Н.* Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. С. 608-638.

[10] *Брежнева С.Н.* Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением. С. 113-117.

[11] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т.В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. С. 57.

[12] *Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX века. С. 71.

[13] *Халид А.* Чем была революция в Туркестане? // Неприкосновенный запас. 2017. №5 (115). С. 165-177.

[14] *Алексеенков П.* Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент: Средазкнига, 1927. С. 14.

[15] Там же. С. 14-15.

[16] Там же. С. 15.

[17] *Мартин* Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О.Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 194.

[18] *Галузо П.Г.* Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. Исторический очерк. Ташкент: Изд. САКУ им. Ленина, 1926. С. 4-7.

[19] *Алексеенков П.* Крестьянское восстание в Фергане. С. 20.

[20] *Новиков М.П.* Земельно-водная реформа 1921–1922 годов в Туркестанской АССР и ее историческое значение // Общественные науки в Узбекистане. 1961. №12. С. 40-45.

[21] *Мелентьев Д.В.* Улемы и конфессиональная политика Восточного отдела ОГПУ в Ташкенте (1917–1927) // Islamology. 2022. Т. 12. №1. С. 78-96.

[22] Уездными исполнительными комитетами.

[23] Волостных исполнительных комитетов.

[24] Часть процесса национально-территориального размежевания Туркестана, но меньшего масштаба.

[25] Хлопковым комитетом.

[26] Уездный исполнительный комитет.

[27] Народному комиссариату земледелия.

[28] Народному комиссариату просвещения.

[29] Народному комиссариату здравоохранения.

[30] Коммунистическая ячейка.

[31] Центральный комитет Ленинского коммунистического союза молодежи Узбекской ССР.

[32] Центральное статистическое управление.

[33] Центральный совет профессиональный союзов.

[34] Вероятно, имеется в виду Киргизская автономная область (КАО).

[35] Ферганском областном исполнительном комитете.

[36] Народному комиссариату внутренних дел (НКВД).

[37] РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 220. Л. 1-11.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-83-92

Б.В. Норик

МИГРАЦИЯ ИЗ СССР В ИРАН В 1930-е ГОДЫ
ЧАСТЬ 1

Тема миграции из РСФСР и СССР достаточно популярна в научной литературе. Наиболее тщательно изучен её европейский вектор, а в пределах азиатского региона подробнее всего исследованы Китай и Япония. Иранское же направление, хотя и более слабо представленное в миграционных перемещениях бывших подданных Российской империи и граждан СССР, по-прежнему остаётся перспективным полем для научных изысканий[1]. В настоящей статье процесс миграции из СССР в Иран в 30-е годы XX века будет рассмотрен через призму материалов, содержащихся в деле из собрания *India Office Library and Private Papers*, имеющем заголовок *Coll 28/29. Persia. Russia. Russian Refugees in Persia* (IOR/L/PS/12/3426; 204 л.).

Крайними датами документов заявлены 29 августа 1931 – 17 декабря 1940 года, однако подавляющее большинство материалов относится к 1931-1934 годам. В первую очередь это извлечения из консульских дневников и разведсводок британских консульских учреждений в Машхаде, Табризе и Реште, а также составленные британскими чиновниками отчёты и докладные записки, отправленные в Лондон через посредство Британской дипломатической миссии в Тегеране. Кроме того, здесь же мы находим отчёт представителя «Нансеновского комитета» (Office international Nansen pour les Réfugiés) Лиги Наций в Машхаде Хайдар-ходжи Мирбадалева (M. Mirbadaleff)[2] о ситуации с советскими беженцами в Восточном Иране в период с апреля 1932 по 1 сентября 1934 года.

В качестве теоретического каркаса организации материала избрана концепция трёхстадийности миграционного процесса: 1. Исходная стадия (причины формирования миграционной мобильности, миграционные намерения, подготовительные мероприятия). 2. Миграционное перемещение. 3. Приживаемость[3].

Наличие трудовых мигрантов из Ирана (работавших в качестве плотников и каменщиков) фиксировалось в Закавказье ещё в 1845 году[4]. В 1855 году британский консул в Табризе К.Э. Эббот сообщал, что за два месяца местное российское консульство выдало более 3000 паспортов. В дальнейшем процесс заметно активизировался, и первая всероссийская перепись населения 1897 года выявила на территории Российской империи 74 000 иранцев, из которых 21 000 – женщины. Около 72% всех иранцев проживало в Баку, Гяндже, Ереване и Тифлисе, 32 000 человек были персоязычными, а остальные – тюркоязычными. В период с 1876 по 1890 год российские консульства в Табризе, Мехабаде и Мазандаране ежегодно выдавали в среднем 13 000 паспортов. К концу столетия эта цифра достигла 67 000. В итоге до 1913 года в Россию на законных основаниях въехало 274 555 иранцев (незаконная миграция была в несколько раз выше). По некоторым оценкам, чистая миграция из Ирана в Россию за период с 1900 по 1913 год составила 25 000 человек. Таким образом, накануне начала Первой мировой войны число иранцев в России составляло около 500 000 человек. Столь интенсивному миграционному обмену в немалой степени способствовали давние исторические связи Кавказа и Северного и Северо-Западного Ирана, а также культурная, религиозная и языковая общность, однако при этом необходимо иметь в виду, что поток жителей Кавказа в Иран был в несколько раз меньше.

Около 85% иранских мигрантов составляли крестьяне из Азербайджана, оказавшиеся в наиболее бедственном положении из-за экономического застоя в этой провинции, основу

экономики которой составляли сельское хозяйство и торговля (кроме этого, достаточно ярко были представлены Гилян и Хамадан)[5]. Это были в большинстве своём сезонные мигранты. Часть из них приезжала в страну в марте – апреле и августе – сентябре – месяцах, когда сельхозработы на Южном Кавказе были в самом разгаре. Немалая доля иранских мигрантов была занята в нефтяной промышленности, активно развивавшейся в Баку и требовавшей значительного трудового ресурса.

Основную часть своего заработка сезонные мигранты привозили в Иран, что было выгодно для экономики страны. Поэтому иранские власти снизили паспортный сбор до 5 кран, а срок пребывания за границей ограничили шестью месяцами, чтобы не способствовать долговременной или постоянной миграции. Товары, ввозимые сезонными мигрантами, налогами не облагались, однако много они не везли, поскольку цены на товары российского производства в России и в Иране существенно не различались. Вскоре всё меньшее число мигрантов стало обзаводиться миграционными документами, чему в немалой степени способствовала большая протяжённость границы. Так, в 1905 году только в районе Ардебиля[6] без документов на Кавказ проследовали от 30 до 40 тысяч трудовых мигрантов[7].

Октябрьская революция 1917 года породила первую массовую волну беженцев, однако, по мнению К. Байат, в 20-е годы XX века миграция из Советской России в Иран носила достаточно отрывочный характер и нередко была продиктована традиционными причинами, в частности, обычным желанием переждать нестабильность на соседней территории или стремлением скрыться от военной службы. Собственно иностранцы надолго на территории Ирана не задерживались и перемещались в третьи страны. Поэтому в данный период говорить о проблеме мигрантов и беженцев не приходится[8].

Отдельно следует выделить процесс депортации из СССР иранских подданных, решение о которой было принято в 1926 году (с 1930 г. подобная практика приняла регулярный характер). Это привело к увеличению потока мигрантов и побудило иранское правительство отдать приказ хорасанским властям перекрыть доступ в страну[9].

31 мая 1928 года между СССР и Ираном была заключена конвенция «Относительно перехода границы между СССР и Персией жителями пограничных областей»[10], которая на некоторое время заметно облегчила проблему перемещения приграничных жителей. При этом в вопросе депортации иранцев советское правительство придерживалось двойственной позиции. Например, иранское консульство в Баку сообщало, что советское правительство настаивает на возвращении в Иран нищих, стариков, инвалидов и людей с плохой репутацией, как лежащих тяжким бременем на плечах государства. В то же время врачей, инженеров и молодых людей пытаются склонить к принятию советского гражданства, а отказывающихся подвергают аресту. В итоге сотни иранцев были обвинены в шпионаже и арестованы (их семьи были отправлены в Иран без средств к существованию), а определённое число сослано в Казахстан и Сибирь[11]. Последнее обстоятельство было, в известной мере, следствием позиции Ирана по отношению к своим подданным: им с трудом выдавали въездные визы[12], а процесс рассмотрения заявлений длился крайне долго.

Столь длительные сроки выдачи виз иранским подданным были обусловлены сложностью подтверждения иранского гражданства лиц, не имевших паспорта или обладавших паспортом старого образца, а также серьёзной загруженностью иранских консульских учреждений на территории СССР, которых после закрытия большинства консульств осталось только два – в Москве и в Баку. Затруднения вызывали и переговоры с советским правительством по поводу русских жён мигрантов. Кроме того, многие оказывались неспособны уплатить визовый сбор, составлявший 33 крана[13].

Свою роль играло и недоверие иранского правительства к иранцам, родившимся в СССР: считалось, что их мировоззрение уже «отравлено» коммунистической идеологией, поэтому они нуждаются в тщательной проверке. Так, после того как в 1937 году со-

ветское правительство позволило остаться в стране только тем иранцам, которые приняли или были готовы принять советское гражданство, иранский МИД рекомендовал иранскому кабинету министров разрешить репатриантам въезд в страну, поскольку среди них – немало квалифицированных специалистов нужных специальностей, а посол Ирана в СССР писал: «При тех силе и величии, коими обладает ныне государство шахиншаха, рассуждения о том, что, не дай Бог, среди мигрантов окажутся непорядочные люди, способные нанести вред, совершенно безосновательны. Предотвратить их потенциальные вредоносные действия для шахиншахских [компетентных] органов – дело совсем не сложное, и мы не должны по этой причине отворачиваться от трёх тысяч детей отечества, обратившихся к своему родному государству за помощью и покровительством, и отказывать в убежище на широких просторах шахиншахских владений тем, кто томится в огне несчастий»[14].

После начала реализации политики коллективизации и раскулачивания в 1928 году к депортируемым присоединилась очередная волна добровольных мигрантов. Упомянутая политика советского государства обусловила главную причину миграции. Среди других причин можно назвать преследование по религиозным и политическим мотивам. Таким образом на начальном этапе рассматриваемого периода наряду с традиционной экономической миграцией мы имеем дело с вынужденной миграцией, спровоцированной конфликтом.

Основными маршрутами перехода беженцев на северо-западе были: 1) через Аракс возле Джульфы или Худаафарина с последующим движением на Табриз, 2) переход в районе Билясувара с дальнейшим движением на Ардебиль, Мишкин, Халхал или Мугань. Позднее прибавился третий маршрут – через Турцию: сначала через мост Маркара (Маргара) в Турцию, а оттуда через Игдир и Байазид в Иран на Хой. Этот путь использовался в основном азербайджанцами («татарами-мусульманами»), но иногда и армянами, за которых поручились мусульмане или которые объявили себя мусульманами.

В районе Джульфы переход был практически невозможен из-за большой концентрации пограничников, глубины реки и наличия крутых, хорошо простреливаемых берегов. В районе Билясувара и Худаафарина мелководье и достаточно пологие берега создавали более благоприятные условия[15]. Что касается северо-восточной границы, то в рамках упомянутого архивного дела британские дипломаты её специально не рассматривают, однако в исследуемых документах среди пунктов перехода называются Лотфабад, Шамс-хан, Баджгиран, Гифан, Джуркалан, Келат, Серахс и Пол-е Хатун.

Если говорить о масштабах миграции, то данные предсказуемо расходятся[16]. Согласно меморандуму о беженцах из России в Иранский Азербайджан от 29 сентября 1931 года, подготовленному британским консульством в Табризе, отдельные группы начали переходить границу в последние месяцы 1929 года, однако активное движение началось в марте 1930 года. По сведениям британского консульства в Реште, с 1932 года шёл устойчивый поток «возвращенцев» из Баку, мусульман и армян, из числа тех, кто жил в Баку и был изгнан большевиками под предлогом того, что они иранские подданные, и из-за дефицита продовольствия.

Высокая миграционная активность наблюдалась и на северо-восточной границе. Так, по донесению британского консульства в Машхаде от 28 июля 1931 года, количество беженцев было столь велико, что дорожная полиция (*амнийе*) и армия не справлялись[17]. Согласно отчёту Х. Мирбадалева, за период с апреля 1932 года по 1 сентября 1934 года число беженцев, пересекших северо-восточную границу, составило 13 406 человек. При этом секретарь британского консульства в Машхаде майор Л.Дж. Хэмбер[18] пояснял, что речь идёт только о тех, кто зарегистрировался в Машхаде, и данные Мирбадалева не учитывают перешедших границу в Астрабаде и иных местах. Со своей стороны Хэмбер предлагает следующие данные за период с 1932 по 1934 год: туркмен и киргизов – 27 000, молокан – 2000, русских – 1000, кавказцев – 500 и евреев – 1000 (всего 31 500 человек)[19]. В то же время, по данным британского генкон-

сульства в Машхаде, в период с 15 февраля по 1 октября 1933 года с территории СССР в Хорасан перешло около 43 000 человек: 22 000 туркмен (5500 семей), 750 русских, 2000 молокан, 350 кавказцев, 18 000 персов, живших в Русском Туркестане[20].

Данные иранских официальных лиц, предоставленные ими британским дипломатам, заметно ниже оценок последних: так, по словам командующего хорасанским военным округом, в 1933 году в районе Астрабада и Хорасана перешло границу около 17 000 человек. В то же время эта цифра может отражать общее снижение числа беженцев, отмечаемое в разведсводке британского консульства в Машхаде за сентябрь 1933 года (после всплеска в первой половине 1933 года[21]). И действительно, на 31 марта 1934 года дипломаты упомянутого консульства констатируют, что число прибывающих в Машхад почти равно нулю, и называют для этого две главные причины. Во-первых, стабилизация продовольственной ситуации в Средней Азии. Советское правительство, чтобы сохранить рабочую силу в хлопководстве и снизить сопротивление коллективизации, было вынуждено улучшить условия хлопкоробов. Цена на хлеб снизилась до 3 рублей за 1 кг против 12 рублей в 1932-33 годах, его качество повысилось. Увеличилось денежное довольствие Красной армии, что способствовало укреплению дисциплины. Поэтому в отличие от начала 1933 года основную причину миграции уже составлял не голод, а политическая нестабильность. Во-вторых, усиление иранской пограничной стражи[22]: во второй половине 1933 года был создан особый погранполк[23], усилены военные посты[24].

Надо сказать, что СССР тоже планомерно занимался укреплением своей границы с Ираном. Так, летом 1932 года британские дипломаты получили данные о том, что советские пограничники расчистили значительные лесные массивы вдоль советско-иранской границы недалеко от Астары и установили там пулемёты, что заметно повысило число погибших при попытке перейти границу[25].

Укрепление иранцами своей границы преследовало ещё одну цель: исключить случаи преследования беженцев советскими пограничниками на территории Ирана. И действительно, подобное преследование для возвращения на родину с последующим заключением или расстрелом, либо убийства на месте, основанное на декрете Совнаркома 1927 года, стало одной из главных особенностей феномена миграции из СССР, на которую обратили внимание Т. Атабаки и Д. Волков в своей статье, посвящённой общим проблемам миграции из Советской России в Иран[26].

Однако, несмотря на все усилия иранцев, рейды советских пограничников на иранскую территорию продолжались на протяжении всего рассматриваемого периода, нередко приводя к перестрелкам, приносившим потери с обеих сторон[27]. 15 ноября 1931 года британское генконсульство в Машхаде сообщает, что советы подкупают пограничников, позволяющих им преследовать беженцев на иранской территории и заходить на глубину до 16 км. Приведём несколько примеров. В начале зимы 1929 года в иранскую деревушку Калате Ченар[28] пришли четверо беженцев: трое евреев (Абрам Давыдов из Ташкента, инкогнито из Одессы и некто Подольский из Москвы) и один туркмен. Через несколько дней в деревушку нагрянул взвод советских пограничников: троих вывели из дома и расстреляли, а Подольскому удалось сбежать – он сослался на плохое самочувствие и не сразу вышел из дома. Добравшись до Машхада, Подольский обо всём рассказал британскому генконсулу. По утверждению британских дипломатов, этих людей выдали иранские пограничники[29].

В сентябре 1931 года шестеро русских пересекли границу у Шамс-хана[30] в районе Дарегеза[31]. Советские пограничники преследовали их около 3 км на иранской территории, настигли и убили двоих, остальным удалось скрыться[32]. 31 октября 1931 года советский отряд, состоявший из 200 красноармейцев, провёл рейд на Гольхандан, находившийся в 8 милях от границы между Лотфабадом и Мохаммадабадом (= Дарегез), где в караван-сарае под охраной иранских военных расположилось 25 туркменских семей. В ходе рейда (красноармейцы пришли из Артыка через Заррикух) была ограблена деревня Кила Мир, убито несколько туркмен, пятеро взято

в плен. В столкновении с иранскими солдатами погибло пять красноармейцев и семь иранцев. На следующий день в 8 утра в деревню явились агенты ГПУ (18 туркмен), которые убили двух и похитили ещё двух человек, которых расстреляли у границы. Расследование этого инцидента по поручению иранского правительства, заявившего Москве протест, провёл командир лотфабадского гарнизона Буйук-хан[33], а также присланный из Тегерана следователь Расул-хан. Со своей стороны, генерал-губернатор Хорасана возложил вину на туркмен и курдов, действующих в качестве агентов ОГПУ[34].

В конце февраля 1936 года границу с Хорасаном пересекли 30 семей йомудов. Их преследовали советские военные, которые вторглись на иранскую территорию и убили двоих преследуемых. По факту инцидента генерал-губернатор Хорасана выразил протест советскому генконсулу в Машхаде[35].

7 сентября 1938 года (16 шахривара 1317 г.с.х.) губернатор Серахса[36] докладывал о том, что два дня назад в Ноурузабад Серахский[37] пришёл беглый советский солдат. При нём были лошадь, ружьё и граната. Его отправили в Серахс к пограничному комиссару. Вечером того же дня в Ноурузабад явилось восемь советских агентов, преследовавших солдата, которые увели с собой двух жителей Ноурузабада[38].

Поводом для преследования становились не только политические мотивы, но и обычный бандитизм со стороны беженцев[39]. Так, например, в августе 1932 года группа вооружённых азербайджанцев по пути в Иран ограбила русскую деревню, приведя с собой некоторое количество мулов и живого инвентаря. За ними в погоню были отправлены войска, потребовавшие от иранцев либо вернуть скот и мулов, либо вернуть беженцев. В случае отказа они обещали вторгнуться на иранскую территорию в поисках бандитов. Иранцы, желая избежать пограничного конфликта, нашли и вернули мулов и скот[40].

Что касается бандитских рейдов на территорию СССР, то в британских донесениях (например, в отчёте консульства в Табризе от 19 мая 1933 года) упоминалась версия, что иногда они были инспирированы самим советским правительством, опасавшимся скопления антисоветских элементов у своей границы и использовавшим эти рейды в качестве повода для требования о переселении беженцев вглубь страны. В качестве примера приводится рейд, проведённый группой из 16 человек, костяк которой составляли азербайджанцы (национальная принадлежность нескольких провокаторов-зачинщиков не указывается). Группа была снабжена оружием и деньгами и отправлена на территорию СССР. Советское посольство в Тегеране выразило протест, и на следующий день вышел приказ переместить всех беженцев из Азербайджана, особенно из Табриза. Советская сторона попыталась возложить вину за рейд на находящиеся в Иранском Азербайджане антисоветские элементы, особенно на «Дашнакцутюн». Но последние, зная о провокации, заранее предупредили армян, чтобы они не участвовали в этой «экспедиции»[41].

Здесь необходимо иметь в виду, что подавляющая масса мигрантов пересекала границу нелегально[42]. Часть из них не предполагала сдаваться властям. На северо-западной границе это были, в первую очередь, азербайджанцы, переходившие на территорию Ирана с семьями и всеми пожитками и предполагавшие через определённое время вернуться назад. Однако их, как правило, выявляли, задерживали и отправляли в Зенджан, Казвин, Мийане, Султуз и т. д. При этом некоторым удавалось пройти через Худаафарин и, не попавшись, остаться в исторической области Карадаг, а у кого-то получалось задержаться в районе Билясувара.

Эти нелегальные мигранты иногда переходили обратно на советскую территорию, где совершали налёты самостоятельно или присоединялись к местным бандам. Один из таких переходов весной 1932 года дал советским пограничникам повод для вторжения на иранскую территорию в районе Билясувара (и по донесениям на 25 мая 1932 года они продолжали находиться на иранской территории). Кроме того, британские дипломаты констатировали наличие среди пересекающих северо-восточную границу значительного числа криминальных элементов[43].

Как правило, первыми, с кем беженцам приходилось сталкиваться в процессе миграционного перемещения, были иранские пограничники, нередко позволявшие себе серьёзные злоупотребления по отношению к стремящимся перебраться на другую сторону границы[44]. В первую очередь это касалось денежных и имущественных поборов. Так, согласно донесению третьего секретаря Британской миссии в Тегеране Баска, совершившего поездку в Восточный Иран в апреле – мае 1932 года, командующий войсками восточного округа *сартип* Иредж-хан был совершенно коррумпирован: если у человека имелись ценности, в обмен на них он мог получить разрешение следовать дальше, в противном случае его продавали обратно советским пограничникам[45].

Например, в 1930 году двое беженцев, некие Бонкс и Борисов, перешли границу в районе Ширвана[46], имея при себе имущества на 10 000 туманов (1000 фунтов стерлингов). В Ширване начальник местной полиции (*назмийе*) обобрал их до нитки, а затем отдал приказ местной дорожной страже (*амнийе*) передать их советским пограничникам. И только благодаря случайным обстоятельствам им вместе с командиром дорожной стражи посчастливилось добраться до Кучана.

Двое других беженцев, оказавшихся в Ширване, имели при себе девять кусков каракуля стоимостью около 1 фунта каждый. Здесь их вынудили продать каракуль по 4 шиллинга, угрожая сдачей советским пограничникам. Полученных денег беженцам хватило до Кучана, а дальше им пришлось побираться. 27 октября 1931 года 30 туркмен вступили в бой с советскими пограничниками в районе Артыка и, понеся некоторые потери, пробились на иранскую территорию через Сафар-кала и Зарринкух. Здесь их разоружил глава лотфабадского гарнизона *солтан* Буйук-хан, забравший у них 14 ковров и разного рода драгоценности[47].

Однако иногда имели место и злоупотребления иного рода. Так, летом 1931 года около 50 молокан перешли границу в районе Келат-е Надери, но начальник погранпоста потребовал себе 16-летнюю дочь одного из молокан, угрожая задержать всех на месте. После отказа мигранты были арестованы на 2,5 месяца. Машхадская община молокан довела дело до генерал-губернатора провинции Хорасан: в итоге арестованных отпустили и разрешили следовать в Машхад. Кроме того, на октябрь месяц 1931 года в Буджнурде вот уже месяц находилась в заключении молоканская семья (два сына и две дочери 13 и 15 лет) за то, что родители отказались отдать своих дочерей иранским пограничникам[48].

(Окончание в следующем номере «Восточного архива»)

Примечания

[1] Подробнее об этом, а также библиографию вопроса см., например: *Atabaki T., Volkov D*. Flying Away From the Bolshevik Winter: Soviet Refugees across the Southern Borders // Journal of Refugee Studies. 2020. Vol. 34. No. 2. P. 1901-1902; *James M*. Глава 7. Mechanics Fleeing Communism: Russian Refugees in Iran and Their Resettlement in Australia, 1930–1955 // Восточные ветви российской диаспоры. Сквозь века и страны. М.: ИВ РАН, 2020. С. 190-97.

[2] Хайдар-ходжа Мирбадалев – туркмен, полковник царской армии (принял российское подданство в 1891 г.), драгоман в политическом агентстве Российской империи при дворе эмира Бухарского, сыграл большую роль в спасении последнего британского генконсула в Ташкенте полковника Ф. Бэйли во время Октябрьской революции 1917 года. Председателем Совнаркома Туркестанского края Ф. Колесовым был уполномочен на ведение переговоров с Бухарским эмиром во время событий весны 1918 года, однако, несмотря на успех миссии, был вынужден бежать в Афганистан, спасаясь от ареста большевиками. Позднее оказался в Иране, жил в Машхаде, был представителем «Российского общевойскового союза» и «Туркестанского повстанческого комитета» в этом городе. Бэйли характеризует его как начитанного и хорошо образованного человека, говорившего по-русски, по-турецки и немного по-персидски, предпочитающего проводить зимы в Крыму или на Ривьере. По словам Бэйли, Мирбадалев умер в Иране в 1938 году. Упомянутый отчёт Мирбадалева содержал нелицеприятные комментарии в адрес иранского правительства, поэтому автор

просил переправить его в Женеву по британским официальным каналам. Однако Форин-офис не удовлетворил его просьбу, поскольку посчитал текст критическим как по отношению к Ирану, так и по отношению к СССР: обе страны являлись членами Лиги Наций, поэтому утечка о канале переправки была крайне нежелательна, тем более что и сам Мирбадалев мог проговориться. См.: *Клемм, Вильям фон*. Очерк революционных событий в русской Средней Азии // Астана: Цифровая библиотека Казахстана. URL: https://biblio.kz/m/articles/view/ВИЛЬЯМ-ФОН-КЛЕММ-О-ЧЕРК-РЕВОЛЮЦИОННЫХ-СОБЫТИЙ-В-РУССКОЙ-СРЕДНЕЙ-АЗИИ-2021-03-12 (дата обращения 24.10.2024); История Российской внешней разведки. Т. II. 1917–1933 годы. М.: Международные отношения, 2014. С. 246; *Bailey F.M*. Mission to Tashkent. London: Jonathan Cape, 1946. P. 234-236; IOR/L/PS/12/3426. F. 13.

[3] См., например: *Рыбаковский Л.Л*. История и теория миграции населения. Книга третья. Теория трёх стадий миграционного процесса. М.: Экон-Информ, 2019.

[4] *Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л*. Жертвы времени: жизнь и судьба иранских политических деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период. М.: ИВ РАН; Издатель Воробьёв А.В., 2020. С. 17.

[5] Иранские неквалифицированные рабочие были вынуждены браться за работу, от которой отказывались местные жители из-за её тяжести и низкой оплаты. Грузчики получали от 15 до 20 рублей в месяц при 12-часовом рабочем дне. Неквалифицированные рабочие на рудниках получали до 20 до 25 рублей при 9–10-часовом рабочем дне. При этом шахтёры пользовались рядом льгот (бесплатное жильё, вода и бензин). Остальные были вынуждены снимать убогую хижину на окраине и жить по 10-15 человек. Подробнее см.: *Акаджари С.Х., Ахмади М., Рахманийан Д*. Зендеги-йе рузане-йе каргяран-е мохаджер-е ирани дар джонуб-е Кафказ. Моталеэ-йе моуреди: вазийат-е маскян (аз 1266 та 1332 камари / 1850 та 1914 милади) // Тахкикат-е тарих-е эджтемаи. 1402/2023. Т. XIII. № 2. С. 9-18; *Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л*. Жертвы времени. С. 28-31; *Байрами С*. Барраси-йе мохаджерат-е иранийан бе Русийе ва базгяшт-е анан бе кешвар пас аз энкелаб-е большевики // Моталеат-е тарихи. 1399/2020. Т. XVIII. № 69. С. 46; *Резапур А*. Аснад-и аз вазийат-е иранийан дар Кафказ ва амалькярд-е намайандегиха-йе Иран тей-йе сальха-йе 1323–1329 камари // Тарих-е равабет-е хареджи. 1392/2013. Т. XIV. № 54. С. 81-82.

[6] Ардебиль – город на северо-западе Ирана в исторической провинции Азербайджан (ныне – центр одноимённого остана), находился примерно в 40 км от границы.

[7] *Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л*. Жертвы времени С. 17-27; *Байрами С*. Барраси-йе мохаджерат-е иранийан бе Русийе. С. 44-45; *Малек-заде Э*. Мохаджератха-йе досуйе-йе иранийан ва кавказиха дар доуре-йе моасер (аз 1285 та 1320 х. ш.) // Аршив-е мелли. 1396/2017. Т. 3. № 1. С. 92; *Пурмохаммади Амлаши Н., Рахмани С., Хазани М*. Барраси-йе сийасат-е доулят-е Пахлави-йе авваль несбат бе базгяшт-е мохаджеран-е ирани аз Шоурави // Тарих-наме-йе Иран-е бад аз ислам. 1402/2023. Т. 14. № 36. С. 56-57; *Резаипур А*. Аснад-и аз вазийат-е иранийан дар Кафказ. С. 78-80; *Садат С.М., Нураи М., Мир-Джафари Х*. Барраси-йе табъид-е иранийан аз Шоурави тей-йе сальха-йе 1305–1320 ш. // Гянджине-йе аснад. 1392/2013. Т. XXIII. № 2. С. 23-25.

[8] *Байат К*. Мохаджерин-е шоурави: нохостин таджробе-йе панахандеги дар Иран // Гофтогу. 1374/1995. № 11. С. 7-9.

[9] Британский генконсул в Хорасане Баррет (C.C.J. Barrett) в консульском дневнике от 15 января 1931 года замечает, что подобного рода приказы приходят с определённой периодичностью, поэтому ожидать их полноценного исполнения не следует (IOR/L/PS/12/3406. Coll 28/10. Persia. Diaries; Meshed Consular Jany 1931 – May 1940. F. 647v).

[10] Конвенция была денонсирована 28 июля 1938 года. Текст см.: Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М.: МИД СССР, 1946. С. 182-187.

[11] *Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л*. Жертвы времени. С. 208-226; *Байат К*. Мохаджерин-е шоурави. С. 7-9; *Пурмохаммади Амлаши Н., Рахмани С., Хазани М*. Барраси-йе сийасат-е доулят-е Пахлави-йе авваль несбат бе базгяшт-е мохаджеран-е ирани аз Шоурави. С. 59; *Садат С.М., Нураи М., Мир-Джафари Х*. Барраси-йе табъид-е иранийан аз Шоурави. С. 34.

[12] В частности, отказывали заподозренным в связи с ОГПУ, находившимся в розыске в СССР за административные или уголовные преступления, а также жившим в полной нищете (IOR/L/PS/12/3426. F. 155).

[13] В этой связи посольство выделило на их содержание 4000 рублей и запрашивало в МИДе ещё 30 000 рублей. Со своей стороны МИД Ирана предложил выдавать таким гражданам, особен-

но находящимся в ссылке, бесплатные визы. Тем не менее, Министерство финансов в письме от 4 марта 1930 года (13 эсфанда 1308 г.с.х.) сообщало, что репатриация 2000 иранских граждан, находящихся в Гяндже, потребует 100 000 туманов, а также констатировало отсутствие подобных средств. Длительный срок выдачи визы посольством в Москве вынуждал многих отправляться без визы, за что им приходилось уплачивать штраф на границе. Поэтому было принято решение не штрафовать обладателей паспортов за отсутствие визы. При этом 26 мая 1938 года (5 хордада 1317 г.с.х.) генконсульство в Баку предлагало иранским пограничникам не допускать в страну лиц, не имеющих визы либо имеющих паспорт старого образца или испорченные документы. Между тем посол Ирана в СССР Мохаммад Саед в своём письме в МИД от 28 октября 1939 года (5 абана 1318 г.с.х.) предлагал иранскому правительству принять тактику Турции и Греции, которые с самого начала вели переговоры об освобождении своих арестованных подданных (ранее подобное предложение высказывал генерал-губернатор Гиляна). Например, турки направили в СССР несколько судов, а греки арендовали корабли у СССР, всем репатриированным было предоставлено жильё и работа. В итоге иранская дипломатия начала активнее вести переговоры об освобождении арестованных. Постановлением правительства от 13 августа 1939 года (21 мордада 1318 г.с.х.) на репатриацию иранцев было выделено 50 000 риалов (*Байрами С*. Барраси-йе мохаджерат-е иранийан бе Русийе. С. 54; *Пурмохаммади Амлаши Н., Рахмани С., Хазани М*. Барраси-йе сийасат-е доулят-е Пахлави-йе авваль несбат бе базгашт-е мохаджеран-е ирани аз Шоурави. С. 62-63, 66-67; *Садат С.М., Нураи М., Мир-Джафари Х*. Барраси-йе табъид-е иранийан аз Шоурави. С. 34).

[14] *Пурмохаммади Амлаши Н., Рахмани С., Хазани М*. Барраси-йе сийасат-е доулят-е Пахлави-йе авваль несбат бе базгашт-е мохаджеран-е ирани аз Шоурави. С. 68-69.

[15] IOR/L/PS/12/3426. F. 77, 109, 152, 155.

[16] Здесь, в частности, необходимо учитывать неравномерный характер миграционной активности в зависимости от времени года – по данным Мирбадалева, большинство перемещений происходило в марте-апреле, когда в СССР было хуже всего с едой и процесс перехода оказывался заметно проще (IOR/L/PS/12/3426. F. 11).

[17] IOR/L/PS/12/3426. F. 44, 152–153, 194. Увеличение потока беженцев на северо-восточной границе во второй половине 1931 года было во многом связано с туркменским восстанием, спровоцированным политикой советского правительства в области скотоводства.

[18] Майор (с 1940 г. подполковник) Л.Дж.У. Хэмбер (L.G.W. Hamber, род. 23 августа 1894 г.) окончил училище в Сэндхёрсте в 1914 году, участник Первой мировой войны. Занимал должность секретаря британского генерального консульства в Машхаде в период с 1931 по 1936 год, курировал советскую Среднюю Азию. Свободно владел русским языком, который имел возможность изучать во время своего пребывания на Кавказе и в Русском Туркестане в 1919 году, а также на армейских языковых курсах в Лондонском университете в 1925 году (будучи в Машхаде, изучил техническую терминологию русского языка). Был женат на русской, эмигрировавшей в Англию в 1924 году. Помимо русского, свободно владел урду, бегло говорил на непали, хорошо владел французским, персидский язык знал поверхностно (IOR/L/PS/12/945. Ext 4156/44 Leut Col L G W Hamber. F. 6).

[19] IOR/L/PS/12/3426. F. 10, 11v.

[20] При этом было приведено с собой животных: коров – 1500, овец – 12 000, верблюдов – 3500, ослов – 850 и лошадей – 500 – то, что осталось после конфискации по пути различными представителями властей. Молокане были размещены в районе Буджнурда и Сабзавара. 100 кавказцев были возвращены, а остальные расселены в деревнях в районе Тегерана и Казвина. Персы, большая часть которых происходила из Азербайджана, возвращены в родные места. 5000 туркменских семей было направлено в туркменские деревни, а остальные расселены по стране. Ок. 500 чел. погибло по прибытии в Иран (в основном из-за подорванного голодом здоровья) (IOR/L/PS/12/3426. F. 55–56). Ср.: IOR/L/PS/12/3406. F. 543.

[21] IOR/L/PS/12/3406. F. 546.

[22] В 1930 году СССР передало Ирану три ноты протеста с призывом к более тщательной охране границ (*Байат К*. Мохаджерин-е шоурави. С. 10). В свою очередь, британские дипломаты констатируют, что иранцы в целом разделяют опасения СССР по вопросу о беженцах, в связи с чем тоже пытаются укреплять границу со своей стороны (IOR/L/PS/12/3426. F. 99).

[23] Эти спецподразделения набирались из срочников, согласившихся на сверхсрочную службу, а также из местных жителей. Кроме того, осенью 1933 года 350 всадников из Буджнурдского кава-

лерийского полка отправились на охрану границы в районе Атрека, где недавно 5000 йомудов проникли в Иран после перестрелки с ОГПУ, в ходе которой они понесли серьёзные потери (IOR/L/PS/12/3426. F. 40–41).

[24] В своём отчёте от 19 мая 1934 года военный атташе британского диппредставительства в Иране майор Дж. Пайбас (G.D. Pybus) констатирует двойное усиление иранских пограничных постов в Лотфабаде, Шамс-хане, Баджгиране, Гифане, Джуркалане и Серахсе – официально в ответ на аналогичное усиление советских постов для пресечения контрабанды и потока беженцев. Очередное усиление советских и иранских погранпостов в районе Лотфабада, Шамс-хана и Дуругана в связи с активизацией контрабандистской деятельности имело место в середине 1936 года. Кроме того, новые кавалерийские посты на северо-восточной границе были созданы летом 1938 года. Тем не менее, потоки контрабанды были весьма значительными: так, например, по сведениям британского генконсульства в Машхаде на январь 1934 года, советский погранпост в Артыке ежедневно задерживал по несколько иранских контрабандистов, которые передавались пограничному комиссару в Лотфабаде. Тот же источник сообщает о том, что за последнюю неделю марта 1935 года из Ирана в СССР в районе Гифана было переправлено 6700 овец. Помимо этого, приграничные районы снабжались вооружением и боеприпасами. Так, 26 августа 1933 года в Машхад из Тегерана прибыло 12 грузовиков, доставивших 350 винтовок и 120 ящиков боеприпасов, 30 пулемётов, 40 лёгких автоматов, 3 полевые пушки, 4 упаковки оборудования связи. Однако данные, которыми располагали британские дипломаты, давали им основания предполагать, что несколько новых винтовок уже проданы в Афганистан через Кяриз (IOR/L/PS/12/3406. F. 181, 319, 434, 550; IOR/L/PS/12/3426. F. 4, 17v, 41).

[25] IOR/L/PS/12/3426. F. 18–20, 40, 96.

[26] *Atabaki T., Volkov D*. Flying Away From the Bolshevik Winter. P. 1902, 1908.

[27] Иногда представители местных советских руководящих органов предлагали обмен особенно ценных для них беженцев на иранских преступников, задержанных в СССР (*Азари Ш*. Мохаджерат-е атба-йе шоурави бе Иран (1297–1317 ш.) // Гянджине-йе аснад. 1372/1993. № 9. С. 3).

[28] В настоящее время находится в составе провинции Северный Хорасан Исламской Республики Иран.

[29] IOR/L/PS/12/3426. F. 98, 160, 170–171.

[30] В настоящее время деревня Шамс-хан находится в остане Хорасан-е Резави Исламской Республики Иран.

[31] Дарегез (бывш. Мохаммадабад) находится в 265 км к северо-западу от Машхада, недалеко от границы с Туркменистаном.

[32] IOR/L/PS/12/3426. F. 181–182.

[33] По данным одного из информаторов британского консульства в Машхаде, Буйук-хан за деньги выдавал туркменских беженцев советским пограничникам, а также занимался вымогательством (IOR/L/PS/12/3406. F. 575).

[34] IOR/L/PS/12/3406. F. 580; IOR/L/PS/12/3426. F. 124, 133, 141–142.

[35] IOR/L/PS/12/3426. F. 5.

[36] Город расположен на левом берегу пограничной р. Теджен напротив одноимённого туркменского поселения.

[37] Деревня Ноурузабад находится в 30 км к югу от Серахса на берегу р. Теджен.

[38] *Азари Ш*. Мохаджерат-е атба-йе шоурави бе Иран. С. 5.

[39] Например, за март 1927 года на территорию Азербайджанской ССР было совершено 17 налётов. В июне 1930 года советское правительство обвиняло персидские пограничные власти, «действующие в тесном контакте с белогвардейскими организациями в Персии», в создании «разбойничьих банд для налётов в глубь советской территории». В ряде случаев действия этих банд принимали диверсионный характер: привлекая на свою сторону местных бандитов, они разрушали участки железнодорожного полотна, а также пытались взорвать железнодорожные мосты. См.: Документы внешней политики СССР. Том. X. 1 января – 31 декабря 1927 г. М.: Политиздат, 1965. С. 249-251; Документы внешней политики СССР. Том XIII. 1 января – 31 декабря 1930 г. М.: Политиздат, 1967. С. 317, 322.

[40] IOR/L/PS/12/3426. F. 97. С другой стороны, судя по сообщениям британских дипломатов, среди иранских туркмен существовала практика использовать пастбища на советской территории для выпаса овец, что провоцировало злоупотребления с обеих сторон и, вероятно, создавало дополнительную лазейку для контрабандистов. Так, в мае 1934 года машхадское консульство сообщает, что из 40 000 овец, принадлежащих курдам из Баджгирана, Кучана и Дарегеза, назад вернулось лишь 75%, да и те были уже острижены; поэтому высказывалась необходимость искать

альтернативные пастбища в Иране. В конце 1934 или начале 1935 года в Иран перешла группа йомудов, приведшая с собой 6000 овец. Советскими пограничниками было убито двое туркмен. Иранская же сторона утверждала, что эти туркмены – иранские подданные, которые в 1934 году перебрались на советскую территорию в рамках сезонной перекочёвки и имеют право вернуться в Иран (IOR/L/PS/12/3406. F. 457–458, 503). При этом никаких ссылок на специальные правила перехода границы кочевниками со своими стадами, о наличии которых говорится в ст. 14 упомянутой выше Конвенции относительно перехода границы между СССР и Ираном, не приводится (Советско-иранские отношения. С. 187).

[41] IOR/L/PS/12/3426. F. 78–80. По данным британского консула в Табризе, дашнаки «подставили» советской разведке своего человека, которого те считали своим и через которого хотели получить данные о Равандузском маршруте. Однако главной задачей этого человека было передать советам дезинформацию и выведать планы ОГПУ через агентов последнего, работающих вдоль Равандузской линии (IOR/L/PS/12/3426. F. 80). См. также: История Российской внешней разведки. Т. III. 1933–1941 годы. М.: Международные отношения, 2014. С. 205. Со своей стороны, «к 1935 г. резидентуры в Иране сумели внедрить в руководящие центры дашнаков и мусаватистов более 10 агентов» (Там же).

[42] Среди репатриантов выбор нелегальной формы миграции в известной степени провоцировали действия советских пограничников, беззастенчиво грабивших покидающих страну иранцев и иногда даже заставлявших женщин снимать с себя украшения. Дело в том, что выезжающий не мог иметь с собой больше 75 руб., поэтому большую часть денег приходилось превращать в товары, а часть пытаться вывезти тайно. Со своей стороны, МИД Ирана в связи со значительным увеличением объёмов багажа мигрантов обратился в шахскую администрацию с предложением отменить таможенные сборы для таких лиц. Эта инициатива была поддержана Главным таможенным управлением. Консульским учреждениям на территории СССР было предписано выдавать мигрантам сопроводительный документ с описанием их багажа (*Байрами С*. Барраси-йе мохаджерат-е иранийан бе Русийе. С. 49-50; *Пурмохаммади Амлаши Н., Рахмани С., Хазани М*. Барраси-йе сийасат-е доулят-е Пахлави-йе авваль несбат бе базгашт-е мохаджеран-е ирани аз Шоурави. С. 64; IOR/L/PS/12/3406. F. 206).

[43] IOR/L/PS/12/3426. F. 40, 109–112, 157.

[44] Безнаказанность подобного рода злоупотреблений констатируется в обзоре о положении русских беженцев в Иране, подготовленном майором Хэмбером в 1931 году (IOR/L/PS/12/3426. F. 164, 174).

[45] IOR/L/PS/12/3426. F. 113. Сам Иредж-хан возлагал ответственность за выдачу информации о беженцах ОГПУ на агентов последнего в мигрантской среде (IOR/L/PS/12/3406. F. 578).

[46] Имеется в виду г. Ширван, ныне относящийся к провинции Северный Хорасан Исламской Республики Иран.

[47] IOR/L/PS/12/3426. F. 142v–143, 161, 171. Те, кому удавалось сохранить своё имущество (или его часть) после встречи с пограничниками или избежав встречи с ними, могли быть ограблены уже внутри страны. Такая участь, например, постигла двух богачей, не сумевших продать свои бриллианты в Реште и отправившихся в Тегеран. По дороге они были ограблены и вынужденно вернулись в Решт (IOR/L/PS/12/3426. F. 44).

[48] IOR/L/PS/12/3426. F. 163, 173.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-93-96

В.Г. Бухерт

К БИОГРАФИИ АКАДЕМИКА В.С. МЯСНИКОВА

Значительная часть жизни и творческой деятельности выдающегося отечественного историка, китаиста, академика Владимира Степановича Мясникова[1] связана с Институтом Дальнего Востока Академии наук СССР (Российской академии наук), где он сначала занимал должность учёного секретаря, а впоследствии возглавил Центр изучения и прогнозирования российско-китайских отношений («Россия – Китай») этого же института, где были написаны многие из его работ[2].

4 июня 1969 года директор Института Дальнего Востока АН СССР М.И. Сладковский[3] информировал вице-президента АН СССР академика А.М. Румянцева[4] о создании в руководимом им учреждении «в целях расширения исследований погранично-территориальных проблем Китая» сектора погранично-территориальных проблем КНР для изучения политики современного китайского руководства в территориальных вопросах, истории формирования территории и границ Китая на основе выявления и изучения документальных материалов и подготовки соответствующих монографических исследований, документальных сборников, статей, научных докладов, записок и справочных материалов «для директивных органов». Особо отмечалась необходимость изучения зарубежной литературы по пограничному вопросу для разоблачения «фальсификаций и враждебной пропаганды» в нём. Заведывание сектором было возложено на В.С. Мясникова, который в связи с этим освобождался от должности учёного секретаря Института Дальнего Востока АН СССР.

При подборе кандидатуры, конечно, учитывались личные качества Владимира Степановича, о которых писал в своих воспоминаниях академик Юрий Александрович Поляков[5]. В.С. Мясников, будучи по натуре «коммуникабельным», запомнился Ю.А. Полякову как человек «умный, энергичный, мобильный» и в то же время «очень спокойный, осторожный, объективный»[6]. Назначение на должность заведующего сектором делало необходимым присвоение ему звания старшего научного сотрудника, соответствующую письменную рекомендацию дал член-корреспондент АН СССР С.Л. Тихвинский[7]. В ней он, вслед за характеристикой основных опубликованных научных работ Владимира Степановича, писал, что в течении 1963–1968 гг. он «подготовил значительное количество закрытых материалов для директивных органов, в закрытых изданиях им опубликован ряд работ объёмом около 30 а. л.». В них он «выступает как квалифицированный китаевед, историк русско- и советско-китайских отношений».

В заключении С.Л. Тихвинский писал: «Глубокое знание русских и китайских источников, обширное использование отечественной и зарубежной литературы, научная основательность и политическая актуальность работ В.С. Мясникова, а также опыт его научно-организаторской работы позволяют говорить о нём как об одном из ведущих специалистов по истории русско-китайских отношений».

Назначение В.С. Мясникова заведующим сектором погранично-территориальных проблем КНР Института Дальнего Востока АН СССР не только стало признанием его заслуг, но и открыло новый этап в его научной деятельности.

№ 1

М.И. Сладковский – А.М. Румянцеву

4 июня 1969 г.

Вице-президенту Академии наук СССР

академику Румянцеву А.М.

Глубокоуважаемый Алексей Матвеевич!

В целях расширения исследований погранично-территориальных проблем Китая Институт Дальнего Востока АН СССР создал сектор погранично-территориальных проблем КНР, основными задачами которого должны являться:

– Изучение политики группы Мао Цзэдуна[8] в территориальных вопросах;

– Изучение политики КНР по пограничным вопросам;

– Изучение истории формирования территории и границ Китая;

– Изучение документальных материалов, договоров, соглашений и подготовка по указанному кругу проблем монографических исследований, документальных сборников, статей, научных докладов, записок и справочных материалов для директивных органов;

– Изучение зарубежной литературы по пограничному вопросу и разоблачение фальсификаций и враждебной пропаганды в этом вопросе.

Заведующим Сектором погранично-территориальных проблем прошу назначить кандидата исторических наук Мясникова Владимира Степановича, освободив его от обязанностей учёного секретаря с 28 мая 1969 года.

Временное исполнение обязанностей учёного секретаря Института возложено на старшего научного сотрудника тов. Феоктистова Виталия Фёдоровича[9] с 28 мая 1969 года.

Директор ИДВ АН СССР

д. э. н., профессор М.И. Сладковский

АРАН. Ф. 411 (Управление кадров Российской академии наук). Оп. 58. Д. 3145. Л. 35. Машинопись, подпись – автограф. На бланке Института Дальнего Востока Академии наук СССР.

№ 2
Рекомендация

[1969 г.]

Занимаясь разработкой сложных и актуальных вопросов истории русско-китайских отношений, кандидат исторических наук Мясников Владимир Степанович зарекомендовал себя серьёзным и работоспособным исследователем. В период работы в Институте китаеведения АН СССР, в Отделе Китая Института народов Азии АН СССР, в Отделе истории ИЭМСС АН СССР, а затем в Институте Дальнего Востока АН СССР тов. Мясников В.С. ведёт большую работу по изучению истории межгосударственных отношений России с Китаем.

В 1956–1959 гг. тов. Мясников В.С. являлся одним из составителей двухтомника документов по истории русско-китайских отношений в XVII в. (объёмом 85 а. л.), для которого им написаны историческое введение и комментарии (7 а. л.) В настоящее время 1-й том готовится к публикации в издательстве «Наука»[10]. В 1958 г. тов. Мясников В.С. опубликовал (совместно с П.Е Скачковым[11]) документальный сборник «Русско-китайские отношения 1689–1916»[12] (10,5 а. л.), являющийся первым в советском источниковедении сводным трудом, обобщившим документальные материалы за весь период взаимоотношений царской России с Китаем. Научная ценность этой работы заключается не только в том, что она исправила существенные недостатки прежних публикаций, но и позволила по-новому прочитать, например, такие важные документы, как Айгунский договор[13] России с Китаем. Эта работа является ценным пособием и для практических работников внешнеполитических учреждений. Она получила положительные оценки на страницах советских и зарубежных научных журналов.

Новым и весьма важным источником по истории тайпинской революции в Китае явилась опубликованная в 1958 г. (в соавторстве с П.Е. Скачковым) книга «Пекин в дни тайпинского восстания»[14] (20 а. л.); В.С. Мясникову удалось расшифровать дневниковые записи члена Русской духовной миссии в Пекине, известного китаеведа К.А. Скачкова[15], которые освещают начальный этап восстания тайпинов и обстановку в правительственном лагере при подходе к Пекину армии повстанцев. Эта работа сообщает уникальные сведения о военных операциях тайпинов и настроениях жителей китайской столицы, симпатизировавших повстанцам.

В 1966 г. В.С. Мясниковым издана работа (совместно с Н.Ф. Демидовой[16]) «Первые русские дипломаты в Китае»[17] (10 а. л.), посвящённая анализу статейных списков первых русских послов в Китай И. Петлина[18] и Ф.И. Байкова[19]. Эта работа позволяет по-новому понять историю этих посольств и их значение как в становлении русско-китайских связей, так и в ряду русских географических открытий на Дальнем Востоке. Автором удалось установить и объяснить происхождение различных редакций отчётов русских послов, побывавших в столице Китая. Эта работа заложила основу для дальнейшей углублённой разработки истории ранних русско-китайских отношений.

В течении 1963–1968 гг. В.С. Мясников подготовил значительное количество закрытых материалов для директивных органов, в закрытых изданиях им опубликован ряд работ объёмом около 30 а. л. В закрытых работах В.С. Мясников выступает как квалифицированный китаевед, историк русско- и советско-китайских отношений.

Глубокое знание русских и китайских источников, обширное использование отечественной и зарубежной литературы, научная основательность и политическая актуальность работ В.С. Мясникова, а также опыт его научно-организаторской работы позволяют говорить о нём как об одном из ведущих специалистов по истории русско-китайских отношений.

Рекомендую присвоить тов. Мясникову В.С. звание старшего научного сотрудника

Доктор исторических наук,

Профессор С. Тихвинский

АРАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 3145. Л. 25–27. Машинопись, подпись – автограф.

Примечания

[1] Мясников Владимир Степанович (р. 1931 г.) – историк, востоковед, китаист, академик РАН (с 1997 г.). См. о нём: Восток-Россия-Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001; Мастера русской историографии: Владимир Степанович Мясников. Публ. А.А. Чернобаев // Исторический архив. 2006, № 4. С. 69-84; Владимир Степанович Мясников: [Биобиблиографический указатель]. М., 2003; В потоке научного творчества. К 80-летию академика В. С. Мясникова. М., 2011.

[2] *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Изд. 2-е, доп. Хабаровск, 1987; *Он же.* Кастальский ключ китаеведа / Сочинения. М., 2014. Т. 1-7; *Он же*. Китай – катящийся камень. М., 2018 и многое др.

[3] Сладковский Михаил Иосифович (1906–1985) – экономист-востоковед и китаевед, директор Института Дальнего Востока АН СССР (1966–1985), чл.-корр. АН СССР (с 1972 г.).

[4] Румянцев Алексей Матвеевич (1905–1993) – экономист, академик (с 1966 г.), вице-президент (1967–1971) АН СССР.

[5] Поляков Юрий Александрович (1921–2012) – историк, академик РАН (с 1997 г.)

[6] *Поляков Ю.А.* Минувшее. Фрагменты. Воспоминания историка. Изд. 2-е. М., 2011. С. 294, 399.

[7] Тихвинский Сергей Леонидович (1918–2018) – историк, чл.-корр. (с 1968 г.), академик (с 1981 г.) АН СССР.

[8] Мао Цзэдун (1893–1976) – китайский политический и государственный деятель, председатель ЦК КПК (с 1943 г.), председатель Центрального народного правительственного совета КНР (1949–1954), председатель КНР (1954–1959).

[9] Феоктистов Виталий Фёдорович (1930–2005) – китаист, историк философии.

[10] Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1.

[11] Скачков Пётр Емельянович (1892–1964) – китаевед, ст. научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1956 г.).

[12] Русско-китайские отношения 1689–1916: Официальные документы. М., 1958.

[13] Айгунский договор – договор между Россией и Китаем, подписанный 16 (28) мая 1858 г., устанавливающий границу по р. Амуру

[14] *Скачков К.А.* Пекин в дни тайпинского восстания: Из записок очевидца. М., 1958.

[15] Скачков Константин Андрианович (1821–1883) – учёный и дипломат, китаевед.

[16] Демидова Наталья Фёдоровна (1920–2015) – историк, архивист, ст. научный сотрудник ЦГАДА (РГАДА) (1946–1964), ГИМ (1964–1967), Института Дальнего Востока АН СССР (1967–1976), Института истории СССР АН СССР (1976–1992), гл. специалист РГАДА (1992–2001).

[17] *Демидова Н.Ф.* Первые русские дипломаты в Китае: («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М., 1966.

[18] Петлин Иван (?–?) – томский сибирский казак, первый русский посланник в Китай с официальной миссией (1618–1619).

[19] Байков Фёдор Исакович (около 1612–1663 или 1664) — русский государственный деятель и путешественник, дипломат, посол.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-97-107

А.Е. Локшин

ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА (1967 Г.) НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Результаты шестидневной войны (5–10 июня 1967 г.) – масштабного военного конфликта Израиля с Объединенной Арабской Республикой, Сирией и Иорданией – кардинально изменили обстановку на Ближнем Востоке. Израиль захватил обширные территории арабских государств: Западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим, Синайский полуостров, Газу и Голанские высоты. Сотни тысяч палестинцев стали беженцами. Агрессия Израиля вызвала решительное осуждение Советского Союза, который разорвал с ним дипломатические отношения. СССР потребовал полного и немедленного вывода израильских войск с оккупированных территорий, решения проблемы палестинских беженцев, а также обеспечения права всех государств на независимое существование и безопасность. После длительных дебатов Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 242, в которой указывалось на недопустимость захвата территорий в ходе войны, подтверждалась приверженность к достижению справедливого и прочного мира в регионе на основе вывода израильских войск с оккупированных территорий, прекращение состояния войны и признание за всеми государствами Ближнего Востока территориальной целостности и политической независимости, права жить в мире в безопасных и признанных границах.

Арабо-израильская война 1967 года – крупнейший после окончания Второй мировой войны вооруженный конфликт – вызвал достаточно острую реакцию в Советском Союзе, как в руководстве, так и в обществе. Вслед за разрывом дипотношений с Израилем в советских масс-медиа усилилась антисионистская и антиизраильская пропагандистская кампания. Эта тема получила широкое отражение и в советской карикатуре того времени[1].

Введение. Краткий обзор источников

Источниковой базой при написании статьи послужили главным образом документы из российских и израильских архивов. Это в основном Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Государственный архив Израиля (ISA).

В статье рассматривается отношение населения страны к политике советского правительства на Ближнем Востоке в связи с арабо-израильской войной в июне 1967 года, анализируется реакция руководства Советского Союза на ряд публикаций в периодической печати об этом военном конфликте.

Основные источники статьи – донесения, информационные письма, направленные в ЦК КПСС столичными и региональными партийными комитетами. В них находим сведения о настроениях трудящихся в связи с событиями на Ближнем Востоке, о митингах и демонстрациях против израильской агрессии, обширные фрагменты из многочисленной корреспонденции с мест в адрес газет «Правда» и «Известия». Информация о содержании избранных писем читателей приводилась в обзорах, что направлялись в ЦК главными редакторами центральных органов печати.

Одна из особенностей указанных источников состоит в том, что прежде чем оказаться в распоряжении властных структур, информация должным образом готовилась и редактировалась в соответствии с взглядами высшего руководства. Предоставлялись прежде всего и главным образом те сведения, что желали видеть на Старой площади; иная информация либо не приводилась, либо подавалась в усечённой форме и интепретировалась как маргинальная.

Новые возможности для исследователей предоставляют и дипломатические докумен-

ты. Среди них – послания председателя Совмина СССР А.Н. Косыгина и премьер-министра Израиля Л. Эшкола от 5 июня 1967 года. Советский лидер осуждал «вероломное нападение» Израиля на ОАР и указывал на возможные последствия. Эшкол выражал уверенность в том, что СССР «в этот час испытаний отнесется с пониманием и братским чувством к еврейскому народу». Среди источников – телеграмма МИД СССР в посольство СССР в Израиле от 7 июня, в которой указывалось, что «Советский Союз пересмотрит своё отношение к Израилю и примет решение, касающееся дальнейшего поддержания дипломатических отношений с Израилем»[2]; телеграмма МИД послу СССР в Израиле Д.С. Чувахину и его телеграммы в МИД от 5, 6 и 7 июня, а также публиковавшаяся ранее нота правительства СССР правительству государства Израиль от 10 июня 1967 года. В ней заявлено, что «ввиду продолжения агрессии со стороны Израиля против арабских государств и грубого нарушения им решений Совета Безопасности правительство Союза ССР приняло решение о разрыве дипломатических отношений Советского Союза с Израилем»[3]. Целый ряд материалов впервые вводится в научный оборот.

Дипломатическая переписка даёт представление об обстановке в посольствах двух стран накануне и сразу после разрыва отношений. Это телеграмма МИД СССР в советское посольство в Израиле за подписью министра иностранных дел А.А. Громыко с призывом к сотрудникам советской миссии «проявить выдержку, твёрдость и спокойствие»[4]. Среди прежде не известных исследователям источников – телеграмма от 10 июня, дня, когда было заявлено о разрыве дипотношений, посла Израиля в СССР А. Каца генеральному директору МИД А. Левави. В телеграмме сообщалось «о не прекращающихся демонстрациях», о том, что «вокруг посольства собираются люди и толпа становится всё больше и больше»[5]. Нельзя обойти вниманием и памятную записку первого секретаря посольства Израиля в СССР, представителя Бюро по связям с евреями в Советском Союзе Д. Бартова, направленную в эту организацию 23 октября 1967 года. В записке, как сообщал её автор, реконструируется обстановка накануне и в момент разрыва отношений, отъезд из СССР сотрудников посольства[6]. Представляет интерес и статья 1994 года советского посла в Израиле Д.С. Чувахина. Он писал о своих впечатлениях от встречи с министром иностранных дел А. Эбаном при вручении ноты о разрыве дипотношений, о настроениях сотрудников посольства, о беседе по возвращению на Родину с А.А. Громыко, о не состоявшемся в конце мая 1967 года визите в Москву премьер-министра Л. Эшкола[7].

Обращение к дипломатической переписке тех дней позволяет лучше представить некоторые характерные аспекты и особенности советско-израильских отношений, общественно-политическую атмосферу и настроения в правящих кругах двух стран.

Почти все из указанных выше документов впервые опубликованы в двух книгах второго тома совместного издания, предпринятого министерствами иностранных дел Российской Федерации и Государства Израиль в 2023 году[8]. В издание вошли документы за период с 1954 по 1967 год. Публикация приурочена к 75-летию установления дипломатических отношений между СССР и Израилем и явилась продолжением первого совместного издания 2000 года. Тогда вышли две книги первого тома советско–израильских отношений за период 1941–1953 гг.[9].

Для изучения вопросов, заявленных в статье, потребовалось обратиться к официальным документам СССР по ближневосточному кризису, в которых декларировалась и обосновывалась политика Советского Союза в этом регионе. Это прежде всего постановление, принятое июньским 1967 года пленумом ЦК КПСС, в котором указывалось, что «агрессия Израиля – это результат заговора наиболее реакционных сил международного империализма, и в первую очередь США <…> направленного против передовых арабских государств <… >»[10]. Установки пленума определяли всю масштабную агитационно-пропагандистскую кампанию того времени.

«Настроения трудящихся» фиксировались в донесениях, информациях, справках, письмах и других документах, составленных

в аппарате столичных и региональных партийных руководителей, отделах писем центральных газет. Как отмечалось, вся информация предоставлялась в распоряжение ЦК КПСС. В этих материалах в основном идёт речь о коллективных акциях протеста против израильской агрессии, организованных по инициативе местных властей, очевидно, по указанию вышестоящего руководства. В направленных в Москву материалах часто приводились отрывки из выступлений участников тех мероприятий. Все эти документы относятся к концу июня – первой половине июля 1967 года.

Порядок информирования руководства страны об общественных настроениях, зафиксированных, в частности, и в письмах в центральные органы печати, не являлся чем то новым. Напротив, это была обычная, рутинная, устоявшаяся десятилетиями практика взаимоотношений между властью и обществом, когда вслед за каким-либо заметным общественно-политическим событием в стране и мире в редакции газет «Правды» и «Известий», в центральные органы власти шли потоки писем из многих республик и областей. Их авторы «не могли молчать», выражая своё отношение к происходящему. Что касается израильской и еврейской тематики, бурной оказалась реакция населения на сообщения об аресте «убийц в белых халатах» – кремлевских врачей в январе 1953 года, а затем об их невиновности и освобождении в апреле того же года[11], на «суэцкий кризис» осенью 1956 года и «шестидневную войну» в июне 1967 года.

В справках в ЦК КПСС главных редакторов «Правды» и «Известий» сообщалось о многочисленных письмах читателей, полученных редакциями центральных газет в связи с агрессией Израиля. Только в адрес «Известий» направлено в те дни свыше 400 писем. В справке главного редактора «Известий» Л. Толкунова в представленном обзоре почты письма были разделены на несколько групп, в зависимости от содержания. Это, по-первых, «патриотические отклики на позицию Советского Союза в ближневосточном конфликте». Они составляли, как замечал главный редактор, свыше 60% всей почтовой корреспонденции. Другая группа – «анонимные послания в поддержку экстремистских устремлений Израиля», их общее число «невелико». Среди почты оказалось и несколько писем «явно антисемитского содержания». Наконец, были и письма, авторы которых требовали «занять более жёсткую позицию в отношении Израиля»[12].

Основное внимание в справках уделялось корреспонденциям, в которых одобрялась и поддерживалась политика советского правительства на Ближнем Востоке. Приводились обширные цитаты из этой группы писем. Содержание же корреспонденций, как и зафиксированных разговоров и высказываний граждан, отличавшихся от официальной линии партии, часто не раскрывалось, а цитаты из них, как правило, в справки не включались. Это несмотря на то, что фактически все документы, что направлялись на Старую площадь, в ЦК, имели гриф «секретно». Впрочем, некоторое внимание иной, инакомыслящей корреспонденции власти всё же уделяли. В основном, это были письма, авторы которых настаивали на ужесточении внешнеполитичекого курса и прямом военном вмешательстве СССР в арабо-израильский конфликт.

В донесениях с мест нередко приводился и перечень характерных вопросов, что часто задавались лекторам и пропагандистам из Всесоюзного общества «Знание» о событиях на Ближнем Востоке, реакции на них в СССР и в мире. Подготовленные лекторской группой Центрального Комитета типовые ответы в виде «Информационного бюллетеня» рассылались в партийные организации страны.

Ещё один симптоматичный и информативный источник – комплекс документов, включающий сообщение в ЦК председателя Комитета государственной безопасности Ю.В. Андропова о статье в газете Армянского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом; отчёт, направленный в отдел пропаганды ЦК и.о. обязанности главного редактора «Литературной газеты» А. Тертеряна об ошибке, допущенной редакцией – публикации фотоснимка выпущенной в ФРГ медали с изображением М. Даяна; письмо в ЦК из отдела пропаганды по этому

вопросу с проектом и самим постановлением секретарната ЦК КПСС «О грубой ошибке, допущенной в “Литературной газете”»[13]. Эти материалы позволяют лучше понять опасения, а подчас и страхи советского руководства, возникавшие в связи с публикациями в прессе некоторых статей и фотоснимков[14]. Эти документы относятся к середине июня – концу июля 1967 года, через месяц после Пленума ЦК КПСС, посвящённого политике СССР на Ближнем Востоке.

«Широкий размах… движения протеста…»

Пленум ЦК состоялся 21 июня 1967 года. В его постановлении указывалось, что «агрессия Израиля – это результат заговора наиболее реакционных сил <…> направленного против одного из отрядов национально-освободительного движения, против передовых арабских государств <…>. Позиция нашей партии и советского правительства, их практические шаги в связи с событиями на Ближнем Востоке получили полную поддержку всего советского народа». Пленум указал, что и в дальнейшем «необходимо укреплять дружбу и сплочённость между Советским Союзом и арабскими государствами <…>»[15]. Это постановление пленума, его положения и установки стали основой идеологической работы среди населения, критерием при оценке общественных настроений, публикаций в центральных и региональных СМИ.

Рассмотрим некоторые донесения и письма в ЦК КПСС, направленные столичным и региональным партийным руководством. Уже на третий день после окончания войны, 14 июня 1967 года, заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Н. Вороновский отправил под грифом «секретно» донесение «О митингах протеста против израильской агрессии на Ближнем Востоке». Он сообщал, что «движение протеста против израильской агрессии <…> за последние дни приобрело широкий размах. Повсюду продолжают проходить многочисленные митинги и собрания трудящихся. В Алтайском крае общее число участников митингов превысило 520 тыс. человек, во Владимирской области – 200 тыс., Кемеровской – 420 тыс. В ряде случаев митинги, – продолжал он, – выливаются в мощные демонстрации, охватывающие большие массы людей. В Калинине (ныне г. Тверь. – *Авт.*) десятки тысяч горожан колоннами прошли по центральным улицам города с лозунгами: “Позор израильским агрессорам”, “Требуем отвода израильских войск за линию перемирия!”, “Мы с вами, народы Арабского Востока!”, “Политику Советского правительства поддерживаем!”. Затем на центральной площади состоялся общегородской митинг»[16]. Из того же пространного донесения следовало, что в г. Иваново прошёл двадцатипятитысячный митинг.

Вороновский также не преминул отметить, что на каждом митинге и собрании трудящиеся горячо выступают в поддержку мер по пресечению израильской агрессии и сохранению мира. Он привел слова из выступлений на митинге рабочего коллектива прядильно-ткацкой фабрики в г. Фрунзе (ныне Бишкек. – *Авт.*) слесаря Шарымбаева, заявившего, что правительство может рассчитывать на всенародную поддержку в благородном стремлении «защитить правое дело», и станочницы мебельной фирмы из Крыма Фетисовой, которая сказала: «Я как мать от имени всех матерей выражаю протест против агрессии Израиля. У нас свежи в памяти ужасы прошедшей войны, и мы не хотим, чтобы эти ужасы повторились»[17]. В том же документе подчеркивалась готовность советских людей всячески помочь арабским народам в их борьбе с агрессором. Так, рабочие и инженеры Тюменского завода строительных машин взяли на себя обязательство выполнить заказы по изготовлению продукции для Сирии и Иордании намного раньше намеченных планом сроков. Трудящиеся полны решимости сделать всё для предотвращения новой мировой войны, приняли дополнительные обязательства по увеличению экономического могущества и обороноспособности страны. Например, рабочие Петровск-Забайкальского металургического завода Читинской области заявили, что горды тем, что выданные ими сверхплановые сталь и прокат ещё больше укрепят обороноспообность Родины. В этом они видели свой патриотический и интернациональный долг.

В своём донесении в ЦК Вороновский обращал внимание ещё на одно важное свидетельство патриотизма советских людей. В информации от партийных комитетов Приморского края, Кемеровской, Харьковской, Владимирской, Ивановской областей и ряда других мест сообщалось о том, что «многие советские люди изъявляют желание, если потребуется, пойти добровольцами, с оружием в руках защищать свободу арабских народов»[18]. Об этом писали в многочисленных обращениях советские граждане с выражением готовности отправиться в качестве добровольцев на Ближний Восток: «Я хочу последнюю свою кровь отдать ради справедливого дела» (письмо из Ростова-на-Дону); «готов поехать на защиту арабов» (письмо из Пермской области); хочу помочь раненым и больным и прошу направить в Египет (врач из Краснодарского края). Эти обращения невольно заставляют вспомнить о реакции Советского Союза на суэцкий кризис – агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта в октябре 1956 года. Заявление ТАСС содержало предупреждение о том, что если эти страны «не выведут все свои войска с территории Египта <…> то соответствующие органы Советского Союза не будут препятствовать выезду советских граждан-добровольцев, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа за его независимость»[19].

Вороновский особо указывал на то, что «обстановка на местах деловая, спокойная, каких-либо случаев паники, очередей за товарами первой необходимости не наблюдается»[20].

В направленной в ЦК информации столичного партийного руководства «О митингах протеста трудящихся Москвы против израильской агрессии» отмечалось, что «на заводах, фабриках, стройках, в учреждениях столицы проходят многолюдные митинги. Москвичи <…> выражают солидарность с народами ОАР, Сирии и других арабских государств, требуют немедленного вывода израильских войск с оккупированных территорий. Митинги протеста состоялись на заводах “Динамо” им. Кирова, “Красный богатырь”, Втором московском часовом заводе, Институте физической химии АН СССР, Институте тонкой химической технологии и других предприятиях и учреждениях». Слесарь-сборщик завода имени Владимира Ильича т. Кожемякин сказал: «немедленно и любыми силами надо помочь арабским странам выбросить израильскую нечисть с их территорий»[21].

В акциях протеста приняли участие и представители творческой интелигенции Москвы, деятели искусства, выступившие с решительным осуждением агрессивных действий Израиля.

Из «памятной записки» израильского дипломата Д. Бартова, о которой уже шла речь в начале статьи, можно понять, как виделись те события из окна израильского посольства в Москве. Он утверждал, что решение о разрыве отношений советское руководство приняло ещё до начала войны, которая «лишь стала катализатором разрыва отношений»[22]. Однако Бартов так и не сумел назвать ни одного факта в пользу этого мнения.

По информации иностранных журналистов, писал Бартов, советские власти якобы согласились на организацию арабских студенческих демонстраций напротив израильского посольства, а также у дипмиссий США и Великобритании. «В МИД СССР было направлено предупреждение, что правительства США и Великобритании воздержатся от нормальных контактов с Москвой, если их дипмиссиям будет причинён ущерб»[23]. Тем не менее, демонстрации арабских студентов дошли до дипмиссий этих стран, как вспоминал Бартов, но не до посольства Израиля. И в этих действиях была своя логика. Дело в том, что «арабские страны не признают Израиль. В их понимании эта страна вообще не существует». А как можно проводить демонстрацию против несуществующей страны? Некоторые студенты всё же бросили несколько камней в сторону израильтян. «Однако эти студенты не были организованы, и их акция проходила без ведома советских властей. Кроме того, адрес посольства Израиля им не был известен»[24]. Бартов также писал о «чётко и хорошо организованной» 10 июня демонстрации московских рабочих перед израильским посольством, в которой участвовали порядка 300–400 человек. «Они начали выкри-

кивать оскорбления в адрес Израиля и прикрепили к воротам дипмиссии плакат “Долой израильских империалистов!”. Иностранные журналисты сообщали, что участниками демонстрации были рабочие автомобильного завода им. Лихачева. Во время демонстрации, вспоминал Бартов, в посольство поступил телефонный звонок от заместителя начальника отдела Ближнего Востока В.И. Корнева с требованием «немедленно спустить флаг Израиля <…> поскольку он усиливает гнев демонстрантов <…>. После спуска флага толпа демонстрантов рассеялась, однако подразделения милиции и армии <…> оставались у посольства вплоть до нашего отъезда»[25]. Он сообщал о приветствиях группой еврейской молодежи израильских дипломатов 5 июня во время посещения ими концерта певицы А. Гузик и 18 июня 1967 года в аэропорту во время отъезда из СССР.

Д. Чувахин после возвращения был принят А. Громыко, который спросил, нужно ли было приглашать премьер-министра Эшкола для переговоров о мирном урегулировании конфликта. Получив утвердительный ответ, министр заметил, что это решение должны были согласовать в Каире и Дамаске. Президент Египта не возражал, но Сирия была против. В результате в Москве решили не приглашать. «Нам не следовало бы прислушиваться к мнению сирийцев», – сказал Громыко. Он «признал ошибку советской дипломатии в этом вопросе», но «прямо этого не сказал». Переговоры советского руководства с Эшколом «могли бы коренным образом изменить обстановку на Ближнем Востоке»[26], – писал Чувахин.

Однако вернёмся к анализу сведений, которые находим в ряде донесений и информационных письмах в ЦК КПСС. Из них следует, что в ряде других городов в митингах протеста приняли «участие и студенты из арабских стран, обучающихся в СССР. В своих публичных выступлениях они выражали своё удовлетворение политикой и действиями Советского правительства, высоко оценивали помощь нашей страны <…> арабским народам». Приводились слова, сказанные иракским студентом на митинге в Калинине: «Арабский народ <…> выбрал свой путь свободы и независимости. Ни США с их самолетами и шестым флотом, ни израильские танки не смогут его заставить свернуть с этого пути»[27].

В информациях с мест затрагивался и вопрос о настроениях еврейского населения в Советском Союзе, его реакции на войну на Ближнем Востоке. В уже цитированном донесении отмечалось: «Большинство лиц еврейской национальности придерживаются правильных взглядов на происходящие события и вместе со всеми поддерживают политику и действия советского правительства»[28]. Об этом сообщалось и в донесении Хабаровского крайкома партии: «Все трудящиеся еврейской национальности, выступавшие и присутствовавшие на митингах, единодушно и гневно осуждали агрессивные действия Израиля и одобряли меры Советского правительства»[29].

В «Информации» секретаря Челябинского обкома КПСС Н. Родионова обращалось внимание на то, что в высказываниях некоторых «лиц еврейской национальности проявляется беспокойство» в связи с войной на Ближнем Востоке. Многие евреи «в развязывании провокационных военных действий обвиняют американцев и правительство Израиля <...> считают, что события на Ближнем Востоке принесут страдания евреям – трудящимся Израиля. Израиль повсюду войну проиграет»[30].

Но вместе с тем, согласно донесениям в Москву партийных органов из Белоруссии, Эстонии, Узбекистана и Казахстана, «среди некоторой части еврейского населения имеются сионистские настроения. Отдельные лица в личных беседах и даже публично одобрительно отзываются о действиях израильских агрессоров, выражают готовность сделать пожертвования в их пользу, огорчаются потерями израильских войск». Всё тот же заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК Н. Вороновский сообщал, что, согласно информации полученной из Эстонии, 10 июня в Нарвский горком партии пришел рабочий Прибалтийской ГРЭС Иоффе «с целью заявить, что считает действия Израиля справедливыми, так как Израиль строит социализм, и мы, мол, зря его не поддерживаем»[31].

В тех же материалах указывалось, что «каких-либо нежелательных проявлений по отношению к евреям со стороны населения на местах не наблюдается»[32].

Родионов отмечал, что «абсолютное большинство трудящихся Челябинской области в своих личных высказываниях полностью одобряют и поддерживают действия Советского правительства, направленные на прекращение агрессии Израиля». Сообщал он и о 32 митингах на Магнитогорском металлургическом комбинате, в которых приняли участие семь тысяч и выступили 118 человек, а также о митингах на Челябинском тракторном заводе, Электрометаллургическом комбинате, других предприятиях, в Карагайском совхозе Верхнеуральского района, в нём приняло участие 1200 человек. «Одобрительно относятся к линии Советского правительства студенты челябинских вузов», – сообщалось в «Информации».

В партийных документах, что направлялись в Москву, руководство на местах крайне редко касалось иных взглядов и настроений граждан, выпадавших из общего хора. В информации из Челябинска сообщалось, что «определённые лица высказывают опасения, как бы не возникла Третья мировая война», и, чтобы избежать подобного развития событий, «считают недопустимым вмешиваться с нашей стороны в происходящий конфликт за исключением оказания помощи арабам путём посылки туда техники, медикаментов и оказания моральной поддержки»[33]. Каких-либо сведений, кто именно, когда и при каких обстоятельствах публично или в частном разговоре выражал подобные настроения, не было зафиксировано.

В донесении в ЦК от 14 июня вошло «приложение» с перечнем вопросов, «которые часто задают трудящиеся» и хотят получить разъяснения. Вот только некоторые из них: «почему арабские страны не оказывают активного военного сопротивления израильским агрессорам?»; «чем объяснить такое быстрое поражение армии ОАР и других арабских государств?»; «какова численность израильской армии и противостоящих ей армий арабских государств?»; «почему в печати сообщается о внезапности нападения Израиля, хотя о подготовке агрессии было известно давно?»; «правда ли, что большинство военных самолетов ОАР было уничтожено на аэродромах в первый же день нападения Израиля?»; «какую помощь вооружением оказывал СССР ОАР в последнее время?»; «высказывалась ли арабскими странами просьба к советскому правительству ввести на их территории наши войска, чтобы предотвратить дальнейшее вторжение израильских агрессоров?»; «в случае продолжения агрессии Израиля окажет ли советское правительство помощь арабским странам вооружёнными силами?»; «как оценивают арабские страны оказываемую им помощь и поддержку Советского Союза и других социалистических государств в борьбе против израильской агрессии?»; «каковы перспективы развития событий на Ближнем Востоке после прекращения огня?»; «удастся ли сдержать израильскую агрессию или будет большая война?»; «чем было вызвано заявление Насера об отставке?»; «в чём заключается фактическая помощь Израилю со стороны США и Англии?»; «грозит ли в настоящее время опасность советским людям, находящимся на работе в ОАР и других арабских странах?»; «сколько лиц еврейской национальности покинули за последние годы пределы Советского Союза и въехали в Израиль?»; «каково отношение к кризису на Ближнем Востоке руководителей КНР?»[34].

Эти характерные, часто задававшиеся вопросы в Москве и провинции свидетельствовали о том, что широкая общественность подчас обладала представлениями о международных событиях не только из советских СМИ, но желала получить разъяснения и более обширную информацию от советского руководства. Первичные партийные организации пытались учитывать это обстоятельство, помочь людям разобраться в той сложной международной обстановке. С целью проведения разъяснительной работы только в Киргизии на места было направлено свыше 200 человек республиканского партактива, члены и кандидаты ЦК. Аналогичная работа осуществлялась и в других местах.

«Конфисковать… принять меры»

Вслед за разрывом 10 июня 1967 года дипломатических отношений с Израилем в советских массмедиа началась новая масштабная пропагандистская кампания. Даже вполне идеологически выдержанные публикации подчас вызывали в высоких партийных и государственных инстанциях опасения и тревогу. 26 июня председатель КГБ Ю.В. Андропов докладывал в Центральный Комитет: «В газете Армянского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом “Айреники Дзайн” (“Голос Родины”) от 14 июня 1967 г. была опубликована статья под заглавием “Борьба армянского народа против халифата”. В статье говорится о вторжении арабов в Армению в 7–9-м веках нашей эры, об их злодеяниях и освободительной борьбе армян против арабского халифата».

Статья, как отмечалось в этом документе, «подготовлена армянским историком Арамом Тер-Гевождяном по заданию редакции газеты “Айреники Дзайн” ещё задолго до событий на Ближнем Востоке». По представлению Комитета госбезопасности, отмечал далее Андропов, «ЦК Компартии Армении принял решение о конфискации этого номера газеты. До принятия решения о конфискации 400-500 экземпляров газеты были разосланы партийным и общественным организациям и отдельным лицам внутри республики». По линии КГБ были приняты «возможные меры к недопущению направления этого номера за границу». Публикация этой статьи не осталась без наказания. Решением секретариата ЦК Компартии Армении Вагн Довтян, «допустивший опубликование вышеуказанной статьи, от работы редактора газеты освобождён»[35].

В РГАНИ отложились документы, вызванные публикацией в «Литературной газете» 12 июля 1967 года фотоснимка медали, выпущенной в Западной Германии, с изображением Моше Даяна в качестве иллюстрации к заметке «А что думают в Тель-Авиве?». Эта публикация вызвала резкую критику секретариата ЦК. Появление этого фотоснимка и.о. главного редактора «Литературной газеты» А. Тертерян объяснял стремлением редакции «использовать факт изготовления подобной медали в ФРГ, чтобы подчеркнуть духовное родство израильской военщины во главе с Моше Даяном с гитлеровцами». Тертерян объяснял, что в редакционном комментарии было сказано, что «смысл возникших в Западной Германии симпатий к израильскому вояке не вызывает сомненнй: милитаристские замашки Даяна сродни гитлеровским». В письме в отдел пропаганды Тертерян в своё оправдание сообщал, что «с самого начала вероломного нападения Израиля на арабские страны “Литературная газета” напечатала около двадцати материалов, в которых пропагандировалась советская политика на Ближнем Востоке, проводился чёткий классовый подход к оценке событий в этом районе, разоблачались действия израильских агрессоров, их зверства и разбой на захваченных территориях, поддерживалась справедливая борьба арабских народов»[36]. Тем не менее, 20 июля 1967 года секретариат ЦК под грифом «совершенно секретно» на основе проекта, предоставленного отделом пропаганды, принял постановление «О грубой ошибке, допущенной в “Литературной газете”». В нем, частности, указывалось «и.о. главного редактора “Литературной газеты” т. Тертеряну А.С. на допущенную грубую ошибку» и выставлялось требование к «редколлегии принять меры, обеспечивающие строгий отбор предназначенных к публикации материалов»[37]. В постановление не вошло предложение отдела пропаганды не ограничиваться критикой редколлегии «Литературной газеты», указать на то, что «и некоторые другие органы печати проявляют неразборчивость в публикации материалов, касающихся Моше Даяна». В качестве примера указывалось на то, что 18 июля в центральном партийном органе страны – газете «Правда» помещен «снимок популярной датской кинозвезды, демонстрирующей моду “А ля Даян”»[38]. Но критиковать центральный печатный орган ЦК в постановлении секретариата, другими словами, критиковать самих себя, было невозможно.

Письма трудящихся

Затронем ещё один достаточно симптоматичный источник, к которому уже обращался в статье. Это обзоры писем в газеты

«Правда» и «Известия», поступившие от читателей в июне – июле 1967 года. Их авторы касались вопросов внешней политики. Предоставивший «в порядке информации» справку в ЦК главный редактор «Известий» Толкунов отмечал, что «подавляющая часть писем (до 80%) касается событий на Ближнем Востоке». Основной поток писем «идёт от читателей Украины (примерно 35-40%), Белоруссии (20-25%), Молдавии, Москвы и Ленинграда»[39].

Письма были написаны «городскими жителями с неполным средним или средним образованием. Подавляющее большинство авторов – пенсионеры <…>. По национальной принадлежности более 50% авторов писем – евреи»[40]. Значительное число писем было направлено и в «Правду». Они написаны также евреями. Их содержание говорит само за себя. С. Гиршфельд из Москвы предложил «создать Международный чрезвычайный трибунал <…> должен быть объявлен бойкот всеми миролюбивыми странами мира». И. Цидельковский из киргизского г. Ош предрекал: «Вас ожидает верёвка, американские лакеи Даяны и Бен-Гурионы, настоящее имя которых – Бен-Дьяволы! Никогда не будут побеждены арабы <…>». Т. Вейсман из Ленинграда писал: «На чудовищное преступление пошли господа сионисты: они напали на мирные страны Арабского Востока!», восклицал: «Подлецы! Идиоты! Сгореть можно от стыда за вас, сионистские души!». Л. Кальцман из Москвы протестовал против израильсской агрессии и был «уверен, что к протесту присоединятся не только московские евреи и евреи Советского Союза, но и прогрессивные евреи всех уголков мира»[41]. Среди писем встречаем и предложения о сборе подписей среди еврейского населения СССР с обращением, требующим немедленного обуздания израильских агрессоров, проведения еврейского конгресса, на котором решить судьбу Израиля, проклятия и пожелания скорейшей гибели израильским руководителям.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание, что среди почтовой корреспонденции не зафиксировано ни одного письма, исходящего от лиц среднего и молодого поколений. Вероятно, что письма, в которых выражались иные, диаметрально противоположные настроения части евреев, не отправлялись в советские газеты. Многие исследования и воспоминания свидетельствуют о том, что известия о победе Израиля в шестидневной войне ускорили рост национального самосознания. Перед советскими евреями, и прежде всего перед молодыми людьми, встал вопрос о национальной идентичности. После 1967 года некоторые евреи приходили к выводу, что их культура и подлинная идентичность возможны только в Израиле, а не там, где они родились. В ряде советских городов возникают неофициальные группы по изучению иврита, религии и еврейской истории. В документе КГБ за подписью Андропова от 17 ноября 1967 года зафиксированы соответствующие настроения: «в московской хоральной синагоге 26-27 октября <...> студенты некоторых факультетов МГУ, Московского автодорожного института, Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина <…> и других высших учебных заведеннй <…> заражённые сионистскими идеями <…> ведут разговоры о необходимости сплочения евреев, выражают свою симпатию государству Израиль, пытаются настроить молодежь на националистические проявления <…>. Подстрекатели организовали около синагоги исполнение еврейских песен и танцев, имели место националистические выкрики: “Да здравствует Даян!”, “Нам бы автоматы в руки и в Израиль” <…> “Да здравствуют евреи!”<…> факты националистических < …> проявлений имели место <…> и в Ленинграде»[42].

Многие проявления в настроениях различных групп советских евреев не нашли отражения в рассмотренных здесь источниках. В их числе и те, кто в атмосфере неистовой пропаганды, обличавшей израильских агресссоров, предпочел не вспоминать о своём происхождении, остаться в тени. Писатель В. Войнович комично описал этот образ: «Человек называет себя русским, украинцем, татарином так же просто, как слесарем, пекарем, инженером, но каждый, кто говорит “еврей”, так или иначе напрягается и выдавливает из себя как признание <… > да, я еврей, ну и что?»[43]. Но это уже совсем другая история, она выходит за рамки темы статьи.

Заключение

События на Ближнем Востоке в июне 1967 года стали в какой-то мере потрясением как для руководства страны, так и для общества, вызвали вопросы о том, насколько оправдан и обоснован принятый курс во внешней и внутренней политике. Одним из свидетельств тому служат приводимые здесь донесения Ю.В. Андропова и постановление секретариата ЦК. Высшему руководству было необходимо заручиться поддержкой населения. Рассмотренные в статье разнообразные источники позволяют отметить, что донесения и информация о митингах и демонстрациях, обзоры писем в центральные СМИ с осуждением израильской агрессии и одобрением политики правительства играли далеко не последнюю роль в принятии в правящих сферах решений, направленных на продолжение существующего курса. В этих документах находим выражения мнений и взглядов многих, хотя далеко не всех советских граждан на события на Ближнем Востоке летом 1967 года.

Однако при оценке этих материалов необходимо учитывать и то, что отбор и предоставление руководству донесений о настроениях населения осуществлялся представителями самой же власти, и таким образом ЦК располагал той информацией, которую ожидал, и тем самым убеждался в необходимости оставаться на прежних позициях.

В истории страны завершился период оттепели, наступало время, которое впоследствии назовут временем застоя и стагнации. Анализ разнообразных источников, представленных в статье, позволяет дать дополнительные штрихи к более релевантному пониманию общественно-политической атмосферы и настроений советского общества, касающихся арабо-израильской войны 1967 года и сопутствующих ей событий.

Шестидневная война и действия советского руководства вызывали порой неоднозначные, а в чём-то и полярные оценки в обществе. Одной из иллюстрацией к обстановке тех дней может служить случай, о котором упомянул правозащитник Ф. Кочубиевский: «На почте в Новосибирске я оказался свидетелем того, как пожилой мужчина отправлял телеграмму в адрес маршала Малиновского. Он писал, что под командованием маршала воевал на таких-то фронтах, а сейчас, если понадобится, он готов добровольцем отправиться воевать против израильских агрессоров <…>. Не только я, но и принимающая телеграмму посмотрела на него, как на идиота»[44].

Обращение к ряду цитированных текстов из писем в центральные газеты позволяет говорить и о том, что отношение советских граждан к тем событиям и политике правительства было сложнее, чем простое одобрение или неодобрение действий властей. Влияли такие факторы, как воздействие официальной идеологии, продолжавшаяся десятилетиями антиизраильская и антисионистская пропаганда, антисемитские настроения в руководстве и обществе, пережитая война и страх перед ней, опыт личного участия в военных конфликтах, влияние зарубежной пропаганды, социальный статус, национальная и религиозная принадлежность, общее отношение к политике партии и правительства.

Примечания

[1] См. *Сандлер Б., Сандлер И.* Парк советского периода: Советско-израильские отношения в зеркале политической карикатуры. М., Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 2009.

[2] Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. II. Кн. 2. 1962-1967. Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2023. С. 662.

[3] Там же. С. 666.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 667.

[6] Там же. С. 688.

[7] *Чувахин Д.С.* Израиль накануне разрыва дипотношений в 1967 г. // Международная жизнь. 1994, № 9. С. 133-135.

[8] Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. II. 1954-1967. Кн. 1. 1954-1961. Кн. 2. 1962-1967. Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2023.

[9] Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. I. Кн. 1, 2. М.: Международные отношения, 2000.

[10] Правда. 1967, 22 июня.

[11] *Локшин А.Е.* Евреи в отечественной истории. Очерки по истории и культуре евреев в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации. Конец XVIII – XXI век. М.: ИВ РАН, 2021. Ч. 2. С.79-86.

[12] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 59. Д. 23. Л. 13.

[13] Там же. Д. 25. Л. 171-174.

[14] Там же.

[15] Правда. 1967, 22 июня.

[16] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 24. Л.73.

[17] Там же. Л. 74-75. Вспоминается песня А. Галича о «израильской военщине», выступление на собрании Клима Петровича Коломийцева: «Как мать, – говорю, – и как женщина Требую их к ответу!» *(Галич А*. Ваш сородич и ваш изгой. М., 2013. С. 208).

[18] Там же.

[19] См.: Правда; Известия. 1956, 11 ноября.

[20] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 23. Л. 77.

[21] Там же. Л. 105.

[22] Советско-израильские отношения. Т. II. Кн. 2. 1962-1967. С. 690.

[23] Там же. С. 691.

[24] Там же.

[25] Там же. С. 692.

[26] *Чувахин Д.С*. Израиль накануне разрыва дипотношений… С. 135.

[27] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 23. Л. 76.

[28] Там же.

[29] Там же. Л. 75.

[30] Там же. Л. 80.

[31] Там же. Л. 75.

[32] Там же.

[33] Там же. Л. 79.

[34] Там же. Л. 81-82.

[35] Там же. Д. 25. Л. 171.

[36] Там же. Л. 173.

[37] Там же. Л. 174.

[38] Там же. Л. 173.

[39] Там же.

[40] Там же.

[41] Там же. Л. 14-17.

[42] *Морозов Б*. Еврейская эмиграция в свете новых документов. Тель-Авив, 1998. С. 60-61.

[43] *Войнович В.Н.* Замысел. М., 1995. С. 96.

[44] Шестидневная война и еврейское движение в СССР. М., 2008. С. 141. Малиновский Р.Я. – министр обороны СССР в 1957–1967 гг. Кочубиевский ошибся. Телеграмма не могла быть послана в июне 1967 года: Малиновский умер 31 марта 1967 года.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-108-110

В.В. Беляков

ЗАПИСКА Е.М. ПРИМАКОВА

В архиве Л.И. Брежнева сохранилась записка Евгения Максимовича Примакова (29.10.1929–26.06.2015) от 1971 года. Её автор был в ту пору первым заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений. Арабист Е.М. Примаков не мог не обратить внимания на крутые события того года на Ближнем Востоке, в первую очередь на арест Анваром Садатом левых руководителей Египта. «В ОАР, как представляется, в настоящее время наблюдается смещение оси власти вправо», – отмечал в записке Е.М. Примаков.

На записку обратили внимание. «Леонид Ильич! Направляю Вам записку, подготовленную т. Примаковым по нашей просьбе в неофициальном порядке, об обстановке на Ближнем Востоке. Как представляется, предложения, содержащиеся в записке, хотя они и сформулированы довольно обще, заслуживают внимания. С уважением Е. Самотейкин[1]». На самой записке от руки написано: «От тов. Примакова Е.М. 29.VII. Экз[емпляр] ед[инственный]»[2].

Некоторые вопросы, связанные с ближневосточным кризисом

Прошло четыре года с начала нынешнего ближневосточного кризиса. За это время наша страна проводила активную политику противодействия израильской агрессии, помощи арабским странам в укреплении их обороноспособности и экономики. Главным результатом такой политики можно считать тот факт, что правящим кругам США и Израиля не удалось ликвидировать антиимпериалистические режимы в арабском мире. За это же время были усилены наши военные позиции в районе Средиземного моря.

Однако наряду с этим ощутимы и некоторые негативные последствия минувшего периода, которые представляются следующими:

1. Соотношение израильско-арабских сил не претерпело коренных изменений в пользу арабских стран. Нередко говорят, что время работает против Израиля. Это утверждение очевидно обоснованно, если рассматривать проблему в длительной перспективе, учитывая прежде всего крайнее несоответствие людских ресурсов (Израиль с 2,5 млн. населением, окружённый 100 млн. арабским миром), а также развитие процессов, ведущих в далёком будущем к технико-экономической нивелировке арабских стран с Израилем. Но, если анализировать возможную краткосрочную или среднесрочную перспективу, скажем, на 15-20 лет, то навряд ли удастся за это время выровнять военные возможности сторон. Сказывается не только огромный разрыв в нынешнем техническом, научном и культурном уровнях Израиля и арабских государств, но и психологический фактор – несмотря на сохранение последствий израильской агрессии и продолжающуюся оккупацию обширных арабских территорий, происходит процесс не роста, а ослабления военной мобилизованности арабских стран.

2. Вопреки многим прежним представлениям, центробежные силы, разделяющие арабский мир на современном этапе, оказались значительнее центростремительных сил, ведущих к арабскому единству. Даже такой фактор, как необходимость совместной борьбы за ликвидацию общей для всех опасности, постоянно исходящей от Израиля, не объединил арабов. В ряде случаев межарабские противоречия оказались сильнее, чем противоречия между арабскими странами и Израилем. Со всей выразительностью это подтвердил пример перехода на оккупированную территорию и сдачи противнику

значительного числа палестинских партизан, подвергшихся ожесточённейшим атакам иорданской армии при попустительстве и невмешательстве других арабским государств.

Государственные объединения арабов типа конфедерации Египта, Ливии и Сирии на нынешнем этапе представляются малоперспективными. Вопросы единства арабских стран, очевидно, будут решаться в связи и на базе будущих социалистических преобразований в них – однако это весьма отдалённый по времени процесс.

3. События показали, что в течение четырёхлетнего периода борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, в целом не произошло быстрого развития революционного процесса в арабском мире, а в ряде случаев имели место сдвиги обратного порядка.

В ОАР, как представляется, в настоящее время наблюдается смещение оси власти вправо. За минувший период в трёх арабских странах были осуществлены революционные перевороты – в Судане, Южном Йемене и Ливии. Однако социальные сдвиги, которые произошли в двух наиболее значительных по своим ресурсам и роли странах – свержение монархии в Ливии, победа в мае 1969 г. революции в Судане – не привели к усилению марксистского элемента в руководстве. Наоборот, теперь есть основания считать, что в общем усиливается антикоммунистическая тенденция в этих странах, а это грозит перерождением национально-освободительной революции. Между тем, события и в Судане, и в Ливии будут оказывать ощутимое правое влияние на ОАР и Сирию, толкая их в сторону национализма.

4. Несмотря на заметные потери в авторитете и влиянии США на Ближнем Востоке в первое время после «шестидневной войны», этот процесс в последующем приостановился, и можно считать, что США в ряде случаев удаётся восстановить свои позиции. В арабских странах наблюдается тенденция, причем расширяющаяся, рассматривать США в виде решающего фактора, который может сыграть свою роль в деле урегулирования ближневосточного конфликта.

Все эти негативные результаты в основном порождены объективными причинами, учёт которых при выработке нашей позиции представляется весьма важным. Но наряду с этим, по-видимому, проявились некоторые моменты, связанные с практическим осуществлением нашей политики.

Представляется, что мы, обеспечивая «внешний ярус», – рост обороноспособности арабских стран, усиление возможности их конфронтации с Израилем, – в то же время явно недостаточно влияем на внутреннее положение, на принятие решений правительствами этих стран по внутренним вопросам. Даже египетские друзья из прогрессивных кругов говорили, что «у русских – “комплекс неполноценности”: невмешательство во внутренние дела».

Дело дошло до того, что подобным нашим отношением стали пользоваться националистические элементы в руководстве ряда арабских стран. Они исходят из того, что мы в конце концов согласимся с любой их внутриполитической акцией. Иногда некоторые наши товарищи утверждают, что ужесточением своей позиции мы, мол, можем повредить делу, оттолкнём арабские страны к Западу. Основываясь на опыте работы в арабском мире, считаю такую точку зрения неправильной. Напротив, с нами всегда больше считаются, если мы ведём себя настойчивее и жёстче – это вызывает в арабском мире уважение. Есть достаточное число примеров этому, хотя бы связанных с заключением недавнего советско-египетского договора.

Советский Союз, очевидно, настолько заангажирован на Ближнем Востоке, что он вправе рассчитывать, чтобы по всем важным вопросам союзнические правительства вели себя недвусмысленно, искренне и последовательно и тем более не в ущерб нашим интересам. В то же время такие правительства, как египетское, накрепко связаны с нами и не могут надеяться сохранить власть в случае отказа от этих связей. В таком случае они были бы не нужны даже США, которые нашли бы в арабских странах гораздо более приемлемые для себя и менее одиозные личности в качестве руководителей.

Наряду с большей твёрдостью нашего курса в арабских странах, как представляется, следовало бы предпринять некоторые

инициативные шаги в отношении Израиля и США.

Очевидно, необходимо усилить давление на правящие круги Израиля. Реальным средством этого могут послужить поставки наступательного оружия в ОАР. Израильское руководство не должно исключать возможности ответного удара со стороны ОАР по военно-промышленным объектам Израиля. Однако наряду с этим представляется целесообразным установление контактов с определёнными кругами израильского руководства. Восстановление дипломатических отношений с Израилем в настоящее время нанесло бы серьёзный ущерб нашим отношениям с арабскими странами и не помогло бы в деле урегулирования ближневосточного конфликта на справедливой основе. В то же время неофициальные контакты, осуществляемые по различным каналам, в том числе и доверительные, могли бы способствовать выяснению отдельных позиций или выявлению различных групп или элементов в израильском руководстве, которые в будущем могли бы оказаться более приемлемыми для нас.

Вашингтон имеет определённые возможности для маневрирования ещё и потому, что проводит активную политику в отношении двух сторон, вовлечённых в ближневосточный конфликт.

Представляется целесообразным, наряду с этим, попытаться подорвать господствующую у американцев уверенность в незыблемости их интересов на Ближнем Востоке. Ахиллесовой пятой американцев являются их нефтяные интересы в арабских странах. Возможно, стоило бы провести соответствующую работу с некоторыми организациями и группами палестинцев для создания угрозы нефтепромыслам и нефтепроводам американских компаний. Судя по разговорам с руководителями ряда палестинских организаций, провести такую работу было бы возможно. Определённый эффект могла бы иметь целенаправленная утечка информации о готовящихся актах диверсии и саботажа как о «системе новой тактики палестинцев», в случае, если США будут по-прежнему занимать одностороннюю позицию произраильского решения ближневосточного конфликта.

Учитывая особое значение ближневосточного конфликта во внутриполитической жизни США, очевидно, полезно было бы изучить возможности нашего влияния с помощью тех или иных мер на Ближнем Востоке или вокруг Ближнего Востока на очередную кампанию выборов американского президента.

В случае возникновения опасных кризисных ситуаций типа ближневосточной в США при президенте обычно создаются группы высококвалифицированных экспертов, представляющих различные ведомства и организации для выработки курса, координации и осуществления политики. Представляется целесообразным создание у нас такой группы для всестороннего анализа нынешней ситуации на Ближнем Востоке, для конкретных рекомендаций по внешнеполитическим акциям СССР.

Е. Примаков

28.7.71[3]

- - - - -

Предложения Е.М. Примакова «установить контакты с определёнными кругами израильского руководства» поддержал Л.И. Брежнев. Решением Политбюро ЦК КПСС от 5 августа 1971 года Е.М. Примакову было поручено тайное задание – провести переговоры с Израилем с целью найти политическое урегулирование ближневосточного конфликта. С этого времени он несколько раз встречался с израильскими деятелями в Вене до сентября 1977 года. Однако израильтяне отвергли советские предложения по гарантиям своей безопасности, и Е.М. Примаков так ничего и не добился[4].

Примечания

[1] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 80. Оп. 1. Д. 604. Л. 49. «Леонид Ильич» и «Е. Самотейкин» написано от руки. Евгений Матвеевич Самотейкин (18.10.1928–20.07.2014) – советский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Референт Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева (1964-1983).

[2] РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 604. Л. 50.

[3] Там же. Л. 50-56. Подпись и дата написаны от руки.

[4] *Млечин, Леонид.* Примаков. М., 2015. С. 46.

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2-111-119

С.В. Прожогина

АССИЯ ДЖЕБАР. «НЕПОГРЕБЁННАЯ»[1] (ФРАГМЕНТЫ)

Публикуемые ниже фрагменты книги «Непогребённая» принадлежат перу замечательной алжирской писательницы Ассии Джебар (1936–2015). Она прославилась ещё в 50-х годах XX века тем, что была не просто одной из первых женщин в арабской литературе Магриба, но и выразительницей воли своих соотечественниц, стремившихся к свободе и независимости. Её многие называли даже «феминисткой» – так ярко и страстно запечатлевала она в своих произведениях жажду освобождения женской души от двойного гнёта – не только колонизаторов, но и от засилья религиозных догм, запрещавших многое в жизни мусульманок.

От первого её повествования[2] до последнего[3] прошло немало лет, и книг было тоже написано немало. Но впервые она, Ассия Джебар, последовательно защищала права женщин своей Родины, права на возможность выбраться из «просторной тюрьмы»[4] этого плена – окостенелых патриархальных традиций, их зависимости от истории Алжира как страны, считавшейся колонизаторами просто департаментом Франции. Однако нельзя не сказать, что героини произведений Ассии Джебар не порывают связей ни с культурным достоянием своей страны, ни с культурой тех, кто объявил страну своей собственностью. Смело используя возможности франкоязычия, писательница всегда доносила только правду о том, что происходит в родном доме, что заставляло женщин в годы кровавой антиколониальной борьбы (1954-1962 гг.) пойти в партизанки и что заставляло женщин расплачиваться жизнью в эпоху новую, постколониальную, в годы гражданской войны (конец 80-х – 90-е годы XX века), развязанной сторонниками радикального исламизма[5].

Её художественное мастерство оценено по достоинству: Ассия Джебар была избрана членом Академии Изящной Словесности, членом Бельгийской Академии, её приглашали повсюду читать лекции об алжирской литературе новой эпохи; она подолгу преподавала и в Канаде, и в США, и во Франции. Но никогда не порывала связей с Алжиром, преодолевая свою нелегкую судьбу (ей пришлось до самой своей кончины воспитывать и лечить безнадёжно больного приёмного сына); писательница прославилась и своим кинематографическим талантом, создав несколько документальных лент об Алжире.

Можно только порадоваться тому, что талант писательницы был давно признан и в России, где издательством «Радуга» опубликованы первые её романы и повести, а в 1990 году был издан сборник её избранных произведений, куда вошли такие известнейшие романы, как «Жажда», «Любовь и фантазия», «Нетерпеливые»[6]. Мне довелось презентовать это издание там, где Ассия Джебар была окружена вниманием самых маститых издательств Франции. Но Ассия Джебар была искренне рада появлению образцов её творчества и на языке русском… Меня же она попросила дословно перевести моё предисловие к этому русскому изданию.

В книге, фрагменты которой публикуются сегодня, на мой взгляд, содержатся важные качества творчества этой необычайно выносливой женщины, которое актуально сейчас, когда человечество живёт всё ещё в раздорах и войнах: умение преображать и преображаться во имя извечной жажды жизни, жажды Свободы, умение различать добро и зло и на чужой и на своей стороне, умение извлекать уроки прошлого, не забывая настоящего, и приближать будущее, основанное на открытости прогрессу и справедливости. Отсюда и особая символичность названия «Непогребённая», как живущая в памяти народной извечная мечта человечества о гармонии в мире, всё ещё охваченном разделённостью на своих и чужих.

Из главы 1
История Зулики, или, точнее, записанная мной наконец-то история

В первый раз это было весной 1976 года, как мне кажется. Я нахожусь у дочери героини этого города. Он, город, и мне родной. И назывался раньше в древности «Цезарея», но остался для меня и до сих пор и навсегда именно с таким названием.

Вторая дочь героини, только что прибывшая из Алжира, смотрит на меня с удивлением. Я в этот момент записывала на магнитофон то, что мне рассказывала первая дочь. Вошедшая, узнав, как меня зовут, поздоровавшись со мной, подпрыгнула от удивления и наивным голосом сказала: «Я вас ждала! Ведь эта стена, которая у нас в саду перед домом, отгораживает нас от стены, за которой находится дом вашего отца, не правда ли?» Я утвердительно кивнула; придя сюда часом ранее, я про себя подумала: ведь и вправду это рядом с моим домом. Вошедшая продолжала: «Ведь я вас ждала годами, а вы только сейчас пришли!» Я отвечала на возглас молодой женщины: «Ну, вот я теперь здесь же, может, с опозданием. Но здесь! Теперь будем работать».

Да, это было весной 1976 года. Я была занята созданием полнометражного фильма, предварительно прожив две недели в горах на крестьянских фермах, в селениях, куда не доходили большие дороги, разве что виляли какие-то тропинки, которые местные жители называли римской дорогой. А жители были почти все из родоплемени моей матери. Вечером я возвращалась в наш большой джип, где были шофёр, мои помощники-ассистенты, пришедшие вместе со мной в надежде поспать, отдохнуть на воздухе или уехать и устроиться в новенький туристический отельчик, построенный в Типазе, что здесь неподалёку. Я же устраивалась на отдых у кого-нибудь из своих кузин или родственников моей матери, живших в очень скромных условиях; поэтому ночевать приходилось и в гамаке. Самым главным для меня – были рассказы моих хозяев о героине Зулике… «Ну как ты могла её не знать? – спрашивали меня. – Она же из твоего города! Она же мать всех партизан!» И вот так, понемногу собирая рассказы, я наконец добралась до Цезареи и очутилась в доме Зулики, откуда она ушла в горы сражаться в 1956 году. Так уже сложилась её судьба… И вот теперь я сижу рядом с её дочерьми и слушаю их рассказ на чистейшем арабском языке с андалусийским акцентом, который здесь распространён. И потихоньку смотрю на ту стену, которая отгораживает меня от места, в котором прошло моё детство. Младшая дочь говорит: «Когда наступила независимость страны, мне было 15 лет, а когда убили мою мать – мне было 12».

Из главы 2

Вот и снова весна, только два года спустя. Я закончила фильм, посвященный Зулике, героине моего повествования. Два часа моей ленты длились долго, было много документальных фактов, сопровождавшихся иногда прямым эфиром, диалогами женщин, традиционным пением, а иногда и современными песнями. Запечатлена молодость Зулеки, её свадьба, её дети и её уход в макú в 1956 году, два года тревог, рисков, подпольных возвращений в родной город за провизией, медикаментами и даже иногда за оружием. Это был нескончаемый бой-сражение, прервавшийся в 42 года, который остался в памяти у всех навечно, до самой последней трагической сцены – гибели Зулики в лесу, под взглядами солдат, она бесстрашно вышла из круга людей, окружавших её. Несколько старых крестьян плакали, в то время как наёмники – арабы и французские офицеры тащили её к вертолёту. Больше её никто не видел в живых.

Последние страдания Зулики, сброшенной с вертолёта где-то далеко в лесу, не были запечатлены в моем фильме и остались подобно запятой, продолженной музыкой, сочинённой композитором Варезом. Потом пошли показы улочек старинного города с бродящей по ним какой-то бедной нищенкой. Камера напрасно блуждала по пустынному городу, по его площадям, останавливаясь на старинных статуях, но так и не находя место, где похоронена Зулика. Оно было где-то там вдали, за пределами старинного города. Потом показали книгу, посвященную её памяти… Но ведь никто её так и не увидел в живых после

того, как солдаты запихнули её в вертолёт. И только я одна, как мне казалось, различала её голос в звуках музыки Белы Бартока, сопровождавшей фильм.

А она жила где-то наверху, словно парила в вышине над узкими улочками, площадями, фонтанами и высокими террасами, уходящими в горы её родной Цезареи.

Из главы 3

Зулика родилась в 1916 году в Маренго, который теперь называют Хаджут, в Алжирском районе Сахеле. Когда-то это был, как написано в гиде тех времён, большой и красивый город, центр коммуны. В нём жило пять тысяч жителей. В эпоху колонизации, пополнившей население ещё 2300 европейцами, коренные жители считались выходцами из известного воинственного племени Хаджут. 50 лет назад Фромантен ещё видел живыми наследников воинственных хаджутов. Несмотря на то, что европейцы одержали над ними победу, они ещё сохраняли свою ауру, особо сохранившуюся в гонках на необузданных лошадях. Эжен Фромантен, писатель и художник, прекрасно описал этот праздник, называемый в народе Фантазиа. Когда-то в этом местечке было чудесное озеро, которое постепенно высохло, и на его месте образовалось новое поселение.

Отец Зулики когда-то был крестьянином. У него были большие земли, но он разорился, землю перекупили более богатые, как и он когда-то в свою очередь приобрёл эти земли у разорившихся соотечественников. Его все называли добрым арабом, и местные жители, и европейские колонисты. Все мы жили тогда довольно мирно, и в администрации городка все уживались друг с другом. Дочка Зулики мне рассказала: подумать только, мама в 1930 году, ей всего было 14 лет, уже получила свой аттестат о школьном образовании, она была единственной мусульманкой такого рода в своём регионе.

Два года спустя, в 16 лет она захотела выйти замуж за молодого человека из своего селения. Хотя её отец и был против, но не возражал. Не прошло и года, как молодой супруг с горячей кровью и неумеренным темпераментом жестоко поссорился с французом, убежал из дома в столицу, а оттуда – во Францию. Тогда говорили, что в Метрополии люди были более терпимы в отношении колонизованных африканцев.

Зулика, когда у неё родилась первая дочка, отказалась следовать за своим мужем и дочери своей сказала, что её отец погиб. А судье арабскому сказала, что считает себя свободной. Она отдала новорождённую девочку в надёжные руки, сестре своего отца, которая не имела своих детей и была счастлива воспитать свою племянницу: вот теперь, когда Хания рассказывала историю своей матери, она говорила, что Зулика была, конечно, исключением из окружавших её женщин, стараясь быть похожей всегда на европейку, ходила без платка и не покрывала лицо. Казалось, что отец ей потворствует. В 1939-1940 гг. французские колонисты называли её анархисткой, а ведь над Алжиром уже кружили немецкие самолёты. И когда один из французов как-то сказал: «Если бы сейчас у нас было оружие, я бы стрелял в эти самолёты», Зулика, проходящая мимо, ему ответила: «Ну, конечно, так и стреляли бы! Это нас вы подставляете под дула пушек, как пушечное мясо. Они сражаются за нас, за Францию, а вы всё держитесь за юбки матерей». Зулика, конечно, многим рисковала, и отец заставил её идти на работу в Блиду. На что ему Зулика сказала: «Ну да, конечно, пусть эти французы наживаются на нашем горе. Это мы – коренные жители, которых они называют дикарями, можем питаться одним овсом, а они живут припеваючи». Зулика, конечно, тоже уехала бы. Страна жила тяжело, многие покидали страну по стопам мужа Зулики. Но она успела выйти замуж второй раз. В 1945 году, после победы над немцами она снова попросила развод, но сын от второго брака остался с отцом, который был младшим офицером французской армии. Она вышла замуж в третий раз за знатного жителя Цезареи. Он владел виноградниками на юге. Таким образом, Цезарея стала местом обитания моей матери, – рассказывала дочь. Она могла считаться знатной дамой! Ее муж был уважаемым человеком и помогал мусульманским школам при мечети, в которые ходили дети мусульманской знати. Мать уже смирилась со своим положением мусульман-

ки, а после смерти двух близнецов, которых она родила, сохраняла и дальше мусульманское обличье. Годы брали своё.

Из главы 4

Тем не менее Зулика, когда выходила на улицу, несмотря на то, что закрывала лицо и надевала мусульманский платок, была узнаваема всеми. У неё сохранился тот же темперамент, и когда как-то однажды её остановил какой-то француз на улице, окрикнув «Эй, ты, Мария», она, обнажив лицо, ответила ему: «Я тебе не Мария и даже не Фатима, как вы все зовете мусульманок. У меня есть имя», – и пошла гордо своей дорогой. Француз оторопел. Она всё так же гордо носила своё имя и была верна своему мужу, господину Удаю, и её все почтительно окликали «мадам Удая». Он разделял взгляды своей жены и даже был горд тем, как смело она одернула французика. Их был немало в городке, как и мальтийцев, итальянцев, греков и других выходцев из Европы. Времена менялись. Цезарея тоже вступила в эпоху освобождения Алжира.

…Так или иначе, всё упиралось в горы, только о них и говорили: о солдатах, которые были и будут убиты, о раненых, которых увозили в больницы, откуда уходили французские врачи. Цезарея постепенно пустела, местные уходили сражаться в горы, а французы в основном куда-то все бежали. Те, кто оставались в живых, хоронили мёртвых, в гробах два тела остывали и отправлялись за море во Францию. Новобранцы – французские солдаты, так же, как и мальтийцы, искали здесь своих, думая, что найдут у них приют, напоминали, что у них общая мать – Франция, но ошибались. Многие европейцы уже давным-давно своей родной землей считали землю Алжирскую и с трудом отрывались от неё. А некоторые разделяли чувства алжирцев и даже старались предупредить их о грядущих опасностях, а когда наступал комендантский час, порой укрывали у себя алжирцев, не успевших дойти до дома. Все жили в большом напряжении. Недалеко в горах люди сражались…

А Зулика пока ещё жила как обычная мать семейства. Но она не выдержала и, оставив дочерей, ушла в горы… Когда я встретилась с её дочерьми и слушала их рассказы о матери, поняла, что старшая, Хания, похожа на мать. Она, рассказывая историю своей матери, часто обращала глаза к небу. И, причитая, говорила, мне уже почти 40, и я уже в том возрасте, когда мама ушла туда, наверх и потом исчезла навеки. «Зулика, останься там навсегда в небесах, а не на этой земле, в пыли под солнцем. Кто знает, может, ты слышишь мой голос». Она закрывает глаза, что-то шепчет, потом говорит: «Конечно, она где-то прячется. Но она обязательно к нам вернётся, а почему бы нет. Мы её все очень любим до сих пор, так уважаем. Наше уважение вечно»…

Из главы 5
(воображаемый монолог Зулики)

Когда меня вывели из леса и я вышла из тени, меня поразила толпа собравшихся крестьян, которые стояли полукругом, и бороздившие небо вертолёты, их было два или три, грохотавшие довольно низко. Но свет, который бил в глаза, пронзал моё измученное тело. Я уже сама себя не чувствовала, пока меня волокли по лесу. Но я, не чувствуя усталости, не упала на колени, словно архангел Гавриил поднял меня. Охранники окружили меня, среди зрителей какой-то старик, толкнув солдат, пытался схватить меня за полу моего изношенного, коричневого от грязи платья. Позвал меня, почти рыдая: «Зулика, о, моя госпожа!». Так он высказал ко мне своё уважение. Его грубо оттолкнули. Я ему ответила: «Терпение, сын мой», хотя он был старше меня. Он мне не ответил, солдаты куда-то поволокли его. Вокруг пылал свет необыкновенной белизны, ослеплял всё вокруг, пока не примчались военные грузовики, в которых сидели палачи, молчаливые убийцы в касках, вооружённые, они выскочили из грузовиков и потащили меня к вертолёту, в этот момент я вспоминала только о своих детях, о своих соседях, о несчастных жителях Цезареи, о её стариках и бедняках. Я словно видела с вертолёта, куда они меня затащили. А я вспоминала, словно глядя на всё с высоты, о прошедших годах. И хотя волосы мои встали дыбом от ужаса происходящего,

я вспоминала, как я кормила тебя грудью, которую они терзали, мои палачи, они хохотали, гримасничали и повторяли: «Или мы тебя замучаем до смерти, или ты заговоришь, где скрываются партизаны, где эти вооружённые бандиты, как зовут их начальников. Кто из горцев сочувствует партизанам, кто укрывает их, кто снабжает их оружием, кто в городе за них, за повстанцев…» Что для меня были их пытки, их грубый жаргон, их издевательства. Мне казалось, что тело мое зажарилось на этом беспощадно льющемся с неба свете. И пока я находилась в вертолёте на этой земле, я вспоминала только тебя, как я ласкала твоё тельце.

Пока меня тащили к вертолету, из пыхтящего грузовика вышли 3-4 офицера младшего ранга, которые надо мной издевались, заставляли меня карабкаться наверх, в кабину. Слишком гордую, слишком тяжёлую, слишком… В то время круг крестьян-свидетелей стал сжиматься, приближаться к французам. Я различала стариков, каких-то людей, обгоревших на солнце, белокурых грязноватых детей, среди которых не было девочек, и не было женщин среди этой толпы, где кто-то уже сжимал руки в кулак, угрожая французам. Но вдруг я увидела обнажённую руку с серебряным браслетом и татуировкой из хны. Серебряный браслет сиял на солнце, а рука была сжата в кулак, угрожая французам! Морщинистые лица крестьян всё приближались, становились всё ближе, а когда я увидела женский кулак, то я почувствовала прилив радости, несмотря на угрожающий звук набирающего высоту вертолёта и на громкие приказы солдатам, которые прибежали, чтобы усмирить толпу людей. Я думала о тебе, дорогая Мина, всё происходящее казалось мне античным спектаклем, а тебя я видела маленькой девочкой, бегающей во дворе. Когда-нибудь ты добежишь сюда, до места моего вознесения, до того места, с которого меня унесли в небо…

Пока меня везли в грузовике к вертолёту, солдаты били меня прикладами по спине, я иногда теряла сознание от боли, погружалась во мрак, но самое главное, дорогая моя девочка, храни в памяти мой голос, который прорывался к солнцу! Храни в памяти голоса пришедших проводить меня в последний путь крестьян, которые плакали, и руку женщины, сжатую в кулак, который угрожал французам. Я знала, что поднимутся и другие руки, их будет множество. О, Мина, храни в памяти это зрелище, но не будь только зрительницей. Я знала тогда, что настанет день, когда все встанут с колен.

Второй монолог Зулики из главы 7

…Всё началось и всё кончилось с недоверия и вызова. Комиссар полиции Коста был единственным человеком, который занимал все мои мысли последние недели. Я думала о нём постоянно, когда убиралась, мыла посуду, готовила пищу, складывала постельное бельё в шкаф, занималась стиркой…

Он вызывал меня к себе в участок один-два раза в неделю после смерти Эльхаджа, вашего отца. Иногда я проводила там целый день. Допрос длился долго, иногда три часа, иногда четыре, и каждый раз он заканчивался фразой, сказанной почти отеческим тоном: «Ведь у тебя дети, и сейчас их нужно кормить, тебе повезло, что у тебя есть семья, что ты живёшь в этом городке, где все знают друг друга. Если б не я, любой другой на моём месте упёк бы тебя в тюрьму, а я тебя допрашиваю в своём кабинете». От волнения мой платок падал с головы, я поднимала его с плеч, теребила концы, у меня с лица сползало покрывало из тонкого шёлка, и когда я шла длинными коридорами в полицейском участке, полицейские меня разглядывали, когда тащили хулиганов и старых крестьян, а я шла, одетая по мусульманским обычаям, дрожа от страха, но не показывая вида. Я была несчастна, почти как те крестьяне, ведь мой муж погиб в горах, был убит всего несколько недель тому назад… Он, как и все, сочувствовал партизанам. После допроса я возвращалась домой тёмными переулками, чтобы скорее покормить вас, мои дети, ведь тебе, Мина, было 10 лет, и вы все меня ждали. И ты истомилась тоской, пока меня допрашивали. Давайте быстрее за стол, я пришла наконец-то. Мы ели молча, в то время как радио вещало о зачистке всех подозрительных после взрывов бомб в сто-

лице. Именно в столице, а не в Цезарее, которая, казалось, жила в оцепенении.

Тебе, Мина, я не говорила, о чём допрашивал меня комиссар Коста, но ты уже знала, что происходит что-то странное, что мать хранит какую-то тайну, и предчувствовала опасность. В твоих зелёных глазах затаился страх, и ты с трудом выдавливала из себя улыбку: «Мамочка, ты не волнуйся, я приглядывала за маленьким братишкой». По ночам я почти не спала, у меня не выходил из головы этот комиссар Коста, который меня допрашивал и допрашивал. Не приведи господи сказать ему что-нибудь лишнее. Меня обуял страх, и я думала, как преодолеть этот стальной барьер, чтобы избавиться от этого наваждения… Чёрт с ним, с допросом, с вызовом, думала я. И последние два месяца, пока меня таскали на допросы, я держалась, и когда приходил человек с повесткой в комиссариат, я закутывалась в своё покрывало и гордо шла по улицам, где меня все узнавали, подобно какой-нибудь влюблённой, которая спешит на свидание.

Надо сказать, что на этой земле мы путаем, кто есть враг, а кто друг. Поэтому наше прозрение необходимо. Не отличая врагов от товарищей, мы совершаем ошибки, и сколько мы страдаем из-за этого. Надо уметь это делать быстро, различить врага, бросить ему вызов, слушать зов нашей крови. В этом смысле комиссар Коста меня многому научил, я благодаря ему научилась разрывать оковы, различать истинных врагов, дорогая моя доченька. Именно прислушиваясь к зову своей крови, я ушла сражаться в горы, как когда-то, век тому назад в завоеванной врагом Бужи, когда пришли французские солдаты и расстреляли всех вождей берберских племен, а их жёны, подобно древним амазонкам, вскочив на лошадей, поскакали на своих врагов. Они тоже были убиты, но остались в памяти народа и заставляют дивиться до сих пор. Что же это за народ, писали французы, у которого есть такие смелые женщины?

Не нужно ли приветствовать этих посторонних зрителей моих врагов и врагов всех наших женщин, которые сумели увидеть сброшенное с вертолёта моё тело во вспышке света с небес.

Из главы 9
Последняя ночь, проведённая Зуликой в Цезарее

Рассказывали, что однажды Зулика постучалась в дверь к одной уважаемой горожанке, которую прозвали «госпожой Львицей». Она пришла не одна, а со своей старшей дочерью. Дама-львица не знала, что Зулика уже несколько дней не живёт дома, скитается то здесь, то там. Лицо у неё сильно изменилось, Зулика уже не была похожа на себя от усталости. Все знали, что она работает с женщинами в Цезарее, поднимая их на борьбу с французами. Львица открыла им дверь, и двое пришедших прошли в глубину квартиры. Зулика сказала ей: «За мной следят, ситуация тяжёлая, я не могу уже ходить ко всем уговаривать». Львица ответила: «Не беспокойся, ко мне не придут, мой дом неприкосновенен. Хочешь, пойдём к нотариусу и оформим дом на тебя?» «Я сказала это от всего сердца», – признавалась Львица. Зулика поблагодарила её и спросила, а можно, чтобы ко мне сюда приходили другие женщины? Так Зулика начала свою секретную работу в городе. Устанавливала контакты, занималась сбором средств для помощи партизанам. Они шили национальные флаги, те флаги, которыми будет гордиться независимый Алжир.

Приходили женщины, жившие скромно, не так, как Львица, которой пришлось отказаться от многих своих привилегий, глядя на своих соотечественниц. Всех могли арестовать в любую минуту, она многим рисковала… Однажды к ней в дверь тоже постучались. Это у тебя была эта женщина, которая собирала у себя других, они все в розыске? И Зулика проведёт здесь последнюю ночь, её предупредили, и ей ничего не оставалось, как уйти в горы.

Из главы 10
Третий монолог Зулики

На ферме моего отца в тот день, когда я окончила школу (французскую, разумеется), мой отец был так горд мной, что всем рассказывал: «Это первая арабка, моя доченька, которая получила сертификат об образовании во всём нашем регионе, а может, и во всём департаменте!» Помню, что тот день был очень

хорошим, я бегала от радости. В тот полный солнцем конец июня в деревне, где мы жили, были книжные лавочки, которые содержали кабилы, друзья отца, и отец понёс им показывать мой аттестат. А я была в новых туфельках, и мне было всего тринадцать с половиной лет. Но все мне давали лет 16. Я бегала по тропинкам и поднималась на холм, как вдруг показался крестьянин. Он уставился на меня, долго смотрел, а потом сказал: «Ты смотри-ка, вырядилась, как француженка», – и сплюнул, чтобы показать своё презрение. Он посторонился меня и пошёл своей дорогой. А мне было всё равно. Вырядилась и вырядилась, назло всем французам-колонистам. Назло их жёнам, дочерям и назло их сыновьям, которые хотели подойти ко мне, чтобы оказать мне честь, ведь я тоже получила аттестат. Да, я гордилась им, забыв о главном, просто мне повезло в жизни, что я не была, как все аборигены, как называли нас французы. И мне не довелось испытать ту бедность, которую испытывали те дети, которых не посылали в школу. Мне просто повезло! И пусть я вырядилась, тогда, в тот день, я была счастлива. И всё повторяла: «Вырядилась, вырядилась!»

Вот видишь, моя доченька, это была первая моя радость. Это не было вызовом, брошенным другим, которые опьяняют. Нет, это была настоящая радость, вибрация всего моего тела, моих мускулов, моих обнажённых ножек под плиссированной юбкой в клетку. Это была моя первая шотландская юбочка! Я прыгала от радости, как настоящая девчонка. Я добежала по тропинке на холм, откуда открывается вид на всю долину Митиджи. Я ходила этой тропинкой в школу каждой утро пешком, вдыхая свежий воздух, пленённая красотой наших просторов.

Мой отец был единственным арабом в этой местности, у которого были апельсиновые сады, которые достались от его предков. Ну и пусть, что я была одета не как крестьянка. Если встретившийся мне крестьянин решил меня оскорбить! В тот день я почувствовала, как будто мне на голову водрузили корону! Я даже не задумалась, почему.

Всё это я веду разговор с собой с высоты, думаю, как ты там одна без меня. Этот мой монолог длится столько лет, когда меня уже нет в живых, но ты меня поймёшь. Меня охватывают сейчас воспоминания моей юности, когда после школы я решила, что буду жить так, как мне хочется. Мне всё казалось легко доступным, я рано пошла на работу, рано вышла замуж, и когда был убит мой первый муж, я не прекращала работы и оставляла ребенка в отцовской семье. Когда я была разведённой, мне было очень важно сохранить эту жажду свободы, обновление! В то время в Цезарее все ходили, ещё закрывая лицо, в мусульманских платках, город жил своей традиционной жизнью. Такой же, как жили все крестьяне. Я решила устроиться на почту и уйти из дома отца, жить одна. Отец требовал от меня, чтобы я приходила к нему в конце каждой недели. Потому что у него была ещё и ферма, куда он заставлял меня приезжать на выходные дни. Но когда я возвращалась домой, я никогда не закрывала лица! Ехали в открытой телеге, которую за мной присылал отец, с гордо поднятой головой, мимо кафе, в котором собирались европейцы. Как-то они даже затащили меня на свою вечеринку, – я так была не похожа на обычную мусульманку и одевалась по-европейски. Красила волосы хной в рыжий цвет. Словом, они меня все считали хоть и алжиркой, но работающей на их почте и не скрывающей своего лица. Фанатики-мусульмане кричали: «Побойся Аллаха!». В общем, у меня была смелая, отважная юность, хотя я и спрашивала себя, почему, почему я одна открывала лицо, подставляя его солнцу. Я это всё рассказываю тебе, моя доченька, чтобы ты сумела тоже преодолеть тот страх, который испытывают мусульманки, закутываясь покрывалом при выходе из дома. Для них выйти без него – всё равно, что голой. Ну, ты пойми меня, ничего неприличного и несправедливого в этом нет, это всё преувеличение. А я даже осмелилась ездить в свой лицей на велосипеде. Можешь себе представить, что думали в городе о моём скандальном поведении…

Я всё говорю тебе «наш город», моя дорогая доченька! Потому что, когда я встретилась с твоим отцом, он не поверил, что я из Цезареи. Он думал о прошлом этого города, а я – о его будущем.

Я вошла в первый же день в его старый дом простушкой, этот дом потом станет и твоим домом. А раньше я любила мужчину во французской военной форме. Это был мужчина гордый и волевой, настоящий воин. Я прожила с ним несколько лет, проведя их в бесконечных спорах с ним. Но он мне нравился, я считала его красавцем, он заставлял сильно биться моё сердце. Я с трудом ушла от него, с трудом рассталась с ним, потому что драма, которая произошла в 1945 году, в мае, коснулась нас всех. И нас она повергла в раздор, подавила, хотя я знала с самого начала нашей связи, что он был на стороне французов, которые не дали независимости нам, которую мы потребовали в 1945 году после победы Франции над фашизмом. Я оставила ему нашего сына, которого он мне вернул 10 лет спустя, на своё несчастье. Ведь в 1955 году мы уже боролись за нашу независимость. Твоего отца я встретила случайно, он был, как и мой отец, похож на крестьянина, с трудом знал несколько французских слов. Но мы поженились, и многие мной восхищались, называя меня Лама (т.е. благословенная). А это дорогого стоит – после стольких драм, которые я пережила, это прозвище было, как тёплое одеяло, которым меня укрыли навсегда. Эльхадж меня любил, в его глазах скрывалась глубокая доброта, это был благородно с его стороны, ведь я ему не казалась ни переодетой на западный манер, ни закрытой, ни накрашенной… С ним мне было спокойно, да что тут говорить, моя старшая дочь вышла замуж, мой сын вырос при казарме своего отца. Выйдя замуж за Эльхаджа, я словно обрела саму себя и совершенно естественно покрыла голову платком, который носили мои предки. Ни разу не задумавшись над тем, что заранее покрываю себя саваном.

Главное было в том, что каждый вечер мы разговаривали с ним. Он возвращался из многочисленных маршей, которые совершал ежедневно, следя за тем, что происходит в стране, где уже вовсю шла война за независимость. Он собирал сведения обо всех наших заключенных лидерах, заключенных в тюрьму и даже о тех, кто жил в ссылке на востоке… Это были политические ссыльные, которые боролись за то, чтобы осуществить план Большого и Свободного Магриба! Какие прекрасные мечты!..

Однажды твой отец, искренний мусульманин к тому же, решил отправиться попутешествовать, а я была беременна твоим младшим братом. Но я была не против этого путешествия. Когда он спустя два месяца вернулся, он был с бородой, в новом одеянии, глаза его горели от радости возвращения. Тем не менее, он показался мне очень взволнованным, рассказывал без конца, как живут в Египте и Сирии, уже добившись независимости.

Годы, которые я прожила с твоим отцом, были самыми счастливыми в моей жизни. Я жила с моими маленькими детьми и очень любила твоего отца, который всегда приходил уставший, но всегда оживал рядом со мной, у него было такое горячее сердце! Потом случалось несчастье: Эльхадж умер, его труп лежал около моих ног, я склонилась к нему, гладила его по груди, по лицу, везде, где не засохла кровь. Я ходила по дому со сжатыми кулаками, не хотела, чтобы видели мои окровавленные руки. Мне хотелось только одного, чтобы кровь засохла на моей коже.

В день его смерти я надела на голову мусульманский платок. Мне хотелось, чтобы меня никто не замечал, чтобы я не выделалась среди других. И в тот день я почувствовала, что всё начинается сначала. Я как бы вновь переоделась, только уже совсем по-другому, не на западный манер, а на наш, где белый платок означает саван или тюрьму. Я знала, что мне нужно во что бы то ни стало выбраться из неё. Но знала и то, что сейчас, что бы я ни надела, все равно это будет театром, моим новым вызовом. Но что сейчас будет разыгрываться, что встречу я на своём новом пути?..

После похорон Эльхаджа ко мне приходило много женщин со своими соболезнованиями. Я их слушала, но думала о другом. Я знала, что после всего произошедшего надо будет снова жить, дышать, в чем бы я ни была. Мне предстояло заново выдумать себе, создать свой образ! После похорон и до того самого дня, когда французские солдаты вытащили меня из леса, я не чувствовала за собой никакой вины, наоборот, воля моя закалилась. Я стала более твёрдой, иногда чув-

ствовала какую-то радость, в которой я жила в молодости. Слава богу, я сумела по-своему сказать спасибо и попрощаться с днями, где я прожила и скрывалась, когда возвращалась в город от партизан. Я вспоминаю время, проведенное в маку́, как какое-то опьянение. Мне хотелось только одного – увидеть свою старшую дочь, которой я доверила вас, всех малышей. А время, которое я провела в горах у партизан, мне показалось мигом. Когда меня вывели из леса, я остановилась, глядя на людей, которые шли каким-то бесконечным маршем к какой-то цели, и хотелось только одного – дойти до конца. И мой выход из леса мне казался похожим на какое-то новое избавление, новым возрождением моим! Не знала только, для чего… Боже, как мне хотелось увидеть вас всех тогда…

Из последнего монолога Зулики, «Непогребённой»

Прежде чем они вывели меня из леса, они меня долго пытали, издеваясь над моим телом, мучили мою грудь, мой живот, так много рожавший. Пытки длились долго. Казалось, они наслаждались моим телом, которое изнывало от пронзительной боли…Я знала, что неподалеку от меня и другие схваченные в лесу люди изнывают под пытками. Их было четверо. Их уже не было слышно. Но меня пытали особенно сладострастно. Может быть, потому, что это было женское тело… Я ведь была единственной женщиной среди макизаров из Цезареи. Мне доставалось многое: и быть связной, продолжая дело моего мужа Эльхаджа, и быть санитаркой, и готовить пищу, и собирать деньги у сочувствующих нашему делу… Но сейчас что мне помогало выдержать эти страшные муки? Только мысли о вас, моих четырёх детках, которые не должны были знать о страданиях своей матери.

А когда меня, истерзанную, вывели из леса, собранные французскими солдатами жители окрестных сёл меня узнали и просили отпустить. Им кричали, что пусть моя погибель послужит уроком, что с ними поступят так же, если они будут продолжать сопротивление… Но никто их, конечно, не послушался… А я, когда меня сбрасывали с вертолёта на землю, думала только об одном, обращаясь к Пророку с мыслью на родном арабском языке, на котором говорили мои предки, что он поможет вам всем выжить. Словно наша старинная традиция поможет всем выпрямиться в этом долгом и трудном для нас переходе. Потом я помню только одно, что меня сбросили на какую-то лужайку, вроде бы как уже мёртвую. Меня здесь подобрал какой-то местный парень и похоронил, зарыв в землю, сохранив обычаи нашей страны. Он почтил меня по-исламски, потом исчез в лесу. Уйдя туда, где сражались его собратья, несмотря на то, что были и те среди исповедующих ислам, которые проповедовали другое. Умение различать зло для спокойствия души и жизни будущих поколений. Жаль только одно, что ты никогда, моя дорогая дочка Мина, мой последний ребенок, никогда не увидишь этой опушки леса, где меня оставили гнить навечно…

Из Эпилога

Нет, образ Зулики не может исчезнуть навеки. Мы продолжаем слышать её голос, как будто она жива до сих пор. Хотя она рассказывает слишком голую правду – и о страданиях, и о предательствах, и о мучениях и пытках, которые претерпевали сражавшиеся за свободу. И никакие погребения, никакие гробницы, даже из мрамора, не смогут заглушить этот голос.

Примечания

[1] *Djebar, Assia.* La femme sans sepulture. P., 2002. Перевод фрагментов с французского и предисловие С.В. Прожогиной.

[2] *Djebar A.* La Soif. P., 1957.

[3] *Djebar A.* Nulle part dans la maison de mon père. P., 2015.

[4] *Djebar A.* Vaste est la prison. P., 1995.

[5] См.: *Djebar A.* Le Blanc de l'Algérie. P., 1996; Oran, langue morte. P., 1997.

[6] *Djebar A.* Les imatiens. P., 1958; L'amour, la fantasia. P., 1985.

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandes.ru

БУШМАКИН Вадим Александрович – кандидат филологических наук, г. Канадзава (Япония). E-mail: russiajin@yandex.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ГОКОВ Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент (Харьков, Украина). E-mail: gokovoa@gmail.com

ДЖАНДАН Бадем – кандидат исторических наук, доцент, приглашённый научный сотрудник Центра академических исследований, София, Болгария. E-mail: candanbadem@yahoo.com

ЗАЙЦЕВ Вячеслав Петрович – научный сотрудник Лаборатории Серендики Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). E-mail: sldr76@gmail.com

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КУЛАНОВ Александр Евгеньевич – независимый исследователь. E-mail: kodzin@mail.ru

ЛОКШИН Александр Ефимович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ale-lokshin@yandex.ru

МЕЛЕНТЬЕВ Даниил Вячеславович – преподаватель Факультета гуманитарных наук, Школа исторических наук НИУ ВШЭ (Москва). E-mail: back-in-95@mail.ru

МОЛОДЯКОВ Василий Элинархович – доктор политических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Университета Такусёку (Япония). E-mail: dottore68@mail.ru

НОРИК Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boris.norik@mail.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

РЫЖЕНКОВ Михаил Рафаилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: rgadadir@mail.ru

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна – кандидат исторических наук, заведующая сектором Кавказа Отдела Кавказа, Центральной Азии и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. E-mail: ptakhnaeva@gmail.com

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург (Германия). E-mail: wolodjaschmidt@smx.de